

Георгий Александрович Азановский
Русские на службе у Вермахта

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга посвящена истории русского коллаборационизма в годы Второй мировой войны. На основе архивных документов и воспоминаний участников русских военных формирований в составе немецкой армии воссоздана реальная история сотрудничества советских граждан и русской эмиграции с вооруженными силами Третьего Рейха.

Предисловие

Русский коллаборационизм во время войны Германии и СССР. На протяжении многих лет эта тема была крайне табуирована. В печати Советского Союза и в научной литературе во время существования этой страны никто не осмеливался серьезно затрагивать этот вопрос.

Вторая мировая война – событие, серьезно отразившееся на судьбах многих стран. Особенно много бед и страданий это событие принесло Советскому Союзу. На фронтах этой мировой битвы погибло бесчисленное множество граждан данной страны. Во многом благодаря беспримерным жертвам советских военнослужащих и гражданского населения, СССР сумел выстоять и сохранить свою государственность в ходе той страшной войны. Это понимали не только в самом Союзе, но и его зарубежные партнеры. «Сталинская империя победила за счет запасов народной крови», так о победе СССР над Германией писал британский историк Ричард Овери.¹

Да, действительно, победу СССР во Второй мировой войне принесло массовое участие советских граждан в кровопролитной войне против немецких оккупантов. Однако, как это не прискорбно, советское руководство, правящая в стране единственная партия ВКП(б), очень быстро присвоила эту победу советских людей над страшным и упорным врагом одной лишь себе: «Победа советского народа явилась торжеством политики Коммунистической партии в отражении нового нашествия империалистов на первое в мире социалистическое государство, торжеством марксизма-ленинизма...»²

Советское правительство тщательно скрывало тот факт, что именно его неграмотное руководство Рабоче-крестьянской Красной Армией на первом этапе войны СССР против нацистов в 1941-1942 годах привело к чудовищным последствиям. Немцами были захвачены огромные территории, принадлежавшие Советскому Союзу, бесчисленное множество людей оказалось в зоне немецкой оккупации, сухопутная армия и флот СССР в первые месяцы войны понесли большие потери. Особенно плачевной была судьба плененных советских солдат.

Точную цифру, относительно советских солдат, попавших в немецкий плен, сегодня не скажет никто. Но приблизительными, общими, цифрами оперировать можно. Так, по данным Генштаба Вооруженных сил РФ, потери Советского Союза пленными во время Советско-Германской войны составили 4 млн. 59 тыс. человек.³ Эти данные сходятся с результатами работы американской комиссии по исследованию этого вопроса. Из этой суммы, около двух миллионов советских военнопленных приходится на 1941 год, летом 1942 года в руки немцев попал еще 1 млн. 339 тыс. советских солдат. Судьба этих людей, брошенных своим правительством на произвол судьбы, и попавших в плен к жестокому врагу, была незавидной.

Советскому руководству граждане СССР, побывавшие в немецком плену, были не нужны. Оно откровенно боялось таких людей, как возможных противников действующего режима. Поэтому руководство страны старалось как можно сильнее унижить бывших военнопленных, изолировать их или просто уничтожить. «Они именовались теперь как "бывшие военнослужащие Красной Армии", следовательно ставились вне рядов Красной Армии со всеми вытекающими отсюда последствиями».⁴ Не лучше было советским солдатам и в немецком плену.

Причиной ужасного отношения к советским солдатам в немецких лагерях для военнопленных являлось не только ненависть Гитлера к славянам, но и действия советского

правительства. Немецкое командование аргументировало свою жестокость в отношении советских военнопленных тем, что Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР.⁵ В определенной степени это утверждение было правдой. В 1931 году Советский Союз присоединился к конвенции «Об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях». Однако при этом советская сторона отказалась подписать Гаагскую конвенцию и Женевскую конвенцию о военнопленных. Тем самым, перед самой Второй мировой войной, руководство Советского Союза сочло, что таких, достаточно формальных, мер будет достаточно для безопасности своих сограждан, которые могли бы оказаться в плену у врага. «Тем самым Сталин еще до начала советско-германской войны предал своих солдат...»⁶

Таким образом, миллионы граждан СССР, попавшие в плен во время Второй мировой войны, оказались никому не нужны. Их страна отказалась от них, администрация вражеских концентрационных лагерей воспринимала их как бесполезный материал, а связь с родными и близкими для этих несчастных была невозможной. Ни родины, ни страны, никакой надежды.

Нечего и говорить, что многие военнопленные из числа советских солдат возненавидели тот бесчеловечный режим, который царил у них в стране. Именно поэтому, когда им представилась возможность выступить против сталинского режима, царившего в России и других советских республиках, многие из этих людей согласились встать на сторону врага и сражаться на стороне Германии.

Военнопленные советские военнослужащие дополнили собой ряды русских коллаборационистов, которые, в силу различных жизненных обстоятельств, во время Второй мировой войны выступили против той страны, гражданами которой они являлись.

Однако военнопленные этнические русские были не единственными русскими, которые сражались против СССР во время Советско-германской войны. Ряды русских коллаборационистов также пополнялись представителями военной иммиграции, которые ожидали свержения большевизма в России, долгие годы вынужденно проживая за границей. Однако здесь они старались сохранить свой боевой опыт и военные традиции, считая, что рано или поздно их опыт пригодится в новой войне против большевистских сил. «Политике большевиков противопоставлялся эмигрантский «активизм» и подготовка к «весеннему походу», заключающаяся в сохранении и переподготовки военных кадров».⁷

Серьезным боевым опытом для многих русских эмигрантов, желавших сражаться против коммунистов, стало участие в гражданской войне в Испании на стороне националистических сил генерала Франсиско Франко.⁸ Участвовали они и в войне между Финляндией и СССР в 1939—1940 годах на стороне финских войск. Тем не менее, белоэмигранты желали скорейшего начала нового сражения за свою родину – Россию.

Изначально русская эмиграция в Европе надеялась, что войну против сталинского режима в СССР спровоцирует сам советский народ, замученный большевистской политикой коллективизации, раскулачиванием и массовыми репрессиями со стороны властей. Эмигранты также возлагали свои надежды на Рабоче-крестьянскую Красную Армию, считая, что офицеры советских вооруженных сил повернут свое оружие против ненавистного им Сталина. «На фоне таких настроений в середине 1930-х годов в Зарубежье приобрела популярность теория «комкора Сидорчука». В соответствии с новой концепцией выступление против Сталина мог возглавить малоизвестный командир РККА, выходец из крестьян, возмущенный репрессиями и последствиями коллективизации».⁹ Однако надежды русских эмигрантов на массовые социальные волнения в Советском Союзе и начала там антибольшевистского восстания не оправдались. К концу 30-х годов, вся власть в СССР по-прежнему прочно держалась в руках Сталина и его окружения.

Вместе с тем, в 1940 году для многих эмигрантов из России стало ясно, что единственным серьезным соперником, которой мог бы бросить вызов Советскому Союзу и сокрушить большевиков, стала нацистская Германия. «Для русских, для России военное выступление Германии будет началом новой, огромной эры... В настоящее время Германия обладает наиболее мощными вооруженными силами... Уничтожив Советы, Германия получит колоссальный российский рынок с его 170 миллионами обнищавших потребителей, нуждающихся решительно во всем».¹⁰

Начало наступления немецких войск на СССР летом 1941 года стало долгожданным и радостным событием для многих русских эмигрантов. Тысячи русских, проживавших на тот момент в Европе, решили внести свой вклад в разгром большевиков в России. Они пополняли собой вооруженные формирования, которые вместе с наступающей немецкой армией обрушивались в те дни на Советский Союз.¹¹

В конкретных научных исследованиях мы можем найти информацию о том, что на стороне немецких вооруженных сил на Восточном фронте Второй мировой войны могло участвовать около 1,5 миллионов добровольцев из числа советских граждан. Там же упоминается и тот факт, что более 20% личного состава части Вермахта, воевавшего на Восточном фронте, состояло из бывших советских граждан.¹² К этим полутора миллионам советских коллаборационистов нужно прибавить тысячи русских мигрантов, которые также воевали на стороне немецких войск в СССР и Европе, чтобы понять, насколько велико было сотрудничество русских с немецкой армией.

Русский, и советский, коллаборационизм – явление масштабное. Ни одна из воевавших во Второй мировой войне сторон не могла «похвастаться» таким количеством предателей, как СССР. Хотя, конечно, вопрос о предательстве советскими гражданами, перешедшими на сторону немцев, своей страны для многих исследователей этих событий остается спорным. Некоторые историки, изучающие русский и советский коллаборационизм на Восточном фронте, склонны считать, что советские граждане, не говоря уже о русских эмигрантах в Европе, имели полное право воевать против советского государства и власти большевиков. Ведь большевизм в России являлся самой страшной тоталитарной системой за всю историю человечества. Большевистский режим лишил многих жителей самой России, а также граждан других советских республик, их естественных прав: на жизнь, на свободу, вероисповедание. Большевики отобрали у миллионов людей их имущество, родных и близких, а, зачастую, и саму жизнь. Поэтому ряд исследователей русского коллаборационизма во Второй мировой войне, например К. М. Александров, склонны считать данное явление среди граждан СССР не просто сотрудничеством граждан отдельного воюющего государства с врагом, а полноценным социальным протестным движением. «В отличие от европейского коллаборационизма, в наибольшей степени спровоцированного определенными общественно-политическими симпатиями непосредственно к социально-экономической или политической доктрине фашизма, разносторонняя поддержка, оказанная противнику гражданами Советского Союза, обуславливалась беспрецедентными внутренними пороками сталинского общества».¹³

Однако, несмотря на все эти заманчивые факты, нас в данном исследовании интересует отнюдь не моральный вопрос, связанный с участием советских граждан и русских эмигрантов в войне на стороне Третьего рейха. Нас интересует исключительно сам факт участия этих людей в войне и то, как русский коллаборационизм сказался на ходе боевых действий на Восточном фронте Второй мировой войны.

Оказало ли участие советских граждан и русских добровольцев в войне на стороне немецких сил какое-либо серьезное влияние на ход военных действий в рамках Восточного фронта? Или же все эти люди оказались лишь банальными пособниками врага? Являлись ли

русские и советские коллаборационисты серьезной военной силой, или они лишь играли роль пропагандистского движения, целью которого было оказывать поддержку немецким военным планам?

Постараться ответить на эти вопросы и есть цель нашего исследования.

Чтобы придти к какому-то конкретному выводу, необходимо исследовать причины, которые привели в состав Вермахта тысячи коллаборационистов из числа русских эмигрантов, изучить военные операции, в которых принимали участие эти люди, а также постараться проследить судьбу русских коллаборационистов после войны.

Глава I. Положение советских военнослужащих в 30-е годы XX века

Российский историк Кирилл Михайлович Александров связывает явление массового коллаборационизма среди граждан СССР во время Второй мировой войны с гибелью лучших представителей русского общества в начале XX века. В кровопролитных боях Первой мировой войны в 1914 – 1916 годах практически погиб цвет нации русского государства. В эти годы было убито большинство офицеров русской пехоты. С этим обстоятельством историк связывает моральное разложение русского общества накануне Революции 1917 года.¹⁴

Та, старая, царская армия России имела офицерский корпус, сформированный из людей, являвшихся представителями привилегированных сословий. Для этих людей большую важность имела присяга «Царю и Отечеству», которую они произносили, положив свою руку на Евангелие. Нарушение этой клятвы для офицеров царской армии являлось бы равносильным самоубийству. Кроме того, в среде офицерского корпуса армии царской России существовал и определенный кодекс поведения, который также исключал предательство своего товарищества и сотрудничество с врагом.

С приходом к власти большевиков, остатки такого офицерства, равно как и дееспособная профессиональная армия в России, были уничтожены. А сменившее офицерство «старой» России офицерство РККА было совершенно другой структурой.

Срочная служба в Рабоче-крестьянской Красной армии длилась 1,5 года. Призывали в это вооруженное формирование мужчин, достигших двадцатилетнего возраста. Офицерский состав вооруженных сил СССР (РККА) был неоднороден. Командующими в этой армии становились совершенно разные лица: выходцы из крестьянского сословия, дети городского пролетариата, сыновья бывших военных и служащих царской России. Характерной особенностью личных биографий многих офицеров РККА было то, что они и их семьи, так или иначе, пострадали от действий советской власти. Родители некоторых представителей офицерского состава РККА были так называемыми «лишенцами», – людьми, лишенными гражданских прав из-за их профессии во времена монархической России.

Но созданию крепкого и идейного офицерства в Советском Союзе изначально противодействовало и само советское правительство. «В старой [царской. прим. автора.] армии солдата обучали разным ненужным вещам, всякой напрасной муштре, отдаванию «чести» бесконечному количеству всяких чинов. Советская власть всю эту ненужную муштру отбросила».¹⁵

Доверие многих кадровых военных к советской власти было окончательно подорвано массовым террором в 1937 – 1938 годах, который произвел тяжелейшее впечатление на

комначсостав РККА.¹⁶ Массовые преследования офицеров РККА начались в 1937 году, после «разоблачения» так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» маршала Тухачевского. В ходе этих репрессий число осужденных советских офицеров составило 9859 человек. Многие из этих людей были расстреляны. Остальные, перенеся унижительные пытки, допросы с пристрастием и многолетнее заточение в концлагерях, были восстановлены в армии в качестве техперсонала.

Политика советской власти по отношению к своим гражданам в 30-е годы прошлого века привела к полной нравственной деградации советских людей. Из-за бесчинств и злодеяний большевистской власти, люди окончательно и бесповоротно потеряли доверие к ней. Система государственно-административной монополии коммунистической партии в СССР держалась на страхе граждан перед террором, всеобщем подхалимстве, очковтирательстве и отсутствии какого-либо серьезного сопротивления со стороны граждан. Советские люди не любили эту власть и не желали каким-либо образом быть связанными с нею. «... при сознательном нарушении тех или иных норм и законов советский человек зачастую не чувствовал никакой нравственной вины – он считал себя вправе поступать столь же аморально по отношению к власти, как и власть поступала по отношению к нему».¹⁷

Моральный разлад, царивший в советском обществе, не мог миновать и армию Советского Союза. Офицерство РККА состояло из бывших крестьян, детей «лишенцев», представителей городского пролетариата. Акты насилия советской власти в первые годы ее существования над мирным населением России не могли остаться незамеченными для тех людей, которые были вынуждены, в силу определенных обстоятельств, встать на защиту этой самой власти. Были подвергнуты «раскулачиванию» или объявлены «врагами народа» родственники и члены семей многих военнослужащих РККА.

Все эти акты насилия со стороны советской власти не могли способствовать развитию чувства ответственности перед государством и страной, а также доверию к руководству страны и всей советской государственности у большинства офицеров РККА. Но было ли какое-то отчетливое и решительное сопротивление со стороны советского офицерства по отношению к тому государственному произволу, который царил в армии и обществе?

Здесь нужно вновь подчеркнуть, что офицерство РККА кардинально отличалось от офицеров императорской армии царской России. Среди офицеров той эпохи еще существовали представления о чести, репутации, присяге и других принципах, на которых воспитывалось офицерство в монархических державах прошедших лет. Среди офицеров РККА в 30-е – 40-е годы XX века не могло быть таких идейных и самоотверженных офицеров, как Михаил Николаевич Нарышкин, Николай Алексеевич Чижов, Михаил Андреевич Бодиско 2-й и т.д. Эти офицеры в декабре 1825 года подняли восстание против самодержавия и несправедливого социального строя в России. Руководствовались они при этом не своими желаниями и политическими предпочтениями, а стремлением к созданию справедливого гражданского общества в своей стране. Спустя более чем сто лет после восстания декабристов, тирания и произвол власти в России не только не исчезли, но и приобрели еще более масштабный и ужасающий характер.

К большому сожалению, офицерство РККА в указанные годы не могло похвастаться такими же самоотверженными чувствами к своей стране и к своему народу, как их «коллеги» из XIX века. В советской армии, как и в советском обществе, царила номенклатура. Только в военной среде это была офицерская номенклатура. На первом месте у советских военачальников стояла жажда скорейшего продвижения вверх по карьерной лестнице. Чтобы как можно быстрее достичь командных высот, многие офицеры РККА старались заручиться поддержкой своих высокопоставленных знакомых и земляков. Так в советской армии, по мнению историка Д. В. Суржика, сформировались так называемые «землячества» – крупные

клановые группировки офицеров, созданные вокруг одного или нескольких видных советских маршалов и генералов.¹⁸ Соперничество между этими офицерскими группировками, или «землячествами», за главенство в армии и сделало вооруженные силы Советского Союза в конце 30-х годов фактически недееспособными.¹⁹

Конечно, несмотря на тотальный конформизм в советской армии, в ее рядах все же находились отдельные личности, которые имели смелость бросить вызов страшному государственному террору и повсеместному бесправию гражданских и военных в СССР. Историк К. М. Александров подробно описывал примеры протестных акций отдельных советских военнослужащих в предвоенные годы: «Порой они совершали «контрреволюционные преступления» вплоть до государственной измены и открытого вооруженного сопротивления. Известными невозвращенцами стали военно-морской атташе СССР в Швеции А. А. Соболев, бывший старший лейтенант Российского флота – в 1930 году, и поверенный СССР в Греции, ответственный сотрудник Разведуправления РККА комбриг А. Г. Бармин (Графф) – в 1937 году. Нетипичными для традиции русского воздухоплавания были угоны самолетов, пилоты которых получали убежище в определенных государствах».²⁰ Однако подобные акты сопротивления тоталитарной системе в СССР были крайне редкими и единичными. Они не перерастали в массовые протестные движения.

Бесправие военных и гражданских лиц в Советском Союзе в предвоенные годы сопровождалось звериным равнодушием большевистского правительства к своим гражданам. Советское правительство равнодушно относилось к личному составу РККА. Человеческие потери и массовое пленение солдат в военных конфликтах, в которых Советский Союз принимал участие, нисколько не заботили правителей армии и страны. Есть немало примеров такого отношения советских властей к своим военнослужащим. Во время гражданской войны в Испании в 1936 – 1939 гг. руководство СССР оказывало испанским республиканцам огромную военную помощь в виде оружия и профессиональных кадровых военных. Однако власти этой страны на деле отказывались признавать присутствие в Испании своих военнослужащих, отвечая на все международные запросы лишь общими отговорками. Таким образом, советские солдаты, принимавшие участие в гражданском конфликте в Испании, становились никому не нужными и бесправными людьми, гражданами «некой страны, которая пришла на помощь испанской демократии».²¹ Подобное бесправие и обреченность советских солдат наблюдались и во время Советско-финской войны 1939 – 1940 годов. Во время этой военной кампании советское военное руководство зачастую бросало некоторые свои боевые подразделения на произвол судьбы, заставляло своих же солдат умирать от холода и голода в ледяных окопах: «Уже 25 января из отдельных гарнизонов стали поступать сведения об истощении продовольственных запасов. Дальше – хуже. 29 января из штаба 18 стрелковой дивизии: «Продовольствия не сбросили, почему – непонятно. Голодные, положение тяжелое». В тот же день из гарнизона у развилки дорог пришло другое сообщение: «Окружены 16 суток, раненных 500 человек. Боеприпасов, продовольствия нет. Доедаем последнюю лошадь»».²²

Советское правительство пыталось прикрыть свое равнодушие к судьбам своих военнослужащих умелой и хорошо спланированной государственной пропагандой. Стоит отметить, что со времени своего появления советская власть прилагала большие усилия, чтобы подчинить своей воле всю общественную жизнь в СССР. Представители партийных органов управления, так называемый «социальный актив», вели непрерывную агитацию во многих населенных пунктах Советского Союза: «... вплоть до полярных зимовок и дрейфующих льдин».²³ Немало подобных правительственных активистов было и в советской армии. Армейские «соколы» советской пропаганды, так же как и их коллеги среди гражданского населения, вели пропаганду «правильности» политической и общественной жизни в СССР. Они уверяли граждан «страны советов» в том, что те живут в счастливом

бесклассовом обществе, власть в котором принадлежит только пролетариату и крестьянам. На деле же, лишь немногие из активистов были по-настоящему «верующими» коммунистами, которые беспрекословно верили партии большевиков и ее руководству. Они являлись слепыми последователями коммунистической утопии, готовыми отдать свою жизнь ради ее осуществления, а также обречь на смерть и миллионы своих сограждан. Однако многие из таких активистов исполняли свои обязанности по оболваниванию населения исключительно по корыстным соображениям. Ни в «мировую революцию», ни во всеобщее «торжество коммунизма» они не верили. Остальные же сотрудники пропагандистской машины СССР, ответственные за пропаганду среди граждан этой страны, заняли свой пост вследствие определенных жизненных обстоятельств. Они с большим трудом и неохотно исполняли свои служебные обязанности, не верили большевикам, и с отвращением осознавали, в какой ужасной действительности они живут. Партийные деятели отлично понимали, что вся реальная власть в СССР в действительности принадлежала высшей партийной номенклатуре и ее единственному вождю. Для них было совершенно очевидно то, что вся вертикаль власти в Советском Союзе основывалась на сплошной и наглой лжи, повсеместном подхалимстве, и глупом, нелепом, восторженном патриотизме. Такие настроения были и среди некоторых военных чинов, ответственных за пропаганду в войсках. Так, 2-й секретарь Ростокинского райкома ВКП(б) Г. Н. Жилинков описывал свою службу в советской армии следующим образом: «Психологический гнет заключается в постоянном страхе, не в невозможности самостоятельно жить даже в своем внутреннем мире, а совсем в другом. Если вы член партии, и не просто член партии, а какой-нибудь руководитель, вы должны быть все время в состоянии энтузиазма, в состоянии восторга, в состоянии непоколебимой веры и в вождя, и в каждое его указание. Если вы только согласны со всем этим – этого мало, этого недостаточно. Вы должны гореть. <...> Все умеют лгать. И знаете, лгать не только словами, не только глазами, а жестами, походкой, манерой разговаривать – все должно быть искуснейшей ложью. Если она будет слишком грубой и заметной, вы враг. Она бывает непереносимой, но уйти от нее нельзя».²⁴

Жалкое состояние РККА, бесправие солдат и офицеров этого вооруженного формирования, в 30-е годы двадцатого столетия обусловило появление массового дезертирства из рядов советской армии в предвоенный период. «Так, в докладе о работе милиции Кировской области за 1-й квартал 1941 года отмечалось, что к началу указанного квартала находилось в розыске 246 дезертиров из РККА, в течение квартала было получено 49 агентурных дел на дезертиров из РККА».²⁵ Нечего и говорить, что с началом Советско-нацистской войны количество дезертиров из советских вооруженных сил возросло в десятикратном размере: «Только за период с 22 июня и до конца 1941 года органы НКВД СССР задержали свыше 710 тысяч дезертиров-военнослужащих, более 71 тысячи уклонистов от мобилизации».²⁶

Таким образом, несмотря на все идеологические операции советских властей, боевой дух и профессионализм в рядах солдат и офицеров РККА, в 30-е годы прошлого столетия попросту отсутствовали. Эта армия не была даже подобием более организованной и сплоченной армии монархической России. Бесправие, голод, унижения и безвыходность среди военнослужащих РККА стали главной причиной появления большого количества коллаборационистов из их рядов во время войны между СССР и Германией.

Глава II. Русская белая военная эмиграция во Второй мировой войне

После поражения антибольшевистских сил в Гражданской войне в России ее покинуло около одного миллиона человек.²⁷ Это была «первая волна» русской иммиграции за рубеж. Многие русские эмигранты с большой горечью воспринимали те события, которые происходили на их покинутой родине. Были уничтожены старые нормы морали, полностью

нарушен традиционный уклад жизни русских людей, подвергались гонениям со стороны новой большевистской власти интеллигенция и свобода вероисповедания. Все эти ужасные социальные трагедии все русские эмигранты связывали напрямую с воцарением власти большевиков в России. Однако многие русские, вынужденно покидавшие свою родную страну, надеялись, что очень скоро они вновь вернуться на родину, чтобы свергнуть ненавистный им большевистский режим. «Поэтому примирение между эмиграцией и Республикой Советов исключалось»²⁸

Русские эмигранты, поселившиеся в Германии, Франции, Польше и других европейских государствах, внимательно следили за той политикой, которую европейские державы придерживались в отношении СССР. Эмигранты искренне надеялись на скорую освободительную интервенцию европейских стран в Россию. Издатель эмигрантского военно-политического журнала «Часовой» Василий Васильевич Орехов так описывал чаянья русских за рубежом об освобождении их родной России от большевиков: «... нам же, русским людям за рубежом надо быть готовым принять посильное участие в близящихся событиях, без демагогии и скоморошества, но единственно с достойной и правдивой оценкой момента и событий».²⁹ Среди эмигрантов существовали различные мнения относительно участия русских на стороне иностранных армий в случае войны с СССР. Самую радикальную позицию касательно этого вопроса занял Антон Иванович Деникин, бывший генерал Белой армии на Юге России. С возрастанием военной мощи нацистской Германии в 30-х годах прошлого века, Деникин призывал русских не симпатизировать немецким нацистам, заявляя при этом, что и коммунизм и нацизм – одинаково губительны для России и русских. «И пангерманизм, и коммунизм несут рабство народам, – рассуждал он в январе 1940 года. – Иго немецкое, большевицкое или немецко-большевицкое одинаковы губительны. И поэтому, подняв оружие, нельзя останавливаться на полпути, а необходимо покончить навсегда с обоими врагами человечества».³⁰ Единственным приемлемым вариантом, по мнению А. И. Деникина, была бы война Франции и Англии против большевизма и советской власти, но «не против России, не против народа русского, а только против большевизма и советской власти».³¹

Однако именно с необычайно усилившимися немцами после прихода к власти в 1933 году Адольфа Гитлера многие русские эмигранты связывали свои мечты об освобождении России от большевиков. При этом их не смущало даже пренебрежительное и откровенно враждебное отношение нового немецкого канцлера к России и к русским вообще. «Все же, господа младороссы, даже Адольф Гитлер, которого вы считаете врагом России, не кормил бы голодных псов мясом русских людей, которых он, по своему мышлению, может быть и недостаточно уважает».³² Именно поэтому становится понятным негодование многих русских эмигрантов, когда в 1939 году Германия и СССР заключили соглашение о партнерстве: «Адольф Гитлер, пришедший к власти под флагом борьбы с коммунизмом, боровшийся против большевиков в течение нескольких лет, разоблачавший сущность коминтерна в каждой своей речи, обличавший другие государства в поддержке советской власти, говоривший о том, что «честь культурных народов оскорбляется и унижается при виде позорных сношений с московскими правителями», в минуту опасности для своей страны, пренебрег всеми этими принципами и заключил с большевиками договор, идущий, благодаря крупнейшему торговому соглашению, значительно дальше обыкновенного «пакта о ненападении». Этим А. Гитлер убил созданное им движение «антикоминтерна» и превратил себя из того, кем он многим казался – главы международного антибольшевистского движения, в эгоистичного главу национального государства».³³

В 1938 году в Германии была создана новая военная организация русских белоэмигрантов – Объединение Русских Воинских Союзов (ОРВС). Во главе этой структуры встал генерал-майор Алексей Александрович фон Лампе. Он, как и многие другие русские военные эмигранты, возлагал большие надежды на нацистский режим в Германии в деле

освобождения России от большевиков. 21 мая 1941 года фон Лампе направил официальное обращение к Главнокомандующему Вермахта генералу-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу. В своем обращении фон Лампе выражал свою надежду на неизбежный скорый военный конфликт между Германией и СССР, предоставлял офицерские кадры ОРВС в распоряжение Вермахта, а также просил Браухича допустить военнослужащих ОРВС к участию в кампании на Восточном фронте.³⁴ Не дождавшись ответа на свою просьбу от высшего военного руководства Германии, фон Лампе повторил свой запрос. Он также обратился с этими же предложениями лично к Адольфу Гитлеру. Однако сам фюрер также оставил без внимания письменные обращения бывшего офицера Российской империи. Отчаявшись получить хоть какую-то поддержку от немцев, руководство ОРВС предложило своим подчиненным, в случае войны между СССР и Германией, отправляться на советско-германский фронт в качестве частных добровольцев.³⁵

В начале войны против СССР, руководство нацистской Германии твердо решило, что оно не нуждается в услугах русских эмигрантов на фронте. «В соответствии с политическими установками Гитлера в боевых действиях на Востоке исключалось участие чехов, а также русских эмигрантов... «Мы не имеем никакого интереса в подобном представительстве русских эмигрантов»». ³⁶ Однако немцы все же позволили русским эмигрантам вступать в ряды своих боевых подразделений на Восточном фронте в качестве частных добровольцев. Уже в первые дни войны, на оккупированной немецкими войсками территории Франции в ряды добровольцев записалось 1500 русских эмигрантов.³⁷ Однако многих из этих людей ждало большое разочарование. Вместо возможности участвовать в боевых действиях против РККА, немецкое командование доверило белоэмигрантам присутствовать на фронте только в качестве переводчиков. При этом, непосредственно отправиться на фронт сумело только 200 человек.³⁸ Из Германии отправиться на Восточный фронт в первые дни войны сумело 52 русских добровольца.³⁹ В Испании помочь немецкой армии вызвалось 29 белоэмигрантов из России.⁴⁰ Еще 20 русских белоэмигрантов Вермахту предоставила Болгария.⁴¹

Как мы видим, в первые месяцы Советско-нацистской войны лишь относительно небольшое количество русских эмигрантов сумело принять хоть какое-то активное участие в этой войне на стороне немецких войск. Однако после поражения немецкой военной стратегии «Блицкрига» на Востоке, и затягивания военных действий в СССР, немецкое командование начало относиться к помощи русских эмигрантов более лояльно. «В январе 1942 г. начальник Юго-восточного отдела ОРВС довел до сведения своих подчиненных, что немцы затребовали у него в срочном порядке список лиц, готовых участвовать в борьбе с коммунистами».⁴² С этих пор, количество белоэмигрантов на Восточном фронте, участвовавших в боях на стороне германского Вермахта, резко увеличилось. Известны случаи, когда в ряды немецкой армии вступали целые семьи русских военных эмигрантов. Историк К. М. Александров подсчитал, что в ходе Второй мировой войны на стороне стран «Оси» участвовало не менее 20 тысяч русских военных эмигрантов.⁴³

Многие из них так и остались безымянными солдатами, но некоторые из них стали широко известными.

Должно быть, одной из самых известных личностей из числа русских военных эмигрантов, состоявших на службе у Вермахта, стал Борис Алексеевич Хольмстон-Смысловский. Его деятельность в качестве военнослужащего Вермахта стала основой для создания художественного франко-швейцарского фильма «Ветер с востока», рассказывающем о трагической судьбе вооруженного формирования русских коллаборационистов, служивших на стороне немецких сил, и попросивших убежища от советского правительства в небольшом европейском государстве Лихтенштейн в мае 1945 года.

Несмотря на существование многочисленных зарубежных биографий этого генерала, русскоязычных исследований о нем совсем немного. А в зарубежной прессе русских эмигрантов мы можем найти исключительно доброжелательные и хвалебные отзывы об этом человеке: «И. Л. Солоневич писал о генерале Х.-С. следующее: «У него есть смелость и широта мысли, есть умение поставить совершенно по новому очень старые по существу вопросы. Большинство ответов, которые он дает, носят характер ответов профессионального военного...».⁴⁴

Хольмстон-Смысловский появился на свет в финском поселке Териоки 3 декабря 1897 года. Он был сыном кадрового офицера Российской императорской армии. После окончания обучения в 1-ом Московском императрицы Екатерины II кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище, Смысловский поступает на службу в Лейб-гвардию 3-й артиллерийской бригады. В 1915 году будущий генерал Вермахта принимает участие в сражениях Первой мировой войны. За отважное поведение на фронте Смысловский был удостоен ряда престижных царских наград: «... начиная со Св. Анны 4-й степени и заканчивая Св. Владимиром 4-й степени с мечом и бантом».⁴⁵ В 1917 году Борис Алексеевич желает продолжить свое военное образование, и с этой целью поступает на ускоренный курс Академии Генерального штаба. Однако закончить обучение ему не позволяет начавшееся большевистское восстание. Молодой офицер Смысловский не пожелал мириться с новой преступной властью в России. Вскоре он вступает в ряды белогвардейской Добровольческой армии, участвует во Втором Кубанском походе и в десантной операции в Крыму.

После окончания Гражданской войны в России Борис Алексеевич перебирается в Польшу. Здесь он принимает польское гражданство и остается жить в Варшаве. Здесь же, в польской столице, он женился на польской подданной Ирине Николаевне Кочанович. В 1928 году Смысловский переселяется в Германию, где он поступает на высшие военные курсы при Военном ведомстве, которые оканчивает в 1932 году. Нужно сказать, что деятельность Смысловского, как немецкого военнослужащего, началась именно в эти годы. Ведь эти самые военные курсы на самом деле являлись замаскированной Академией Генерального штаба Рейхсвера, которую Германия, согласно условиям Версальского соглашения, иметь не могла.⁴⁶ Тот факт, что Хольмстон-Смысловский проходил обучение в столь законспирированном немецком учебном заведении, говорит о том, что этому человеку доверяло даже высокопоставленное немецкое руководство. После окончания курсов военной разведки, Смысловский был принят на службу в отдел иностранных армий Войскового управления, где он обзавелся весьма тесными связями с представителями Абвера.⁴⁷ Историк С. И. Дробязко упоминал, что еще с середины 1920-х годов, Смысловский мог быть связан с немецкой разведкой, и работать на нее против Польши, в которой он на тот момент проживал.⁴⁸

С началом войны Германии против СССР, Борис Алексеевич не пожелал оставаться в стороне, и, как офицер Вермахта, отправился на Восточный фронт. Нужно сказать, что, несмотря на то, что Борис Алексеевич смог наладить свою жизнь в эмиграции, содержал жену и дочь, его очень сильно тяготило положение простого гражданского обывателя. Ведь он все же оставался профессиональным военным, а также потомственным дворянином «... принадлежащим к аристократической военной касте».⁴⁹ Кроме того, Смысловским двигало желание продолжать борьбу против большевистского режима в России. С большевиками у Смысловского были и личные счеты.⁵⁰ Бывший офицер Русской Императорской армии, хорошо образованный и эрудированный, Смысловский прекрасно ориентировался в политической обстановке, царившей в Европе на рубеже 20-х – 30-х годов прошлого века. Он понимал, что новая масштабная европейская война не за горами. Его предчувствия полностью оправдались с началом сенсационных политических событий в Германии в 1930-х годах. Позже, после окончания Второй Мировой войны, Борис Алексеевич так описывал свои предвоенные мысли: «Было ясно, что готовится грандиозная мировая война.

*Что Америка не останется нейтральной. Что цель мировой политики – полная ликвидация не только гитлеризма, но и существования самой Германии. Но здесь было большое НО: великая англо-саксонская империя имела далеко и глубоко идущие оперативно-политические планы. Перед тем как покончить с Германией, решено было «натравить» Германию на СССР. И, так сказать, германскими руками ликвидировать мировой коммунизм».*⁵¹

С началом войны Германии против СССР Смысловский оказался на советско-германском фронте в качестве сотрудника разведывательного отдела штаба группы армий «Север», имея при этом чин зондерфюрера «К»⁵² (особого офицера в немецкой армии того времени). Служа Вермахту, Смысловский был в курсе истинных намерений нацистов относительно целей войны на Востоке. Он прекрасно понимал, что Германия в войне против СССР решает не только проблему коммунизма, но и преследует свои цели в деле завоевания «жизненного пространства». Однако Борис Алексеевич выработал свою собственную формулу, которая помогала ему участвовать в войне на стороне Германии: *«Германская армия на своих штыках не несет России национального правительства, но зато несет уничтожение советской власти, которая уже 24 года убивает тело и дух русского народа».*⁵³

Уже в июле 1941 года Смысловский сумел добиться от немецкого командования разрешения на создание одного русского учебного разведывательного батальона для сбора дополнительной информации о силах РККА. Историк С. И. Дробязко оценивал это как наиболее важное из достижений Бориса Алексеевича: «Таким образом, майор Регенау [псевдоним А. Б. Смысловского в среде немецких спецслужб. прим. автора.] стал основателем и командиром первого русского антисоветского формирования в составе германской армии».⁵⁴ Стоит отметить, что так называемый батальон Смысловского, который изначально должен был служить школой для подготовки разведчиков и диверсантов, по замыслу самого его командира в будущем должен был стать базой для создания независимой русской национальной армии. Об этом уже после войны обмолвился один из приближенных Бориса Смысловского.⁵⁵ Формирование данного подразделения закончилось 24 сентября 1941 года. В тот же день, на территории разведшколы в эстонском городе Валга состоялось торжественное построение русских добровольцев Вермахта. В ходе этого мероприятия Борис Смысловский произнес весьма красноречивую речь перед новыми боевыми разведчиками: *«Каждый, кто сюда пришел, должен работать для России. Я работаю в штабе фронта, вы будете работать на передовой, и, работая, вы должны понимать, что служите России, и ваша победа принесет возрождение Великой Национальной России».*⁵⁶ Изначально батальон формировался исключительно из представителей русской военной эмиграции. Однако очень скоро, из-за нескольких громких провалов русских разведчиков, работавших на Абвер, в советском тылу, стало очевидно, что русские эмигранты не смогут полноценно справиться с возложенной на них работой. «Так, посланные в качестве агентов в сентябре 1941 г. трое русских эмигрантов были обнаружены и ликвидированы в окрестностях г. Луга советской контрразведкой так как, пойдя в баню, они забыли снять свои нательные золотые кресты. По аналогичным причинам из 11 агентов, направленных в начале сентября 1941 г. в район Нарвы, в течение месяца погибло восемь человек».⁵⁷ Учитывая эти факты, Борис Смысловский решил более активно привлекать в свое формирование бывших советских граждан, плененных солдат и офицеров РККА. «После войны он вспоминал, что через его руки прошли четыре генерала, несколько сот офицеров и более 60 тысяч рядовых красноармейцев».⁵⁸

Все завербованные Борисом Смысловским и его агентами бывшие красноармейцы проходили тщательную проверку сотрудниками немецкой контрразведки. Особое внимание уделялось тем военнопленным, которые с ненавистью относились к большевистской власти, а также имели хорошее военно-техническое образование.

До конца 1941 года было сформировано 12 таких разведшкол.⁵⁹ Все они располагались на разных участках Восточного фронта. Сам Борис Смысловский был назначен немецким командованием главой так называемого Зондерштаба «Р» (особый штаб «Россия»). Это формирование было призвано вести законспирированное наблюдение за партизанским движением и бороться с ним, а также осуществлять антисоветскую пропаганду среди населения оккупированных территорий СССР. Штаб располагался в Варшаве, скрываясь под вывеской «Восточная строительная фирма Гильгена». Его резидентуры действовали в крупнейших городах Советского Союза: Киеве, Минске, Симферополе и Пскове. Количество сотрудников штаба достигало 1000 человек.⁶⁰ Все они осуществляли свою шпионскую деятельность под видом сотрудников строительных, дорожных, хозяйственных и прочих учреждений оккупационной власти. Несмотря на свою основную направленность, Зондерштаб «Р» никогда не ограничивался лишь контрразведывательной деятельностью. «Птенцы» Смысловского работали также и в глубоком тылу противника. Агентура Зондерштаба «Р» выполняла задачи по выявлению новых формирований РККА, распространению дезинформации в среде противника, переманиванию советских военнослужащих на сторону немцев.⁶¹ С этими задачами штаб Смысловского справлялся очень даже хорошо. Это признавали даже советские органы госбезопасности: «...в лице «Зондерштаба «Р» они имели очень опасного противника, борьба с которым стоила чекистам немалых жертв».⁶² Успех разведчиков Бориса Смысловского признавали не только советские высокопоставленные лица, но и его немецкие коллеги. Так, начальник полиции безопасности и СД генерального комиссариата «Белоруссия» оберштурмбанфюрер СС Эдуард Штраух писал в своем донесении в Берлин летом 1943 года: «...В обнаружении и ликвидации партизанской группировки, действовавшей западнее автомагистрали Минск – Слуцк, принимали непосредственное участие работники резидентур «Зондерштаба «Р». Результаты проведения операции: убито 415 человек, взято заложников – 617, сожжено деревень – 57, выселено 215 семей. Обезврежено коммунистов, партизан и сочувствующих им – 1050 человек, из них 175 расстреляно на месте, остальные находятся под стражей...».⁶³

В разведшколе Смысловского в городе Валга курсанты изучали следующие дисциплины:

1. Агентурная разведка.
2. Контрразведка и ее деятельность.
3. Организация и структура Красной армии.
4. Топография.
5. Политинформация.

Во время обучения на курсах разведшколы ее курсанты носили латышскую военную форму. На левых рукавах кителей и шинелей они обязаны были носить нашивки с российским триколором. На головном уборе курсанта помещалась кокарда бывшей царской армии России. Во время обучения в данном учебном заведении будущие разведчики-коллаборационисты самостоятельно придумывали себе легенды по даваемым им заданиям. Их подготовка в деле контрразведки существенно облегчалась тем, что занятия по этому курсу в школах Зондерштаба «Р» вели бывшие командиры Рабоче-крестьянской Красной армии.

Перед отправкой на задание бойцы Смысловского могли насладиться небольшим и беззаботным отдыхом. Они получили усиленное питание, спиртные напитки, а также получали право на увольнительные в город. «Перед самой заброской на советскую сторону устраивались банкеты, на которых произносились хвалебные речи в честь Гитлера и Третьего рейха. На такие банкеты приглашались женщины из близлежащих населенных пунктов, однако их круг был очень ограничен».⁶⁴ За успешное выполнение задания немецкого командования, разведчики Смысловского получали награды, и даже могли поступить вольноопределяющимися в одну из немецких воинских частей.

К 1943 году 12 дивизий Зондерштаба «Р» стали составлять номинальную Особую дивизию «Р». По подсчетам самого Хольмстон-Смысловского, общая численность личного состава этой дивизии достигала 10 тысяч человек.⁶⁵ Кроме этого руководство зондерштаба поддерживало партнерство с антисоветскими группами на территории подконтрольной советским войскам, а также с польской Армией Крайовой и украинскими националистами. Изначально, немецкое командование, хорошо знавшее о личных намерениях Смысловского в отношении подконтрольной ему армии коллаборационистов, равнодушно относилось к национальной инициативе Бориса Алексеевича, «...считая данный вопрос не столь существенным в тот момент, когда перед абвером стояли другие, куда более важные задачи, которые требовали своего решения».⁶⁶

Однако в конце 1943 года, когда положение немецких войск на Восточном фронте существенно ухудшилось, вышестоящее руководство Зондерштаба «Р» больше не желало терпеть самоуправство главы этого формирования. И, действительно, как писал исследователь С. И. Дробязко, за Смысловским к этому периоду накопилось немало «грехов».⁶⁷ Командование Абвера раздражало то, что Смысловский установил слишком тесные связи с украинскими и польскими партизанами-националистами, отказался поддержать акцию генерала Власова, привлекал в Зондерштаб «Р» русских националистов из Народно-трудового союза, но также немецкие начальники Б. А. Смысловского выяснили, что руководитель зондерштаба предоставлял им неполные разведданные, получаемые им от своих разведчиков. На этом терпение немецкого руководства иссякло. 1 декабря 1943 года Смысловский вместе с несколькими высокопоставленными офицерами Зондерштаба «Р» был взят под арест немецким командованием. Однако это вовсе не означало, что карьере Смысловского как офицера Абвера и немецкого разведчика пришел конец.

Причин ареста Смысловского и расформирования его штаба было несколько. Это могло быть результатом интриг недоброжелателей Бориса Алексеевича из среды представителей высшего немецкого командования, а также следствием подрывной деятельности русских националистов из Народно-трудового союза, которые искренне недолюбливали Смысловского. Сам Борис Алексеевич в своих воспоминаниях утверждал, что поводом к его аресту стало его сотрудничество с украинским националистом Тарасом Бульбой Боровцом, у которого, в свою очередь, были серьезные разногласия с немецкими оккупационными войсками в Украине.⁶⁸

Как бы то ни было, но немецкое военное командование вскоре вновь было вынуждено прибегнуть к услугам Хольмстона-Смысловского. Весной 1944 года с него были сняты все обвинения. Сразу же после этого Бориса Алексеевича вызвали в ставку Адольфа Гитлера и наградили орденом Германского орла II степени с мечами.⁶⁹ В мае этого же года, его вызывают в ставку Верховного командования Вермахта (ОКВ), где офицеру было предложено возглавить новый разведывательный орган при немецкой армии. Однако на этот раз, в отличие от назначения Зондерштаба «Р», эта организация должна была сосредоточить свои силы на агентурной разведке в тылу советских войск.⁷⁰ Смысловский принял предложение немцев. Однако теперь он выдвинул им на встречу свои собственные условия:

«1) Новые русские формирования.

2) Эти формирования должны быть утверждены не только германским военным командованием, но и Главой германского государства, чтобы сохранить их от посягательств немецкой партийно-политической головки.

3) Ему должны быть предоставлены все права и средства для организации повстанческого движения на территории России.

*4) Вся борьба, возглавляемая им, происходит только на Восточном фронте против Советского Союза».*⁷¹

Немцы не без колебаний приняли эти условия, но с учетом некоторых поправок. Таким образом, Смысловский получил больше возможностей для формирования своего личного войска, которое, по его замыслу, действовало бы в интересах русских.

Вскоре Смысловский прибыл в варшавскую разведшколу. На базе этого учреждения он начал формирование новой разведывательной структуры – Штаб части особого назначения (Stab Einheit z.b. V.). Рядовой состав для новой разведшколы набирался из курсантов учебных лагерей и в спецчастях немецкой армии. Использовались также и советские военнопленные. Новое начинание Бориса Алексеевича также имело успех: «С августа по декабрь 1944 года Смысловскому удалось наладить механизм по подготовке и переброске шпионов в тыл наступающей Красной Армии. За это время через его разведшколу прошло несколько тысяч советских военнопленных, окончивших специальные курсы».⁷² Осенью-зимой 1944 года Борису Смысловскому удалось наладить механизм по подготовке шпионов и переброске их в тыл советских войск. Однако работать этим разведчикам в тылу у «красных» было нелегко. Советской контрразведке зачастую удавалось мгновенно пресекать попытки противника добыть ценную информацию о частях и соединениях Красной Армии. Но, несмотря на большие промахи и неудачи, Смысловский продолжал свою работу.

На фоне тяжелой борьбы с общим врагом, Смысловский осенью 1944 года все-таки сумел добиться от немцев исполнения своей главной просьбы – создания 1-й Русской национальной дивизии. В нее была переименована Русская объединенная разведшкола.⁷³ Основу этого боевого соединения, входящего в состав Вермахта, составляли офицеры эвакуированной из Варшавы «Русской объединенной разведшколы», а также кадры из учебно-разведывательных батальонов с Восточного фронта. Всего подразделение насчитывало в своих рядах до 6000 человек.⁷⁴

Как опытный военный и разведчик, Борис Смысловский в этот период понимал, что война может очень скоро закончиться поражением Германии. Однако он все равно прилагал максимальные усилия для продолжения подрывной деятельности в отношении Советского Союза. На активную работу в этом плане его подталкивала надежда на то, что после окончания Советско-нацистской войны, обученные им шпионы и диверсанты, могут быть использованы западными спецслужбами против СССР. На помощь западных спецслужб уже после войны Борис Алексеевич искренне уповал. Для него это было бы продолжением борьбы против ненавистного советского государства, которое принесло ему и его семье так много горя: «... заняв искренне дружественную позицию в отношении русского народа, вы сможете приобрести самую разрушительную и самую страшную для Советов моральную атомную бомбу»,⁷⁵ – писал в своих послевоенных мемуарах Хольмстон-Смысловский, обращаясь к правительствам государств, которые соперничали с СССР в «холодной войне».

Апогеем участия Смыловского в Советско-нацистской войне стала дата – 22 февраля 1945 года. Именно в этот день была создана 1-я Русская национальная армия. Самому Смыловскому было присвоено звание генерал-майора Вермахта.⁷⁶ Конечно, само название «Русская национальная армия» было пропагандистским.⁷⁷ Но Борис Смыловский подчеркивал, что вверенная ему армия обладала рядом преимуществ и была самостоятельной боевой единицей. «1-я РНА была «союзной армией» Вермахта, обладала правом нейтралитета по отношению к «англо-саксонцам» и правом пользоваться на территории Германии русским национальным флагом».⁷⁸

Продолжая выполнять свои прямые обязанности по военной службе, Борис Смыловский, уже прекрасно осознавая неминуемый крах Германии во Второй мировой войне, начал приводить в исполнение свой план по эвакуации своих подчиненных и себя лично в безопасную и нейтральную страну в Западной Европе. Он не мог позволить себе

попасть в руки советских спецслужб. Это неминуемо привело бы к гибели самого Бориса Алексеевича, его подчиненных, а также всех дальнейших замыслов по борьбе с большевицким режимом в России. План отхода на запад Смысловский начал создавать еще в 1943 году, когда немецкая армия потерпела тяжелое и печальное поражение от советских войск в Сталинграде.⁷⁹ Однако свое возможное отступление Смысловский разрабатывал не без помощи своих немецких покровителей.⁸⁰

В качестве страны-убежища Смысловский выбрал маленькое княжество на западе Европы – Лихтенштейн. У Смыловского были веские основания выбрать именно это небольшое государство для спасения от приближающейся советской карательной машины. В этой «... крошечной стране, связанной со Швейцарией таможенным союзом, но совершенно независимой»⁸¹, у Бориса Алексеевича и его людей было больше шансов не попасть в руки к своим заклятым врагам, нежели в сочувствовавших большевикам Франции и Чехии.

Армия Смыловского перешла границу Швейцарии и Лихтенштейна в ночь со 2 на 3 мая 1945 года. На тот момент личный состав 1-й РНА насчитывал 494 человека: «462 мужчины (2 полка – из них 73 – офицера), 30 женщин и 2 детей».⁸² Нужно отметить, что уход армии Смыловского в нейтральную страну не был актом примитивного бегства от страшной Красной Армии. Отступление 1-й РНА под командованием Бориса Алексеевича в Лихтенштейн, в первую очередь, являлось отчаянным актом спасти лучшие военные кадры военной школы разведчиков, которую на протяжении нескольких лет Смыловский создавал огромными усилиями. Вместе с ним отступали:

«Александр Бутенко (он же Масловский Василий Иванович), капитан Вермахта, бывший преподаватель в Летценской контрразведывательной школе.

Александр фон Шуберт (клички «Шуберт» и «Александров»), прозвище «Доктор») – бывший преподаватель в разведывательных школах Валга и Стренчи.

Алексей Хоментовский – бывший главный резидент Зондерштаба «Р» в резидентской области «С 1».

Анатолий Юркин (он же Леонид Васильевич Соболевский, он же Кравцов) – бывший резидент Зондерштаба «Р» в городе Дубно.

Антонина Челищева – бывшая сотрудница 2-го отдела Зондерштаба «Р».

Борис Золотун – бывший преподаватель стрелковой подготовки в разведшколах Валга, Стренчи, Мыза-Кумна, бывший начальник хозяйственной части в Вайгельсдорфе.

Борис Коверда (клички «Сергеев», «Василенко», «Сафонов»), знаменитый мститель, ликвидировавший убийцу Николая II – советского полпреда в Варшаве П. Л. Войкова. Бывший сотрудник осведомительного сектора 2-го отдела Зондерштаба «Р».

Василий Кукрицкий – бывший курьер украинского отдела Зондерштаба «Р».

Георгий Моисеев – бывший курьер резидентуры Зондерштаба «Р» в Киевском районе Киевской области.

Иван Смирнов – бывший начальник учебной части в разведывательных школах Валга и Стренчи.

Константин Подгорный – бывший штатный агент резидентуры Зондерштаба «Р» в городе Пинске.

Луциан Майборода – настоящее имя и фамилия Алексей Литвин, бывший изготовитель фиктивных документов Полтавской диверсионной школы.

Муса Юсупов (псевдоним «Низами»), лейтенант Вермахта, бывший следователь и вербовщик в абвергруппе-101.

Петр Холявка – бывший курьер Зондерштаба «Р» в резидентской области «С».

Рихард Бенц – бывший сотрудник 104-й команды абвера, отвечавший за переброску агентуры в 1941 – 1943 гг., один из руководителей «мельдекофа» в Зихельберге, переправлявшего агентов Вайгельсдорфской разведшколы.

Даже этот небольшой перечень показывает, какие люди собрались под началом Смысловского. Чтобы вывести разведчиков и агентов такого уровня на Запад, требовалось прикрытие». ⁸³

К концу апреля 1945 года, ситуация в Европе для всех русских коллаборационистов была угрожающей. Армия Смысловского попала в окружение 6-го армейского корпуса США и частей 1-й французской армии на границе Германии и Австрии. Попасть в плен к американцам или французам для Смысловского и его людей означало бы неминуемую выдачу советским войскам. Чтобы избежать столкновения с этими войсками, Смысловский повторил подвиг знаменитого русского маршала Александра Суворова, перейдя опасный и узкий горный перевал в Альпах – «Чертов мост». Впоследствии, это подвиг Бориса Алексеевича и его подчиненных воспевала русская эмигрантская пресса за рубежом. «Момент неожиданности был решающим и поэтому для перехода был использован труднопроходимый горный путь. Части армии фактически вступили на те тропы, которые были путями славы Батюшки-Суворова в 1799 г.» ⁸⁴

30 апреля 1-я РНА вступила в австрийский город Фельдкирх, расположенный у самой границы Лихтенштейна. Здесь к Смысловскому и его армии присоединился глава дома Романовых великий князь Владимир Кириллович вместе со своей свитой.

В Фельдкирхе Смысловский приступил к разработке операции по переходу Швейцарской границы и вступлению в Лихтенштейн. Эту страну для эвакуации своих людей он выбрал не случайно. Во время Второй мировой войны это небольшое княжество в Западной Европе заняло нейтральную позицию относительно всех участников конфликта. Однако правительство данного государства имело, пускай и достаточно скромные, но все-таки дружественные контакты с нацистской Германией. Королевская семья княжества Лихтенштейн приобретала некое имущество, отобранное немецкими нацистами у зажиточных евреев в Австрии и Чехословакии. В период между 1933 – 1945 годами, Княжество передало в руки нацистского режима примерно 165 беженцев из Германии и Австрии. ⁸⁵ Возможно, Борис Смысловский знал о некоторых дружественных отношениях между Германией и Лихтенштейном, поэтому он и выбрал эту страну для спасения. К тому же, переход границы этого княжества был заранее обговорен и подготовлен им совместно с немецкими военными. ⁸⁶ Армия Смысловского сумела успешно перейти государственную границу Лихтенштейна. Вот как этот переход описывала русско-эмигрантская пресса: «В ночь со 2 на 3 мая 1945 г., при огромной снежной буре, колонна штаба и части кадров едва начавшей формироваться русской армии в полном боевом порядке, сговорившись с германской пограничной стражей, в 23.00, перешла у Хинтершелленберга швейцарскую границу княжества Лихтенштейн. Вооруженные пехотинцы шли по обеим сторонам дороги, а посередине двигалась колонна, частью состоящая из машин и из конных повозок с традиционной русской упряжью». ⁸⁷

Совсем маленькое княжество Лихтенштейн в 1945 году имело собственное население 12 тысяч человек. Кроме того, незадолго до того, как Борис Алексеевич вместе со своей небольшой армией перешел неожиданно границу этого государства, Лихтенштейн уже столкнулся с большим наплывом беженцев из соседних европейских стран. «Например, 2 мая пограничная охрана зафиксировала переход 2950 человек: 33 швейцарцев, 21 лихтенштейнца, 1667 французов, 279 поляков, 57 голландцев, 114 бельгийцев, 633 русских, 27 греков, 6 хорватов, 32 сербов, 1 румына, 60 итальянцев, 1 чехословака, 2 люксембуржцев, 9 канадцев, одного болгарина и одного черногорца».⁸⁸ Все эти люди в последние дни Второй мировой войны в Европе по разным причинам искали убежища в нейтральной стране. Большинство из этих людей были гражданскими, или заявлявшими себя таковыми. Но армия Бориса Смысловского была особым случаем. Для властей Лихтенштейна сам генерал и его люди являлись военными иностранными вооруженными силами, и, по всем правилам военного времени, подлежали интернированию: «...речь уже шла не просто о беженцах, а о воинском формировании, в отношении которого следовало проводить совсем другие политические меры – интернирование (чего и добивался Смысловский). Уже однажды прошедший через эту процедуру».⁸⁹

После долгих перипетий, Борис Алексеевич Смысловский вместе с 1-й Русской национальной армией, командующим которой он все еще являлся, оказался за границей нейтрального государства. Теперь судьба бывшего генерала немецких вооруженных сил и его подчиненных находилась полностью в руках властей княжества Лихтенштейн.

Судьба 1-РНА и ее командования решалась на переговорах правительства Лихтенштейна со Смысловским в пограничной таверне «У льва» («Wirtschaft zum Lüwen»). В этих переговорах участвовали со стороны Лихтенштейна глава правительства доктор Йозеф Хооп, председатель правительства доктор Алоиз Вогт, а также начальник корпуса безопасности в стране Йозеф Брунхарт. По их итогам, власти этой страны согласились предоставить военным 1-й РНА убежище от советских властей в виде интернирования.

Прежде чем все интернированные военнослужащие были размещены в местах временного проживания, школах и гостиницах, они были вынуждены сдать все свое снаряжение и оружие. И такового, согласно историческим свидетельствам, у офицеров и рядовых армии Бориса Смысловского было немало: «... «слысловцы» сдали 10 машин, в том числе несколько грузовых и бронетранспортер, 1 мотоцикл, 17 велосипедов, 6 лошадей с повозками, 235 винтовок разной модификации, 14 карабинов, 9 автоматов (немецкого и советского производства), 42 пулемета MG-42, 72 пистолетов и револьверов, 1 саблю, 8 противогазов, 6 касок, 23 ручные гранаты, знамя и боеприпасы различного калибра».⁹⁰ Заботу о новых «военнопленных» взял на себя лихтенштейнский Красный крест. Спустя некоторое время, Хольмстон-Смысловский направил письмо Князю Францу Иосифу Второму с просьбой предоставить политическое убежище всем его людям.

Но власти этого государства тянули с ответом. Пребывание русских в немецкой форме, принимавших участие в еще не окончившейся войне на стороне нацистской Германии, создавало немалые проблемы для Лихтенштейна. Вскоре эти проблемы дали о себе знать в полной мере. «В конце июня 1945 г. князь Франц-Иосиф II поручил правительству скорее вывести русских из страны, так как в противном случае имелись опасения, что против граждан Лихтенштейна, находящихся в советской зоне оккупации, могут последовать репрессии. Подобный шаг был оправдан, поскольку государство уже стало подвергаться политическому давлению со стороны союзников».⁹¹ Вскоре в Лихтенштейне появилась советская комиссия по репатриации. Позиция советских представителей была проста: «По словам Н. В. Новикова (*участник группы по репатриации советских граждан. Прим. автора.*), Советский Союз рассматривал военнопленных, которые были привлечены

Германией к военной службе, как невинных и обещал им предоставить «полную амнистию». Те же, кто вызывал недоверие и не желал возвращаться, должны были быть репатриированы, в том числе и с помощью силы, если возникнет в том необходимость».⁹²

Первая встреча «смысловцев» с советской репатриационной комиссией состоялась 16 августа 1945 года в городской ратуше столицы Лихтенштейна – Вадуца. На этой встрече генерал Смысловский сознательно отказался говорить с советскими представителями на русском языке. Обязанности переводчика при нем исполнял русский эмигрант барон Эдуард фон Фальц-Фейн. Советские представители начали вести среди репатриированных русских жесткую пропаганду. «Они убеждали их, что в СССР им будет предоставлена полная амнистия, никаких уголовных дел на них заводить не станут, в том числе и на тех, кто воевал против Советского Союза в Вермахте, исключая, однако, лиц, участвовавших в военных преступлениях».⁹³

Пропаганда и лживые обещания советских посланников растрогала многих «смысловцев». Некоторые из людей, пересекших границу Лихтенштейна вместе с генералом Смысловским, пожелали скорее вернуться назад, на «родину». Всего о своем желании вернуться в СССР заявило 200 человек из числа репатриированных.⁹⁴ Как выяснилось позже, эти люди, поверив большевикам, совершили страшную ошибку. Всех репатриированных из Лихтенштейна солдат и офицеров Смысловского советские спецслужбы расстреляли на территории Венгрии в 1946 году.⁹⁵ Сам генерал, стараясь объяснить поведение своих бывших подчиненных, поверивших советским «благодетелям», вспоминал позже: «... причины этого разнообразны и непросты: многие подпали под едва ли не гипнотическое воздействие от появления тех, от кого еще недавно зависела их судьба, кто-то подумал, что «чему быть, того не миновать» и решился ускорить ход событий, третьи поверили в амнистию, а четвертых погубила тоска и ностальгия по дому...»⁹⁶

Что же касается самого Смысловского, то вскоре бывший генерал Вермахта покинул Лихтенштейн. Случилось это 1 октября 1947 года. На руках у Смыловского было несколько виз: в Аргентину, в Швейцарию, в Португалию и Испанию. Генерал мог выбрать одну из трех европейских стран, но выбор его пал на Аргентину. «... ситуация на континенте была беспокойная, и не желая еще раз испытывать судьбу, генерал решил отплыть на корабле в Латинскую Америку».⁹⁷

В Аргентине Смыловский был радушно принят местным президентом Хуаном Перроном. Глава латиноамериканского государства желал использовать богатый разведывательный опыт Бориса Алексеевича в борьбе против оппозиции и политических экстремистов.⁹⁸ Здесь Смыловский занимал пост советника президента по антипартизанским операциям и борьбе с терроризмом, а также возглавил несколько удачных коммерческих предприятий. Занимался Борис Алексеевич и политической деятельностью. В сентябре 1948 года был организован «Союз русских бывших участников войны имени фельдмаршала А. В. Суворова, получивший вскоре название «Суворовский союз». Главной задачей данного союза, сами его участники называли объединение большинства эмигрантских военных союзов в единую организацию с целью последующего создания «Российской Национальной Освободительной Армии».⁹⁹

Однако все столь громкие начинания участников Суворовского союза так и не вышли за рамки красивых манифестов и газетных статей. В послевоенные годы Смыловский занимался и литературной деятельностью. Известными его книгами стали: «Fir macishen Wtsen» (На заколдованных путях), «La sierra nazi-sovietica» (Нацистско-советская власть заканчивается), «Избранные статьи и речи». Что же касается шпионской деятельности Бориса Алексеевича Смыловского, к которой бывшие союзники СССР во Второй мировой войне проявляли интерес сразу же после окончания сего конфликта (Известно, что во время его пребывания в Лихтенштейне, Смыловского посещал будущий глава ЦРУ Аллен

Даллес), то вскоре стало понятно, что устаревшие разведывательные навыки Бориса Алексеевича не нужны западным разведкам в начавшейся «холодной войне» против Советского Союза. «Ставка на прямой вооруженный конфликт с последующей оккупацией СССР была нивелирована. Необходимость в фигурах вроде Смысловского фактически отпала».¹⁰⁰

Но в своих мемуарах Борис Смысловский все-таки надеялся на обратное. «В грядущей Третьей мировой войне нейтральных или «тепленьких» не будет. Всем придется ясно сказать свое горячее или холодное историческое слово. Где, кто и за кого?»¹⁰¹

«Международный процесс объединения может быть результатом тотальной победы атомной технологии англосаксонцев над миром коммунистической идеологии или наоборот: последователи «евангелия» Карла Маркса покорят к его подножию англосаксонские демократии с их сателлитами».¹⁰²

«В политике, как и в стратегии, инициатива берется в свои руки. Советы сейчас взяли в «холодной» войне инициативу в свои руки и до сих пор ее не выпускают. Они совершенно ясно и правильно рассматривают ее как вступление, вернее, как подготовку к будущим военным действиям. Советы навязали свою волю дипломатии западных демократий, которые все время работают в психологической атмосфере полного мира, не желая понять, что мира уже давно нет, и что противником ведется наступательно-подготовительная политическая, экономическая, временами огневая война вместе с планомерной подрывной работой всех «пярых» и «шестых» колонн по всем правилам военного искусства. Политика Советов... ясно отдает себе отчет в том, что можно выиграть огненную войну и проиграть дипломатический мир, а потому, выиграв Вторую мировую на полях Германии, а последующий мир в Тегеране, Ялте и Потсдаме, они хотят сочетанием всех выше указанных способов и действий приготовить для себя военно-политические базы для выигрыша Третьей мировой войны».¹⁰³

Борис Смысловский не дожил до краха СССР и большевистской системы всего несколько лет. Он умер 5 сентября 1988 года в столице Лихтенштейна – Вадуце. На момент смерти бывшему генералу Вермахта было 90 лет.

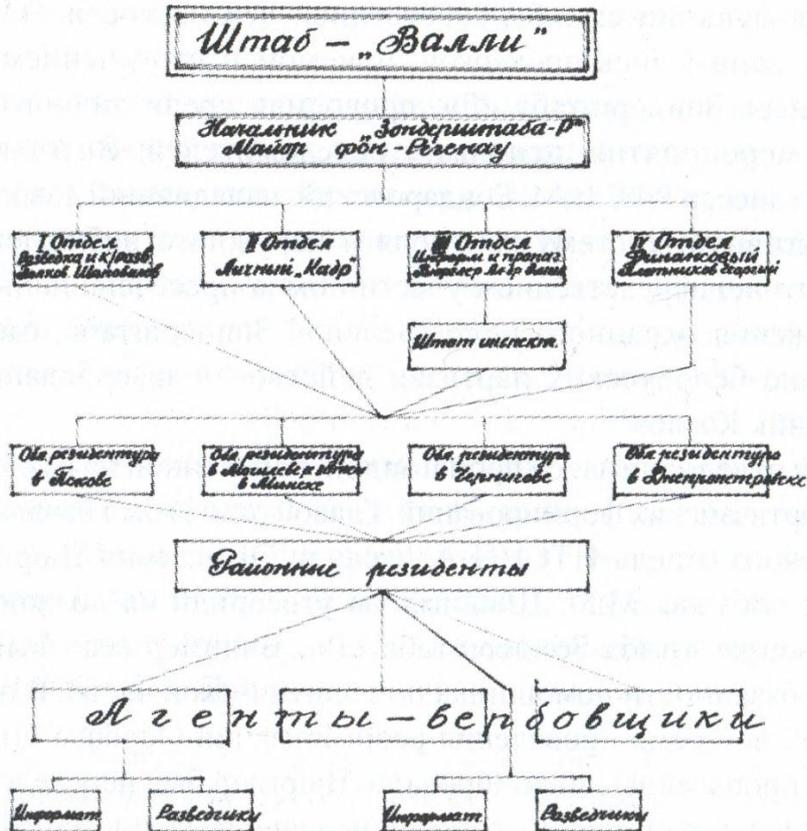
Его участие во Второй мировой войне на стороне немецких вооруженных сил многие современные российские и зарубежные ученые оценивают достаточно высоко. О том, что Хольмстон-Смысловский сыграл важную роль в антипартизанской борьбе немецких спецслужб во время войны Германии против СССР, писали авторы биографии этого генерала, российские ученые-историки И. В. Грибков, Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. С. И. Дробязко писал, что Смысловский создал хороший разведывательный аппарат, который потом успешно использовался спецслужбами Западной Германии.¹⁰⁴ Французский исследователь А. Герэн в свое время давал крайне негативную, выгодную исключительно советской пропаганде, оценку всего русского коллаборационистского движения во время войны, включая, конечно же, и вооруженное формирование Бориса Смысловского: «Пираты, бандиты? А фактически подручные фашистов. Они слепо повиновались гитлеровцам...».¹⁰⁵

Высоко оценивал боеспособность военного формирования генерала Смысловского немецкий историк Йоахим Хоффманн.¹⁰⁶ Иностранцами формирования Третьего Рейха на территории России посвящали свои исследования и англоязычные авторы.¹⁰⁷

Сов. секретно

СХЕМА

ПОСТРОЕНИЯ НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО
И КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОРГАНА
„Зондерштаб-Р“

Начальник 2 Упр. НКВД БССР

Подполковник Государственной

Безопасности
17 августа 1944 года
г. Минск

Иван Федоров

Схема Зондерштаба «Р», составленная сотрудниками Смерш

Советская контрразведка достойно оценивала работу противника – агентов из школы разведчиков Б. А. Хольмстон-Смысловского. Схема приведена из книги И. Грибкова и Д. Жукова «Особый штаб «Россия».

Военная карьера Бориса Смысловского во время Второй мировой войны была неразрывно связана с Вермахтом. Именно здесь он приложил максимум усилий в борьбе против СССР и большевистского режима. В отличие от некоторых других русских коллаборационистов, о которых речь пойдет ниже, Смысловский до конца исполнял свой долг перед страной, на службе которой он находился. Его делом было содействие немецкой армии в ее борьбе против СССР. Как генерал Вермахта, как руководитель качественной и продуктивной разведывательной системы, Смысловский занимает достойное место среди военнослужащих Германии во время Второй мировой войны. Стоит отметить, что памятник Борису Алексеевичу Смысловскому и его 1-й Русской национальной армии до сих пор находится в селении Хинтершелленберг, расположенном на границе Австрии и Лихтенштейна. На том самом месте, где в мае 1945 года русская армия под руководством Смысловского перешла границу княжества Лихтенштейн, спасаясь от смертельного советского плена.

Но одной лишь фигурой Б. А. Смысловского участие бывших военных аристократов царской России на стороне Германии во Второй мировой войне далеко не ограничивается. Более трагическая судьба, нежели у генерала Вермахта Бориса Алексеевича Смысловского, была у бывшего офицера Русской императорской армии Петра Николаевича Краснова (1869—1947), который также выступил на стороне немецких вооруженных сил против большевистского правительства в России во время второй мировой войны. Биография Краснова не менее большая и интересная, чем у его коллеги Смысловского. Петр Николаевич был не только военным, казачьим атаманом, политиком, но и весьма талантливым писателем. «Его жизненный путь настолько насыщен событиями, настолько богат в части творческого наследия, что хватило бы на три такие книги. Его литературный талант писателя, научно-исторические труды и путешествия по странам Востока – одна книга. Участие в русско-японской и в первой мировой войне, слава полководца и создателя казачьего Донского государства, летопись антибольшевистского сопротивления на юге России в годы гражданской войны под его началом – тема второй. И, наконец, Краснов, – активный и последовательный участник белоэмигрантского движения, сотрудничавший с фашистской Германией ради борьбы с ненавистной ему советской властью – герой третьей книги».¹⁰⁸ Как мы сможем убедиться, у Краснова как у русского офицера были свои, веские причины вступить в борьбу против СССР на стороне Германии в ходе Второй мировой войны. Но обо всем по порядку.

Петр Николаевич Краснов родился в Санкт-Петербурге в семье талантливого поэта и литератора, а также военного – Николая Ивановича Краснова: «... военный писатель, один из основоположников русской статистики, генерал-лейтенант генерального штаба, участник обороны Севастополя 1854—1855 годов, польской кампании 1863 года. Уже после рождения Петра, под знаменами генерала Скобелева он освобождал Болгарию».¹⁰⁹ Братья Петра Краснова пошли по разным жизненным и профессиональным путям. Старший сын Николая Ивановича – Платон окончил первую петербургскую классическую гимназию и физико-математический факультет университета в Санкт-Петербурге. Другой брат Петра Краснова – Андрей стал основателем школы русского туризма и Батумского ботанического сада. Брат Иван – инженер-путеец, преподаватель высшей математики.¹¹⁰ Кроме того, уже взрослый Петр Николаевич Краснов упоминал о существовании своей родной сестры, следы которой историкам-исследователям биографии великого русского военного найти не удалось. Как мы видим, из всех своих братьев, только Петр Николаевич выбрал для себя

военную карьеру. В возрасте 18-ти лет, закончив Александровский кадетский корпус в Санкт-Петербурге, он поступает в Павловское военное училище. Выбор именно этого военного училища молодым Петром Красновым был обусловлен его сильным желанием попасть в самые престижные войска Российской империи: «Павловцы по престижности в иерархии военных училищ Петербурга стояли на первом месте... «Павлонам» легче всего было получить вакансию в столичные гвардейские полки. А фельдфебелю выпускного юнкерского курса Петру Краснову нужна была только гвардия!». ¹¹¹

В 1889 году, закончив свое обучение, Петр Краснов, было ему тогда двадцать лет, в чине хорунжего принят на службу в элитный полк Всевеликого Войска Донского. Данный полк был включен в состав 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. «В нее, помимо трех казачьих полков, входили полки, составляющие «цвет» русской императорской кавалерии: кавалергардский, кирасирский и лейб-гвардии Конный полк». ¹¹² Петр Краснов полностью отдался службе, он также активно занимался верховой ездой, и даже участвовал в конных состязаниях. В это время, молодой офицер Краснов также стал уделять время литературной деятельности. В газете «Русский инвалид» (Никакого отношения это издание к людям с ограниченными способностями не имело. Оно являлось печатным органом Военного министерства Российской империи) в номере от 17 января 1891 года, появилось небольшое сочинение Петра Краснова.

В следующем, 1892 году, Краснов был отчислен из Николаевской Академии Генерального штаба из-за провала одного из экзаменов. Однако для него это не стало большой трагедией, так как он смог после этого полностью отдаться своему любимому хобби – писательству. «В 1896 году в Санкт-Петербурге увидел свет первый исторический труд Краснова – «Атаман Платов». В том же году была издана в 219 страниц карманного формата книжка – «Донцы. Рассказы из казачьей жизни». Сборник рассказов чисто чеховского вида, названия рассказов бытовые, почти не военные: «Денщик», «Не любя...»». ¹¹³

Литературную деятельность Краснова в конце XIX века прервала краткая командировка в Абиссинию (Так когда-то называли нынешнюю африканскую страну – Эфиопию.) Здесь русские эксперты инструктировали и обучали гвардейцев местного императора Менелика II. Об этом своем первом военном опыте Петр Краснов оставил потомкам очень красноречивую книгу: «Казачи в Абиссинии». Вот какие подробности о службе русских солдат и офицеров в этой далекой от России стране сообщал Петр Краснов на страницах своего сочинения: *«А между тем абиссинцы не так уж страшны... Их нужно давить волей и духом, они бегут цепями, их надо атаковать сомкнутыми ротами, эскадронами, рвать эти цепи, хватать резервы, идти туда, где отчаянно визжат солдатские жены... Они идут 70-80 верст в день, идите 100, 120 и они удивятся и сдадут.*

Кого уважают они теперь из европейцев. Одних русских, потому что одни русские оказались сильнее их волей и духом. Русские врачи ковыряли своими белыми руками в вонючих гнойных ранах абиссинских солдат, до которых абиссинец, считая это «кефу» (скверным), не прикоснулся бы ни за что. Гнойные раны заживали и солдат возвращался в строй. Русский кавалерист поручик Б-ч метался по Абиссинии, производя разведки с

быстротой и энергией, превосходящей абиссинские, и вот его прозвали «огонь человек», «телеграф человек» и начали уважать.

*«Уважать белого воина» – это очень, очень много для абиссинца».*¹¹⁴

К этой своей книге Петр Краснов приложил своеобразное руководство по общению с африканскими аборигенами. В нем были и такие строки: *«Помни, что ты белый, человек высшей расы, и не теряй своего достоинства рукоприкладством и суетой. Олимпийское спокойствие внушит к тебе уважение».*¹¹⁵

После возвращения из столь увлекательного приключения на другой континент, Петр Краснов уже не мог мирно проживать в своей уютной петербургской квартире. Его манили новые приключения и испытания. В самом начале двадцатого века Краснов посетил турецко-персидскую границу, Китай, Индию, Японию и Маньчжурию. После завершения всех этих длительных поездок по далеким странам, Краснов вернулся на родину, где был удостоен должности полкового адъютанта гвардейского Атаманского полка. В таком звании он и встретил начало Русско-Японской войны 1904—1905 гг.

Петр Николаевич Краснов, как и многие другие русские военные аристократы его времени, с пренебрежением относился к своему азиатскому противнику – японцам. В их представлении, война Российской империи против этой небольшой островной империи будет недолгой, и, обязательно, окончится победой русских. В газете «Русский инвалид» после начала конфликта между Японией и Российской империей стали появляться статьи Петра Николаевича Краснова под общим названием – «На войне». В этих письмах Краснов нередко выражал свое собственное отношение к японцам: *«Весьма вероятно, что японцы грубо и жестоко обращаются с ранеными и с пленными, но это происходит оттого, что они не умеют обращаться хорошо... Никогда не надо забывать, что это дикари, лишённые главного достоинства дикаря – мягкости души».*¹¹⁶

Однако совсем вскоре обнаружилось, что японцы не только превосходно владеют оружием, но и прекрасно умеют воевать. Это обстоятельство несколько шокировало российскую военную элиту. Ярким примером тому стало Мукденское сражение в феврале—марте 1905-го года. «В Мукденском сражении русские потеряли убитыми 10 генералов, 2100 офицеров, более 58 тысяч нижних чинов. Без вести пропали два генерала, 310 офицеров. Еще 27 тысяч русских воинов попали в плен. Таких потерь русская армия не несла со времен скобелевских походов».¹¹⁷ Очень поздно, но к русским военным все-таки пришло отрезвление, и они поняли, что имеют дело не с азиатскими дикарями, а с вполне цивилизованной и хорошо организованной армией противника.

Сам Петр Краснов участвовал в этой войне лишь в качестве фронтового журналиста. На фронте он исполнял обязанности собственного корреспондента военной газеты «Русский

инвалид». Однако статус журналиста не помешал Краснову испытать на себе все «прелести» настоящей войны. «... военкор так же лазит по окопам в грязи, в холоде, в сырости. Так же не досыпает и грызет те же сухари. Его также не пощадит осколок или пуля, как любого из воинов. Вот только строевой офицер получает ордена, чины, должности, льготы при поступлении в академию. Ранят его, глядишь, – вместе с рукой на перевязи, на груди уже белеет крестик Святого Георгия... А убьют военного корреспондента – никто и не заметит. Его кровь, его жизнь стоят не больше газетной статьи, которая живет, как известно, лишь один день».¹¹⁸ Однако за свою журналистскую деятельность Краснов все же был удостоен рядом престижных российских военных наград. Он получил орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и с бантом, а также мечи к уже имевшемуся у него ордену Святого Станислава.

После поражения России в войне против Японии, Петр Краснов несколько изменил свое предвзятое отношение к японцам. Вскоре после окончания Цусимского сражения 28 мая 1905 года, в ходе которой российская 2-я эскадра Тихоокеанского флота России была полностью потоплена, Краснов писал в газете «Русский инвалид»: «Войны ведутся не армиями и полководцами, а народом!»¹¹⁹. Тем самым молодой офицер признал высокую боеспособность и цивилизованность людей, которых он еще совсем недавно называл «дикарями».

После войны, Петр Краснов вернулся в Санкт-Петербург в звании подьесаула. В это время Краснов становится свидетелем начавшейся Русской революции 1905—1907 гг. Как потомственный военный аристократ, Петр Краснов воспринял все масштабные и кровавые события тех лет, как банальный бунт толпы. Для него эти революционные события, происходившие в Санкт-Петербурге и Москве, стали лишь обычными уличными беспорядками, которые, по мнению Петра Николаевича, нужно было как можно скорее подавить. «Клинки донских казаков нанесли мало вреда японцам. Зато вволю поплясали казачьи ногайки по спинам соотечественников – бастующих рабочих и бунтующих крестьян. Для Краснова события, получившие название «первая русская революция», стали всего лишь отменным театральным представлением в Москве».¹²⁰

После событий Русско-японской войны, Петр Краснов решает временно сократить свои литературные труды, и заняться своей физической подготовкой и военной службой. В 1907 году он поступает в Офицерскую кавалерийскую школу. После ее окончания остается работать в ней же инструктором. Своим прилежным трудом и разнообразными служебными навыками, Петр Краснов заслужил хвалебные отзывы от своего руководства: «Много раз бывал за границей. Знает иностранные языки... Работоспособность и энергия его, разумная инициатива строевой деятельности исключительные, поэтому всякое поручение исполняется этим штаб-офицером превосходно и с ярким оттенком высокого воинского духа. Прекрасный семьянин, чужд кутежей, азарта и искания популярности. Рассудительный, тактичный, настойчивый с сильной волей и характером, он пользуется авторитетом у сослуживцев и подчиненных. Бережливый к казенному интересу, одарен организаторскими способностями. Выдающийся штаб-офицер этот достоин возможно скорейшего выдвижения по службе и назначения командиром казачьего полка без очереди»¹²¹.

Вскоре начальник Петра Краснова, заместитель начальника школы, князь Багратион, вверяет ему в командование целый казачий полк. За новым назначением Краснов должен был отправиться в туркестанский город Джаркент (Ныне расположен в Казахстане). Именно здесь дислоцировался 1-й Сибирский казачий полк, которым Краснову довелось командовать с 1911 по 1913 годы. Во время командования этим полком Краснов совершил военную экспедицию в Китай с целью охраны там зданий русского банка и русского посольства. Однако за это время, ни в каких значимых военных действиях ему поучаствовать не удалось.¹²² В 1913 году несколько месяцев Краснов также успел поруководить 10-м Донским казачьим полком. В это время, ввиду большого количества свободного времени, он успел написать несколько значимых литературных трудов: биография А. В. Суворова, пособие по истории «Картины былого Тихого Дона», романы «В житейском море», «Погром», «Волшебная песня».

Командиром 10-го Донского казачьего полка Петр Краснов и встретил начало Первой мировой войны. Эту войну, начавшуюся в августе 1914 года, русское общество встретило с большим воодушевлением. Большие надежды на скорую победу в ней питало и правительство Российской империи. Русская пресса тех дней писала:

*«Выступив защитницею Сербии и связав свою судьбу с судьбою славянства, Россия пошла навстречу германским планам и смело приняла брошенный ей вызов на смертный бой. Манифест Русского Царя, Его призыв русского народа на защиту родины, его обещание не слагать оружие до тех пор, пока хоть один неприятельский солдат останется на Русской Земле, – вызвали во всей стране высокий подъем патриотического энтузиазма. Ясная и родная каждому русскому гражданину идея войны – защита России и славянства – сразу сделала ее необычайно популярной во всех общественных кругах. Горячо отозвавшиеся на Монарший призыв к национальной самозащите, запасные идут в армию с бодрыми песнями и радостными криками «Ура!»».*¹²³ Для Петра Николаевича Краснова начавшееся мировая война была отличной возможностью наконец-то принять участие в настоящих боях и продемонстрировать свою храбрость. Уже в первые дни войны он отличился в боях как превосходный солдат и офицер. 4 августа 1914 года казаки под командованием Краснова отличились в бою с венгерскими гусарами у железнодорожной станции Любеч на территории Украины. «Подпустив гусар на 900 шагов, казаки ударили густыми винтовочными залпами, рассекли пулеметными очередями... Через несколько минут колонны противника растаяли, скошенные фронтальным и фланговым огнем. Лишь на правом фланге два эскадрона гусар сомкнулись со встречной казачьей лавой. И тут бой был короток: венгры потеряли только убитыми более 500 кавалеристов, в том числе обоих командиров эскадронов – Кеменя и Микеша. Общие потери казаков – 60 станичников».¹²⁴ За победу в этом бою Краснов был удостоен Георгиевского золотого оружия. Далее Краснов делает успешную военную карьеру на фронте. Уже осенью 1914 года он получает чин генерал-майора.

Русская общественность с восторгом встречала начало Первой мировой войны, ожидая больших успехов, всемирной славы для России и легких побед над врагом. Фото из российского журнала «Нива». 1 августа 1914 года. Толпа столпилась на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, восторженно приветствуя императора Николая II.

Февральскую революцию в России Петр Краснов встретил командующим 2-й казачьей сводной дивизией. Краснов, оставаясь представителем консервативной русской военной аристократии, без энтузиазма встретил это событие. В своих воспоминаниях он позже писал по поводу Временного правительства в России после буржуазно-демократической революции в начале 1917 года: «...Я не был поклонником Керенского... и я иду к нему... Не к Керенскому иду, иду к Родине, к Великой России, от которой отречься не могу... Родина его избрала, она пошла за ним; она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему, если он за Россию...». ¹²⁵

Отношения с новой революционной армией и властью у Петра Николаевича не складывались. «4 мая 1917 года на железнодорожной станции Видибор генерал Краснов попытался восстановить дисциплину среди расположившегося рядом армейского пехотного полка. Его, на глазах казаков 16-го и 17-го донских полков, арестовала толпа пехотинцев и повела в полковой комитет. Там боевого военачальника обвинили в контрреволюции, причем обвинителем выступал казак 17-го полка Воронков, и постановили: под солдатским конвоем отправить в Минск для предания суду революционного трибунала... в Минске его конвоиры растерялись, что дало ему возможность связаться с военным комендантом вокзала, а тот уже позвонил в штаб командующего Западным фронтом генерала Гурко. По личному распоряжению последнего Краснова освободили. Но после этого случая, когда донские казаки равнодушно смотрели на арест своего командира, Краснов стал своих станичников опасаться больше, чем немцев». ¹²⁶

Краснов с ужасом наблюдал за разложением русской армии. Казачьи части изначально, после победы Февральской революции и издания Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 14 марта «Приказа №1», фактически лишавшего русских офицеров власти над подчиненными им солдатами, не сильно прониклись духом анархии и вседозволенности. Однако вскоре и казаки, уставшие от продолжительной войны и тягот фронтового быта, начали пренебрегать своей военной службой. «Сначала начались митинги

с вынесением самых диких резолюций, с немедленным претворением их в жизнь, потом казаки нарядились в красные банты и ленты и перестали выполнять приказы офицеров, заниматься боевой подготовкой. В итоге станичники предали самое святое дело для каждого кубанца. Они перестали чистить и регулярно кормить своих боевых коней, выращенных в родных станицах, на которых покинули отчий дом, на которых воевали три года».¹²⁷

В такой ситуации Петру Краснову пришлось признать, наверное, один из самых страшных фактов в своей жизни: *«Смерть казалась желанной... ведь рухнуло все, чему я молился, во что верил, что любил в течение пятидесяти лет – погибла армия!»*.¹²⁸

В ходе Корниловского путча в августе-сентябре 1917 года генерал Краснов был арестован в Пскове. Туда он прибыл для того, чтобы возглавить по приказу генерала Лавра Георгиевича Корнилова 3-й конный корпус. Этот корпус Краснов, по договоренности с Корниловым, должен был использовать для занятия Петрограда.¹²⁹ Однако выполнить возложенную на него миссию Краснов так и не смог. На два дня он был заточен в городской тюрьме. К тому времени Корниловский путч был подавлен.

После столь короткого тюремного заключения, Краснов возненавидел Временное правительство в революционной России еще больше. «Освобождение принесло новое открытие – в России теперь республика! Керенский, который теперь стал и Верховным Главнокомандующим (не служив в армии и дня), взял и объявил, что с 1 сентября в России вводится республиканский строй. То, что никто всерьез и громко не возмутился таким самоуправством, не указал, что подобное решение может принять только Учредительное Собрание, выборы которого никто не отменял – доказывало только то, что всем уже было наплевать на Керенского, и на Учредительное Собрание, и на форму государственного устройства. Объяви Керенский себя хоть султаном, а страну «Великим Каганатом» – никто бы не чихнул».¹³⁰

После освобождения из тюрьмы, Краснов все же получил в командование 3-й конный корпус. До сентября 1917 года кавалерийский корпус Краснова продолжал оставаться в Пскове. Однако политическая обстановка в революционной России в то время начала снова стремительно меняться. Председатель Временного Правительства России и верховный главнокомандующий Александр Керенский начал опасаться военного мятежа в столице со стороны левых сил, а, именно, большевиков. Чтобы обезопасить себя, а также и без того хрупкий республиканский строй, установившийся в то время в России, Керенский приказал генералу Краснову и его казачьему корпусу занять оборонительные позиции возле Петрограда (Санкт-Петербурга революционных лет). Однако Керенский не просто позвал Краснова на помощь, но сделал это под предлогом защиты столицы России от наступающей немецкой армии. «3 сентября 1917 года Военный министр Временного Правительства генерал Верховский срочно вызвал его в Петроград и огорошил сообщением. Немцы готовят наступление на столицу «республики», а посему требуется срочно сосредоточить части конного корпуса в районе Павловск – Редкое-Кузьмино – Пулковое – Гатчина – Ораниенбаум – Старый Петергоф».¹³¹ Таким образом, глава республиканского правительства России вверял безопасность столицы государства в руки тому самому генералу, который совсем недавно принимал участие в заговоре против этого самого правительства. Генерал Краснов

позже сам упоминал об этом интересном факте в своих воспоминаниях: *«почуял [Александр Керенский, прим. автора] более сильную опасность с лева – со стороны большевиков... Как странно это было, но за первую помощь Керенский обратился к тому самому... корпусу, который шел арестовать его»*.¹³²

Петр Николаевич выполнил распоряжение главы Временного Правительства, расположив свой конный корпус возле Петрограда. Предлогом для столь сложного приказа со стороны правительства было то, что Керенский и его министры опасались не только мятежа со стороны левых сил, но также и со стороны консервативных военных. Возможно, у Краснова и были мысли о насильственном свержении демократического правительства в Петрограде с помощью своих казаков и столичных юнкеров, однако этот генерал оставался преданным своему военному долгу перед воюющей страной, нежели сиюминутным политическим выгодам. «Поднять корпус по тревоге и двинуть на Петроград! К вечеру, с помощью юнкеров военных училищ, он будет хозяином положения в столице...

Ну, а потом что? Получается, что он, постоянно убеждая казаков исполнять распоряжения Военного министерства Временного правительства, сам поднял их на мятеж? Это во-первых. А во-вторых, Краснов, окончив «политическую начальную школу» в камере псковской тюрьмы, понял, что армия – это лишь инструмент политики, но не цель... Нет, роль Лжедмитрия не для него. Воинский долг и присяга превыше всего!».¹³³ Правительство в Петрограде довольно быстро осознало всю ту опасность, которую представляло воинство Петра Краснова, стоявшее у ворот столицы России. Поэтому тамошние политики приняли разумное, по их мнению, решение: рассредоточить корпус Краснова между городами Ревель (Таллин) и Псковом. Данное решение вывело Петра Николаевича из себя. Его мысли в тот момент неплохо воспроизвел биограф великого генерала: «Штабные теоретики! Привыкли двигать корпуса и дивизии на картах, как фишки в детской настольной игре! Что вам люди?! Легко представить, что, как только части корпуса рассыплются порознь, рассеются на территории северо-запада, они мгновенно потеряют свою боевую силу. Он с такой беспощадностью гнал всех революционных агитаторов из расположения корпуса, с таким трудом восстановил и поддерживал дисциплину! Пока корпус «сжат» в один ударный «кулак» – он непреступен для революционной пропаганды, как свернувшийся еж для атакующей гадюки. А «разожмешь» его – полки и эскадроны станут легкой добычей демагогов Совета «рачьих и собачьих» (пардон!) рабочих и солдатских депутатов». ¹³⁴ Приказ рассредоточить корпус, расположенный близ Петрограда Краснов получил 3 октября, а 15-го октября непосредственно при нем оставалось всего несколько полков: «... Приморский и Драгунский кавалерийские полки, 1-й Амурский, 9-й и 10-й Донские казачьи полки и три конные казачьи четырехорудийные батареи». ¹³⁵ С этими соединениями Краснов отбыл в город Остров под Псковом, ожидать дальнейшего развития событий в столице и в стране. Там же его и настигла новость о свершившемся в Петрограде вооруженном восстании под руководством большевиков. Для генерала это событие не стало таким уж неожиданным фактом. Он ожидал чего-то подобного от бандитов-большевиков уже давно. Ранее, «Стремясь противодействовать подготовке большевиков к вооруженному выступлению, П. Н. Краснов через командующего войсками Петроградского военного округа подал председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому рапорт с предложением создать сильную конную группировку из надежных, не затронутых революционной пропагандой казачьих и кавалерийских частей, с бронев автомобилями и сильной артиллерией». ¹³⁶ Однако демократическое правительство Керенского в свое время шутовски проигнорировало предостережение Петра Николаевича: «Указанный рапорт П. Н. Краснова был передан А. Ф. Керенскому, а от него... к лидерам большевиков и в газеты!». ¹³⁷ Вероятно, русские

демократы начала XX века совершенно забыли про тот факт, что демократический политический строй, как и любой другой, нуждается в сильной военной и полицейской защите от посягательств на него со стороны всевозможных радикалов.

Петр Николаевич Краснов стал первым русским офицером, который в те страшные ноябрьские дни 1917 года выступил против большевистской хунты в Петрограде. 9 ноября 1917 года он, по приказу действующего главы правительства России А. Ф. Керенского, направил на столицу свои кавалерийские казачьи части, чтобы восстановить в стране законный государственный строй. 9 ноября казаки Краснова захватывают Гатчину, а 10 ноября, на следующий день, берут Царское Село. При этом в подчинении генерала при штурме ближайших подступов к столице было менее 700 человек.¹³⁸ Однако успешное наступление корпуса генерала Краснова на Петроград было остановлено «красными» возле Пулковских высот. Причиной тому было отсутствие подкреплений и недостаточное количество вооружения у казаков. Да и сами, пока еще остававшиеся верными присяге, казаки воевали с большой неохотой. «Наступательный дух упал окончательно. Глядя на казаков, угрюмо бинтовавших раны и молчаливо оправляющих своих коней, Краснов понял: ни о каком наступлении больше не может быть и речи».¹³⁹ После поражения при Пулковских высотах, Краснов и его казаки были вынуждены оставить Царское Село и отступить к Гатчине. Здесь, в гатчинском дворце, генерал был вынужден запросить перемирия у своих врагов. Ожидая своей дальнейшей участи, он взял под свою охрану Александра Керенского, выдачи которого активно добивались большевики. Вскоре в Гатчине появились и агитаторы от большевиков, которые стали брататься с казаками и уговаривать их выдать Керенского и своих генералов. Для генерала Краснова этот период стал одним из самых неприятных воспоминаний в его жизни. «Что-то гнусное творилось кругом. Пахло гадким предательством. Большевистская зараза только тронула казаков, как уже были утеряны ими все понятия права и чести».¹⁴⁰

Александр Федоровичу Керенскому, последнему правителю демократической революционной России, генерал Краснов помог покинуть гатчинский дворец и уйти из города. Оставаться здесь для бывшего главы Временного Правительства было небезопасно. Его в любой момент могли захватить большевистские посланцы, или выдать большевикам сами казаки, вышедшие из-под контроля генерала Краснова. Сам генерал был взят в плен «красными», прибывшими из Петрограда в Гатчину, 15 ноября 1917 года. Его арест происходил без лишних эмоций и почти тайно, так как представители большевиков опасались ярости казаков, когда те узнают о том, что их командующий арестован: «*Спор о моем аресте был исчерпан, но множество вопросов было еще не решено и ко мне в комнату пришел Дыбенко и подпоручик одного из гвардейских полков Тарасов-Родионов, человек лет тридцати с университетским значком.*

– Генерал, – сказал Тарасов, мы просим вас завтра поехать со мной в Смольный для переговоров. Надо решить, что делать с казаками.

– Это скрытый арест? – спросил я [Краснов. прим. автора].

– Даю вам честное слово, что нет, – сказал Тарасов.

– Я ручаюсь вам, генерал, – сказал Дыбенко, что вас никто не тронет. В 10 часов вы будете в Смольном, а в 11 мы вернем вас обратно».¹⁴¹

Почему генерала Петра Краснова в штабе большевиков в Петрограде не расстреляли, а отпустили под домашний арест, для многих историков остается тайной. Есть даже довольно запутанные версии по поводу этого чудесного спасения. Например, исследователь Александр Смирнов считает, что генерала Краснова большевики обманным путем заставили спасти от расправы Керенского, который состоял с ними в сговоре с целью развала российской государственности, а затем, в благодарность за выполненную работу, отпустили генерала из своей ставки живым: «Разгадка может быть проста. Краснов, фактически, не ведая того сам, выполнил тайную часть плана спасения Керенского, что было задачей новых хозяев Смольного. Минимум сутки тот был во власти генерала, а он не допустил над ним расправы ни казачьей, ни матросской. За что и был также помилован и препровожден под нежный домашний арест – на квартиру, что находилась в доме № 23 по Офицерской улице, угол Спасского переулка».¹⁴²

Однако эта версия выглядит слишком громоздко и запутанно. Гораздо более простое и понятное объяснение своему «освобождению» дал сам генерал Краснов. По словам генерала, большевики во время его присутствия в Смольном были не уверены в своих силах, опасались ярости казаков и их оружия, потому они и решили отпустить своего недавнего противника с миром.

«– Скажите, ваше превосходительство, – обратился ко мне Крыленко, – вы не имеете сведений о Каледине? Правда, он под Москвой?»

А вот оно что! – подумал я. – Вы еще не сильны. Мы еще не побеждены. Поборемся.

– Не знаю, – сказал я с многозначительным видом. – Каледин мой большой друг... Но я не думаю, чтобы у него были причины спешить сюда. Особенно, если вы не тронете и хорошо обойдетесь с казаками.

Я знал, что на Дону Каледин едва держался и по личному опыту знал, что поднять казаков невозможно.

– Имейте в виду, прапорщик, – сказал я, – что вы обещали меня отпустить через час, а держите целые сутки. Это может возмутить казаков.

– Отпустить вас мы не можем, – как бы про себя, сказал Крыленко, – но и держать вас здесь негде. У вас здесь есть кто-либо, у кого вы могли бы поселиться, пока выяснится ваше дело.

– У меня здесь есть квартира на Офицерской улице, – сказал я.

– Хорошо. Мы вас отправим на вашу квартиру, но раньше я поговорю с вашим начальником штаба». ¹⁴³

Таким образом, Петр Николаевич был отпущен на свою квартиру под домашний арест. Большевики в 1917 году не смогли, не решились, расправиться с ним. Но свою трусость и нерешительность тогда большевики несколько позже превратили в акт милосердия, публично заявив, что генерал Краснов был отпущен из Смольного под «честное слово» – больше никогда против них не воевать. «... Ленин лично руководил разгромом антисоветского мятежа. Его непреклонная твердость и спокойная уверенность в победе вдохновляли и сплачивали массы. Враг был разбит. Краснов был взят в плен и дал «честное слово», что прекратит борьбу против Советской власти. Под это «честное слово» он был отпущен...». ¹⁴⁴

Домашний арест Петра Краснова, как уже упоминалось выше, был довольно мягок. Вместе с Красновым в его квартире на Офицерской улице (ныне Улица Декабристов в Санкт-Петербурге) жили его ближайшие военные компаньоны: начальник штаба его казачьего корпуса, полковник Александр Прокофьевич Попов и есаул Коршунов. Вскоре в квартиру прибыла и жена генерала – Лидия Федоровна. Несмотря на сносные условия содержания под арестом в своей квартире, Краснов все же, и не безосновательно, опасался за свою жизнь, и за судьбу тех людей, которые остались у него в подчинении.

Дом № 23 по Офицерской улице (ныне улица Декабристов), где в 1917 году располагалась квартира Петра Николаевича Краснова. Именно в этом доме находилась «тюрьма» генерала, она же его квартира.

Несмотря на установленный «мир» с большевиками, Краснов не доверял «красным» вождям. Он знал, что рано или поздно они придут убить его. Именно это и попытались сделать большевистские правители в Петрограде. 20 ноября в квартиру Краснова прибыли «красные» моряки, которые люто ненавидели всех «царских» генералов. Этим людям было доверено охранять генерала Краснова, но вместо этого моряки намеревались попросту разделаться с ним. Однако генерал был заранее предупрежден о готовящемся убийстве, и поэтому успел покинуть свое жилище, а также и Петроград, до прихода карателей:

«В дверь робко постучали. Вошел рослый унтер Гвардейского флотского экипажа, начальник караула несшего охрану квартиры арестантов. Революция революцией, а в струнку тянется старый служака перед начальством, ладонь у виска.

– Виноват, Ваше Превосходительство! Но только счас нарочный из Смольного прибыл. Сменяют нас на матросов 18-го флотского экипажа.

– И что с того? – спокойно спросил Коршунов.

– А то, что дюже злы морячки из восемнадцатого на генерала. Говорят, либо стрельнем ночью, либо заколем.

– Что ж, значит, ночью уйду, – согласился Петр Николаевич».¹⁴⁵

Из объятого пламенем красного террора Петрограда генерал Краснов вместе со своей супругой и адъютантами выехал в Новгород. Там автомобиль, в котором следовал бывший царский генерал со своей свитой, был заправлен топливом и направился дальше. Конечной целью Краснова был город Великие Луки. Здесь расположились полки 10-го Донского полка. Именно под защиту своих любимых казаков и рассчитывал попасть Петр Николаевич.

Однако его ждал очередной страшный удар от горькой судьбы. Казаки встретили своего бывшего военачальника весьма холодно, а также отказались взять генерала и сопровождавших его людей под свою охрану, мотивируя свой отказ опасениями за свои собственные жизни. Для Краснова это стало очень сильной обидой, оставившей в нем душевную рану на всю жизнь. *«Казаки этого полка были мною воспитаны, они со мною вместе были в боях, мы жили тесною, дружескую жизнью. Кому-то из моих адъютантов пришло в голову, что самое безопасное будет, если я поеду с ними на Дон и он пошел в полк переговорить об этом.*

Казаки отказались взять меня, потому что это было для них опасно.

Не то огорчило меня, что они не взяли меня. Я бы все равно не поехал, потому что долг мой перед корпусом не был выполнен, мне надо было его собрать и отправить к Каледину, а огорчил мотив отказа – трусость.

Яд большевизма вошел в сердца людей моего полка, который я считал лучшим, наиболее мне верным, чего же я мог ждать от остальных?»¹⁴⁶

В Великих Луках Петр Краснов пробыл до конца января 1918 года. Здесь он занимался переброской полков его казачьего корпуса на Дон, под руководство Войскового Атамана Каледина. Но казаки, подчиненные Краснову, стремились попасть на Дон не ради создания там новой, вместо полностью уничтоженной Императорской армии, вооруженной силы для борьбы с нелегальным большевистским режимом. Они просто ехали домой. Воевать никто больше не хотел. Россия полностью потеряла свои вооруженные силы, а заодно и свою государственность. Это прекрасно понимал Петр Краснов. *«Все неудержимо хлынуло на Дон. Не к Каледину, чтобы сражаться против большевиков, отстаивая свободу Дона, а домой в свои станицы, чтобы ничего не делать и отдыхать не чувствуя и не понимая страшного позора нации.*

...Это было тоже дезертирство с фронта, которое охватило пехоту, но пехота бежала беспорядочно, толпами, а это было организованное дезертирство, где люди ехали сотнями, со своими офицерами в полном порядке, но не все ли равно – они ехали домой, ехали с фронта, покидая позиции, они были дезертирами»¹⁴⁷.

После завершения всех дел, связанных с переброской своего корпуса на Дон, Петр Николаевич также решил отправиться на юг России, подальше от ненавистного ему нового политического режима. В то время на территории Области Войска Донского действовало независимое Донское правительство под руководством Войскового Атамана Алексея Максимовича Каледина (1861—1918). Каледин объявил независимость Дона от правительства в Петрограде, а также призвал местное население к борьбе против большевиков и созданию нового, законного всероссийского правительства.¹⁴⁸ Добраться до Дона Петру Николаевичу стоило больших усилий. Едва он прибыл вместе со своей супругой в Царицын (ныне Волгоград), как тут же получил информацию о том, что по всему городу его разыскивают большевистские банды, чтобы подвергнуть аресту, а, может быть, и скорейшей расправе: *«Я приговорен к смертной казне, мои портреты, найденные в вещах моей жены, посланы по всем станциям от Царицына до Пятигорска, чтобы искать меня. По всему городу ходят солдаты и красногвардейцы, разыскивая меня, так как есть сведения, что я в Царицыне»¹⁴⁹.*

Используя поддельные документы, которые ему предоставили соратники, Краснов все же сумел обойти все большевистские патрули и избежать неминуемой гибели. Когда Краснов достиг территории Войска Донского, его постигла очередная страшная новость. 11 февраля

1918 года застрелился Войсковой Атаман Каледин, не сумевший пережить массовую поддержку донским казачеством власти большевиков. Генералу Краснову было нелегко пережить гибель столь достойного офицера. О его гибели он вспоминал с большой горечью:

«А вчера, слышно, Каледин застрелился!..

– Как застрелился? – говорю я.

Офицер русской императорской армии Петр Николаевич Краснов.

На параде.

– Так точно. Сегодня похоронили...

*Я не могу больше говорить. Первый раз нервы изменяют мне. Я выхожу на улицу и долго мы ходим вдвоем с женой по узкой тропинке по берегу Дона».*¹⁵⁰

Новым Войсковым Атаманом стал Анатолий Михайлович Назаров (1876 – 1918). Именно в партнерстве с ним и пришлось генералу Краснову продолжать свою борьбу против большевиков. После короткой беседы с новым атаманом, Краснов принял решение начать агитацию среди донских казаков для того, чтобы они вступали в «народную армию» для борьбы против большевиков. Вскоре после встречи с Войсковым Атаманом, Краснов отправился выполнять свою миссию. Его отъезд из штаба Назарова в Новочеркасске оказался весьма своевременным. На следующий день донская Красная Гвардия заняла город и учинила расправу над Назаровым и его приближенными. «Ее командир, бывший войсковой старшина, не стал церемониться с ультиматумами. Прорвался в атаманский дворец и сорвал генеральские погоны с Назарова. Через несколько минут во дворе раздался винтовочный залп. Назаров атаманствовал пять дней и был расстрелян без суда и следствия».¹⁵¹ На территории Дона была образована «Донская Советская Республика» (ДСР) во главе с очень неприятным субъектом, председателем Совнаркома ДСР Федором Подтелковым (1886 – 1918).

Что же касается Петра Николаевича Краснова, то его опять ждало бегство от «красных» и игра «в прядки» со смертью. После того, как на Дону установилась власть большевиков, Краснов срочно вернулся обратно в Царицын. Здесь он скрывался под вымышленным именем в доме офицерской жены – Марии Тимофеевны Чумаковой. В период своего изгнания Краснов регулярно получал от своих сторонников большевистскую и антибольшевистскую прессу, знакомился с последними новостями, поступающими из разных уголков разваливающейся империи. К этому времени, от бывшей Российской империи откололись Финляндия, Эстония, Украина, Латвия, Литва, Беларусь. Для бывшего генерала Императорской армии, Петра Краснова, развал некогда могущественной империи, которой он преданно служил на протяжении многих лет, был большой трагедией. Еще больше генерала огорчало то, что в развале этой империи принимали участие бывшие царские генералы: генерал-лейтенант Карл Маннергейм в Финляндии, генерал-майор Людиган Желиговский в Литве, генерал-лейтенант Довбор-Мусницкий в Беларуси и т.д. Свои царьки появлялись и на территории еще сохранявшейся России. «В Закавказье, по всей Сибири и Приморье, на Севере, в Средней Азии – всюду бывших царских генералов и подполковников охватила эпидемия «главкомов», «военных министров», и даже «президентов»».¹⁵²

Тем временем, ситуация на территории Донской области кардинально меняется. Армия кайзеровской Германии начала наступление на южные территории бывшей Российской империи. Ею были заняты крупнейшие железнодорожные узлы Украины, а, вскоре, немецкая кавалерия вошла в Таганрог и Ростов. Это наступление немцев «удачно» совпало с началом массовых народных восстаний в «Донской Советской Республике». Причиной народного бунта стала ужасающая политика большевистских властей. Они не только развязали в этом регионе бессмысленный и кровавый террор, но и своими продовольственными реквизициями, ради «нужд фронта», довели местное население до фактического голода.

В 1923 году в Германии вышла в свет книга русского историка Сергея Петровича Мельгунова (1879 – 1956) – «Красный террор в России». В ней известный ученый-историк, на основе весомых источников, описал весь тот ужас бесконечных убийств и издевательств, который творился большевиками в России в самом начале их правления. Волна «красного

террора», прокатившаяся по России, особенно сильно задела юг страны. Мельгунов в своем исследовательском труде дает вполне развернутое описание террористической деятельности большевиков на Дону и Кубани в годы Гражданской войны. Здесь можно привести небольшие отрывки из книги Мельгунова, рассказывающие о том, что происходило в южных городах России, с приходом в них большевиков:

«В ночь на 18 января 1918 года в городе Таганроге началось выступление большевиков, состоявших из проникших в город частей красной армии Сиверса...

...Офицеров, юнкеров и вообще всех, выступавших с ними и сочувствовавших им, большевики ловили по городу и или тут же на улицах расстреливали, или отправляли на один из заводов, где их ожидала та же участь.

...Не были пощажены раненые и больные. Большевики врвались в лазареты и, найдя там раненого офицера или юнкера, выволакивали его на улицу и зачастую тут же расстреливали его. Но смерти противника им было мало. Над умирающими и трупами еще всячески глумились...

На металлургическом заводе красноармейцы бросили в пылающую доменную печь до 50 человек юнкеров и офицеров, предварительно связав им ноги и руки в полусогнутом положении. Впоследствии останки этих несчастных были найдены в шлаковых отбросах на заводе.

...Убитых оставляли подолгу валяться на месте расстрела и не позволяли родственникам убирать тела своих близких, оставляя их на съедение собакам и свиньям, которые таскали их по степи».¹⁵³

Насилие и грабежи со стороны властей «Донской Советской Республики» вынудили население Дона поднять восстание против «красных» угнетателей. На помощь восставшим подоспели Добровольческая армия, возвращавшаяся на Дон с Кубани, и степные партизаны из отряда полковника Петра Харитоновича Попова (1867 – 1960), которые до этого момента вели партизанскую войну против большевиков. Столкновение большевиков с восставшим населением и примкнувшими к ним военными формированиями, привело к полному разгрому «красных» и бегству их с территорий Дона. «Донская Советская Республика» перестала существовать 11 мая 1918 года. Тогда же был казнен и ее «президент», Федор Подтелков. Примечательно, что, несмотря на все те ужасы, которые сотворила его банда на донской земле, местный руководитель «красных» был приговорен к казни цивилизованным путем, путем всенародного суда.¹⁵⁴

После свержения большевистского режима на Дону, у Петра Николаевича Краснова появилась надежда на то, что порядок может быть восстановлен на всей территории России. Именно поэтому, в этот период он решает заняться тем, чем никогда не занимался – политикой.

12 мая 1918 года в Новочеркасске был созван казачий войсковой Круг, на котором, совершенно законным путем, генерал Краснов был избран Атаманом Донского государства. К этому времени у Краснова была выработана стратегия дальнейших действий. Он провозглашал:

– необходимость создания на территории Всевеликого Войска Донского независимого от большевистской Москвы Донского государства под прямым авторитарным управлением Атамана;

– проведение мобилизации в Донскую армию всех годных к службе казаков в возрасте от 18 до 50 лет включительно;

– скорейшее заключение безапелляционного военного, политического и экономического союза с Германской империей.

После короткого совещания члены казачьего круга все-таки приняли все законодательные инициативы генерала Краснова. Самому генералу фактически вручалась монархическая власть. Однако Краснов был только рад такому повороту событий. К этому времени он сам себя убедил, что парламентаризм, неограниченные права народа, совещательные органы – могут привести общество лишь к бесконечной борьбе за власть, массовым убийствам и всеобщему хаосу. Именно такие доводы генерал Краснов привел казакам в качестве аргумента для своей диктатуры:

«Творчество никогда не было уделом коллектива! Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников... Если вы мне доверяете, вы принимаете предложенные мною законы. Если вы их не примите, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть во вред Войску. Тогда нам не о чем разговаривать!». ¹⁵⁵

Таким образом, Петр Николаевич Краснов стал главой нового независимого государства, расположенного на территории бывшей Российской империи. Новое государство получило название «Всевеликое Войско Донское». После избрания Краснова Атаманом, Большой Войсковой Круг Всевеликого войска Донского (своеобразный демократический парламент) принял свод основных законов, которые и стали Конституцией независимого Донского государства. Как отмечают исследователи этого периода, Конституция Всевеликого Войска Донского стала первой региональной конституцией, принятой в постреволюционной России. ¹⁵⁶ Несмотря на то, что практически вся власть в новой республике находилась в руках Атамана Краснова, Конституция Донского государства была на тот момент достаточно передовой и весьма демократической. Она подразумевала разделение властей: на верховную и законодательную власть (Войсковой Круг), высшую исполнительную (войсковой Атаман), а также судебную (исполнявшуюся «Судебными Установлениями и лицами на основе и

именем закона»¹⁵⁷ Конституция вводила прямые и всеобщие выборы представителей на Большой Войсковой Круг, отменяла все сословные привилегии, да и сами сословия тоже, наделяла всех жителей государства равными правами, вводила свободу вероисповедания, все же отдавая при этом особое место православию. Кроме вполне демократических статей Конституции, это документ также устанавливал государственный флаг Всевеликого Войска Донского, его герб, гимн и другую официальную государственную символику. Весьма примечательным выглядит один факт, связанный с кратковременным существованием этого государства на берегах Дона. Флагом Всевеликого войска Донского стал сине-желто-алый триколор, который сегодня является флагом Ростовской области. Этот государственный атрибут очень сильно раздражает современных поклонников большевиков.

Чтобы поддержать независимость своего государства, Петр Краснов пытался заручиться поддержкой немецкой армии, которая заняла некоторые станицы и провинции, расположенные на Дону. Он также направлял воззвания иностранным государствам, с призывом как можно скорее признать Всевеликое Войско Донское. «Он отправил их в столицы Франции, Англии, Польши, Румынии, Турции, Грузии, Крыма, Украины – «одним словом, свою декларацию я направил во все страны, куда только можно было проникнуть», – вспоминал он в 1946 году на допросе в МГБ СССР»¹⁵⁸.

Краснов также пытался заручиться поддержкой местных антибольшевистских сил в лице Добровольческой армии и ее командиров: генерала Михаила Васильевича Алексева (1857—1918), генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (1872—1947), генерал-лейтенанта Ивана Павловича Романовского (1877—1920). Встреча руководителей Добровольческой армии и Атамана Всевеликого Войска Донского состоялась в конце мая 1918 года. Краснов предложил этим военачальникам свой план военных действий против большевиков. В первую очередь он предлагал объединить все силы, и вместе с частями немецкой армии атаковать Царицын (Волгоград), выбить от туда большевиков и овладеть богатым военно-промышленным потенциалом этого города. Захват Царицына, по мнению Краснова, позволил бы антибольшевистским силам на юге России объединиться со своими союзниками и развернуть антибольшевистский фронт от Украины до Урала.¹⁵⁹

Однако план военных действий, представленный Красновым, был отклонен его соотечественниками. Деникин, Алексеев и Романовский оставались сторонниками лозунга: «Великая, Единая и Неделимая Россия». Поэтому их сильно смущали сепаратистские устремление Атамана Всевеликого Войска Донского. Кроме того, руководители Добровольческой армии, профессиональные русские офицеры, прошедшие многие сражения Первой Мировой войны, не желали сотрудничать с немецкой армией, которая оставалась для них главным противником. Именно поэтому, Петр Краснов с одной стороны и руководители Добровольческой армии с другой, не смогли найти общего языка в деле дальнейшей наступательной войны против большевиков. Вместо этого они договорились лишь о некоторых совместных уступках друг другу.¹⁶⁰

Вместо широкомасштабной войны против большевиков, генералу Краснову после провала переговоров с руководством Добровольческой армии пришлось заниматься реорганизацией казачьих отрядов, состоявших на службе в его государстве, в постоянную

профессиональную армию. К середине лета 1918 года ему удалось собрать многотысячную армию, оснащенную хорошим вооружением и оборудованием. «К этому времени Круг Спасения Дона объявил мобилизацию 25 возрастов, давших 27 тысяч пеших и 30 тысяч конных казаков с 175 артиллерийскими орудиями, 610 пулеметами, 20 аэропланами и 4 бронепоездами».¹⁶¹ Одновременно с этим казаки Всевеликого Войска Донского продолжали вести перманентную войну с «красными». К концу лета 1918 года, благодаря усилиям генерала Краснова и его приближенных, практически все станицы Войска были очищены от большевистских сил. За создание совершенно новой армии и за освобождение территорий Дона от большевистских сил Большой Войсковой Круг (парламент Всевеликого Войска Донского) присвоил Петру Николаевичу Краснову звание полного генерала от кавалерии. После стольких пережитых невзгод, 48-летний генерал Петр Краснов, наконец-то, вновь почувствовал себя нужным и востребованным военным и просто счастливым человеком у себя на родине. «Это был, пожалуй, «звездный час» Петра Николаевича на «троне» донского Атамана!».¹⁶²

На Азовском море Краснов успел создать достаточно сильный морской флот, состоящий, как минимум, из пяти хорошо вооруженных теплоходов. Воздушный флот нового казачьего государства состоял из 68 аэропланов. В распоряжении армии Войска Донского также было 14 бронепоездов, оснащенных современными французскими орудиями.¹⁶³ Армия Петра Краснова также пополнялась новыми офицерами, обучение которых происходило в Кадетском императора Александра III корпусе в Новочеркасске.

Глава Донского государства был вынужден вести отличную от всех других представителей антибольшевистского движения в России внешнюю политику. К примеру, Добровольческая армия и ее руководители официально все еще пребывали в состоянии войны с Германией. Руководители так называемых «белых» армий в остальных регионах бывшей Российской империи по-прежнему считали эту державу своим врагом наравне с большевиками. Поэтому ни о каких союзах с немцами среди них и речи быть не могло. Совсем другим делом был генерал Краснов и его небольшое государство. Для Краснова в Гражданской войне основной целью было не сохранение «Единой, Великой и Неделимой России», а усиление и независимость своего собственного государства, Всевеликого Войска Донского. Именно поэтому он не только не гнушался союзом с бывшим врагом России, Кайзеровской Германией, но и открыто приветствовал установление любых дружественных контактов с этой страной. «Они [немцы. прим. автора] дали за хлеб и шерсть необходимые Дону оружие и патроны и помогли уладить пограничный вопрос с Украиной, покушавшейся на западную часть донской земли (договор 27 июля старого стиля). Необходимо отметить, что в переговорах немцы проявили большую сговорчивость, чем русские люди...».¹⁶⁴ Вскоре Краснов сумел добиться и дипломатического признания своего правительства от этого иностранного союзника. Германская империя признала свои союзнические отношения с руководством Всевеликого Войска Донского в июне 1918 года.¹⁶⁵ Однако с признанием государственности и независимости Войска немецкое правительство повременило.

К середине лета 1918 года войска Всевеликого Войска Донского смогли практически полностью очистить территорию Дона от «красных», и, кроме того, оттеснить войска противника к Царицыну. Таких военных успехов генералу Краснову удалось достичь благодаря максимальному напряжению собственных сил (Для несения тыловой службы в городах и станицах Дона привлекались даже старики, женщины и дети, параллельно занятые

домашним хозяйством)¹⁶⁶, а также помощи со стороны Добровольческой армии, частей немецкой армии и Украины, находившейся тогда под руководством гетмана Скоропадского. 28 августа 1918 года¹⁶⁷ в столице Войска, Новочеркасске, вновь собрался Большой Войсковой Круг. Главной темой этого собрания стало переизбрание Атамана. На тот момент у кандидатуры генерала Краснова были серьезные противники, это были люди из числа сторонников Добровольческой армии, и люди, просто недовольные «самодержавием» Атамана Краснова. Было также немало противников сотрудничества Донских казаков с немцами, которое началось после прихода к власти на Дону Петра Николаевича. В руки этих людей также попало письмо, которое Краснов ранее написал Императору Германской империи Вильгельму II. В этом письме генерал просил немецкого монарха как можно скорее признать самостоятельность и независимость Всевеликого Войска Донского, а также оказать ему всяческую поддержку. Именно это послание, противники Краснова и хотели использовать против него во время совещания Большого Войскового Круга. Однако агитация этих лиц не возымела должного результата среди простых казаков и других граждан Войска:

«В канун сбора Большого Войскового Круга делегаты от проденикински настроенных членов круга разъезжали по станицам и даже фронтовым частям, рассказывая, как Краснов «продал немцам казаков». Угрюмо слушали станичники речистых ораторов. Когда их обвинения переходили всякие границы, из толпы, окутанной клубами махорочного дыма, гремел бас: «А что нам эти союзники? Вот добровольцы верны им, а патроны и снаряды у нас берут. Англичане да французы им-то ничего не дали. И войск не шлют. А немец, чуть что – рядом!»

И «проповедники» антигерманской ориентации давились на полуслове».¹⁶⁸

В конце сентября все-таки состоялись выборы Атамана Большим Войсковым Кругом. Из 338 голосов участвовавших в выборах казаков 234 были поданы за Петра Краснова.¹⁶⁹ Население Дона по заслугам оценило достижения своего Атамана на фронте, в политике и в гражданских делах. И, действительно, Петр Краснов, будучи главой независимого Донского государства, сделал много для своих сограждан и казаков. Он сумел вытеснить большевистские банды с территорий Дона, наладить спокойную жизнь во всех станицах молодого государства, заручится поддержкой влиятельной европейской страны, а также создать сильную и боеспособную армию. Однако во Всевеликом Войске Донском все-таки не установилось того общественного мира, который, казалось бы, должен был установиться после восстановления истинной демократии на Дону. Местное донское крестьянство было недовольно разделом земли, которое произвело правительство Петра Краснова, и привилегированным положением казаков. Городской пролетариат также не чувствовал особого единения с донскими казаками, которые создавали для себя свое собственное государство. В рабочих все же была сильна большевистская пропаганда, обещавшая им дармовой хлеб и всеобщее «счастье». Поэтому-то пролетарии и не являлись особенно сильной социальной опорой для донского государства. Помимо крестьян и рабочих, недовольны самостоятельностью Всевеликого Войска Донского были и простые горожане, бывшие гражданские служащие из других регионов бывшей Российской империи, бежавшие из своих насиженных мест опасаясь красного террора. Они также мечтали о восстановлении «Сильной и неделимой» России с центральной властью в Петербурге. Но главной проблемой для Краснова и его войска были отношения с Добровольческой армией. Хотя это «белогвардейское» вооруженное формирование и подпитывалось оружием,

боеприпасами и продуктами питания от Дона, оно все же было недовольно своими благодетелями. У руководства Добровольческой армии раздражение вызывало полная самостоятельность донских казаков, а также союзничество Краснова с Германией. Из-за этих фактов нередко возникали конфликты между представителями обеих армий. «... весело отдыхающие в ресторанах и кафе Ростова добровольческое офицерство запустило обидное прозвище – «всевеселое войско донское». А по поводу отношений Дона с германским командованием, совсем оскорбительное – «немецкие проститутки». Когда доброжелатели прошептали это на ухо генералу Денисову, только что подписавшему распоряжение об отправке добровольцам очередной партии боеприпасов, тот возмущенно прокричал: «Если Донское Войско – немецкая проститутка, то Добровольческая армия – это жирный кот, живущий на ее содержании! Вот!»».¹⁷⁰

Просить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО признать границы Всевеликаго Войска Донского въ прежнихъ географическихъ и этнографическихъ его размѣрахъ, помочь разрѣшенію спора между Украиной и Войскомъ Донскимъ изъ за Таганрога и его округа въ пользу Войска Донского, которое владѣеть Таганрогскимъ Округомъ болѣе пятьсотъ лѣтъ и для котораго Таганрогскій округъ является частью Тьмутаракани, отъ которой и стало Войско Донское.

Просить ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО содѣйствовать присоединенію къ Войску по стратегическимъ соображеніямъ городовъ Камышина и Царицына Саратовской губерніи и города Воронежа и станцій Лиски и Прозорино и провести границу Войска Донского, какъ это указано на картѣ, имѣющейся въ Зимовой станицѣ.

Просить ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО оказать давленіе на Совѣтскія Власти Москвы и заставить ихъ своимъ приказомъ очистить предѣлы Всевеликаго Войска Донского и другихъ державъ, имѣющихъ войти въ Доно-Кавказскій Союзъ отъ разбойничьихъ отрядовъ красной гвардіи и дать возможность возстановить нормальныя, мирныя отношенія между Москвой и Войскомъ Донскимъ. Всѣ убытки Донского населенія, торговли и промышленности, происшедшіе отъ нашествія большевиковъ, должны быть возмѣщены Совѣтской Россіей.

Просить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО помочь молодому Государству орудіями, ружьями, боевыми припасами и инженернымъ имуществомъ и если признаете это выгоднымъ, устроить въ предѣлахъ Войска Донского орудійный, ружейный, снарядный и патронный заводы.

Отрывок письма Атамана Петра Николаевича Краснова императору Германской империи Вильгельму II с просьбой признать независимость, суверенитет и границы Всевеликого Войска Донского. Данное письмо хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Фонд 102, опись 1, дело 20.

распоряжение об отправке добровольцам очередной партии боеприпасов, тот возмущенно прокричал: «Если Донское Войско – немецкая протитутка, то Добровольческая армия – это жирный кот, живущий на ее содержании! Вот!»». ¹⁷¹

Но еще более темные тучи над государством, которое возглавлял Петр Николаевич Краснов, сгустились осенью 1918 года. Именно тогда генерал лишился своего главного союзника в борьбе с большевиками. 4 ноября в Германии началась Ноябрьская революция, которая очень скоро (11 ноября) закончилась свержением монархии и установлением демократической Веймарской республики. Для немцев это означало конец Первой мировой войны и долгожданное возвращение домой со всех фронтов. Для Краснова и Всевеликого Войска Донского это означало полную катастрофу. Немецкие союзники, уходя с территорий Дона, оставляли открытым антибольшевистский фронт, протяженностью в 600 километров. «Эта огромная «дыра» закрывалась одной только конной бригадой генерала Коновалова. Туда начали в спешном темпе перебрасывать части Молодой Донской армии. В Ростове ввели лейб-гвардии казачий полк, в Таганроге – лейб-гвардии Атаманский полк». ¹⁷²

Теперь, единственной возможностью спасти положение своей армии для Краснова, стало обращение за помощью к бывшим союзникам России по Антанте – Англии и Франции. Однако здесь генерал одержал полное поражение в политическом плане. Его давний военный и политический конкурент, генерал

Антон Иванович Деникин, сумел убедить французов и англичан, что Краснов не может дальше командовать антибольшевистскими силами на юге России, так как он являлся прямым союзником Кайзеровской Германии. Деникин, как командующий Добровольческой армией, убеждал союзников в том, что Краснов должен передать свои войска под его командование. Представители Англии и Франции в конечном итоге заняли позицию главы Добровольческой армии. ¹⁷³

Вскоре от Краснова отвернулся и его «парламент» – Большой Войсковой Круг. Казаки, принимавшие участие в его работе, пришли к выводу, что отставка Петра Краснова с поста Атамана Всевеликого Войска Донского и назначение командующим всеми антибольшевистскими войсками на юге России генерала Деникина позволит ускорить получение военной и сырьевой помощи со стороны Англии и Франции, а также приблизит разгром большевиков.

Кроме своей отставки, Краснов также был вынужден покинуть территорию Дона по поручению Деникина. Тот опасался, что среди донского казачества может вновь воспрянуть атаманская слава Краснова. «Деникин ни за что не хотел терпеть неуступчивого генерала в

своей армии. Он понимал, что военное счастье изменчиво и в трудный момент казаки вновь вспомнят о своем Атамане. Краснов был очень опасен. И поэтому не нужен».¹⁷⁴ Территорию своего бывшего государства, Всевеликого Войска Донского, Петр Николаевич Краснов покинул в начале 1919 года. После своего откровенного изгнания с территории Дона, Краснов поселился в грузинском Батуми, где провел несколько спокойных месяцев, вдали от терзаемой Гражданской войной России.

Однако спокойная, невоенная, жизнь мало устраивала Петра Николаевича, потому как совсем скоро он начал ходатайствовать через своих сторонников о своем возвращении на антибольшевистский фронт. Вернуться на Дон деникинцы ему не разрешили. Вместо этого Краснову предложили отправиться в Ревель (Нынешний Таллин), для того, чтобы там поступить в распоряжение командующего антибольшевистской Северо-Западной армии Николая Николаевича Юденича (1862—1933). Какого-то конкретного военного дела Петру Николаевичу в армии Юденича не нашлось. Казаков здесь не было, а кавалерии в Северо-Западной армии практически не существовало. Вновь имея много свободного времени, Краснов снова решил заняться литературной деятельностью. На этот раз он направил все свои усилия на создание пропагандистской литературы.

Первый номер его информационной газеты, которая также содержала художественно-литературные сочинения, вышел в свет 19 октября 1919 года. Это издание получило название «Приневский край». В нем велась антибольшевистская пропаганда, освещались наиболее яркие преступления «красных», а также приводились интересные воспоминания людей, которые когда-то лично были знакомы с главарем большевиков – Лениным.

Однако газета просуществовала недолго. В конце сентября 1919 года Северо-Западная армия Юденича пошла в наступление на Петроград. Казалось, что для антибольшевистских сил это наступление на главную крепость большевиков сулит большой успех. Ведь армия Юденича была достаточно многочисленна и хорошо укомплектована. В ее распоряжении была бронетехника, артиллерийские орудия и бронепоезда.¹⁷⁵ Однако, как и в ноябре 1917 года, генерала Краснова ждало горькое разочарование. Начавшийся стремительный натиск на позиции большевиков, во второй половине октября 19-го года, внезапно остановился у все тех же Пулковских высот, у которых Краснов впервые потерпел поражение от большевиков в 1917 году. «... Через несколько дней после выхода первого номера «Приневского края» случилось то, чего боялся Краснов – русская армия «споткнулась о пулковский порог» Петрограда. Наступление добровольцев захлебнулось, а потом и вся их армия откатилась назад. Еще более стремительно, чем шла вперед. Петр Николаевич так и не увидел улиц родного города».¹⁷⁶ Из-за растянутости фронта «белых», отсутствия поддержки со стороны ближайших сочувствующих стран: Финляндии и Эстонии, а также быстрой переброски большевиками новых подкреплений под Петроград – Северо-Западная армия была вынуждена остановить свое наступление в 20-х числах октября. Уже вскоре большевики смогли прорвать оборону своего противника на нескольких участках фронта, из-за чего, уже 3 ноября, Юденич объявил отступление всей своей армии к эстонской границе.¹⁷⁷

Р23685
№ 23
36 39

ПРИНЕВСКИЙ

КРАЙ

Военно-осведомительная, литературная и политическая газета.

Цена отдельного номера в уличной продажѣ 1 марка. Покупавшимъ сразу болѣе 50-ти экземпляровъ скидка 20%.

№ 23.

Нарва, Воскресенье 7 Декабря 1919 г.

№ 23.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

На фронтѣ Сѣверо-Западной и Эстонской Армій. Противникъ нѣсколько разъ пытался наступать на наши и эстонскія позиціи густыми цѣпями, но всѣ его попытки къ наступленію были отбиты нашимъ огнемъ.

Съ Южнаго фронта генерала Деникина оперативной сводки не поступило.

Въ Западной Европѣ въ связи съ начавшимися мирными переговорами между прибалтійскими государствами и Совѣтской Республикой крѣпнеть рѣшеніе усилить помощь адмиралу Колчаку и генераламъ Деникину и Юденичу. Вліятельные въ политикѣ англійскіе и французскіе дѣятели высказываются за военное вмѣшательство въ дѣла Россіи и объявленіе войны Совѣтской Республикѣ. Въ Европѣ поняли, что большевизмъ это скрытый германскій империализмъ и если Франція и Англія теперь же не раздавятъ его большевики соединившись съ нѣмцами снова возстановятъ западный фронтъ и подвергнутъ Францію и Англію

всѣмъ ужасамъ новой войны. Назрѣваютъ событія исключительной важности. Англо-французскія войска ожидаютъ въ Восточной Пруссіи у Мазурскихъ озеръ на границѣ Курляндіи.

Претерпѣвый же до конца — спасется.

Оперативная сводка штаба Сѣверо-Западной Арміи къ 10 час. вечера 6 декабря.

На Гдовскомъ направленіи.

Противникъ повелъ наступленіе западнѣ жел. дороги, но былъ отброшенъ. Усиленная развѣдка красныхъ съ пулеметами была обнаружена со стороны д. Усть-Чер-

ново, но нашимъ огнемъ отогнана. Артиллерія противника обстрѣливала районъ переправъ черезъ рѣку Плюссу.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Безъ перемѣнъ.

Оперативная сводка штаба Сѣверо-Западной Арміи къ 10 часамъ утра 6 декабря.

На Гдовскомъ направленіи.

Съ наступленіемъ темноты противникъ въ районѣ Тербинка повелъ наступленіе, но нашимъ огнемъ былъ отброшенъ.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Попытка красныхъ наступать густыми цѣпями въ районѣ Каско-

саари была также успѣшно отбита, гдѣ по донесенію развѣдки противникъ бѣжалъ въ паникѣ. Ночью артиллерія противника обстрѣливала районъ Анвенской.

Оперативная сводка штаба Эстонской Арміи къ 11 час. утра 5 декабря.

На побережьи Финскаго залива.

Неприятель обстрѣливалъ въ теченіе ночи д.д. Коростели и Федоровка и пытался наступать цѣпями на наши позиціи, но былъ отбитъ нашимъ огнемъ.

Въ Локосскомъ направленіи.

У д. Бабино перестрѣлка между нашими и неприятельскими развѣдчиками.

На остальныхъ направленіяхъ безъ перемѣнъ.

Газета Петра Николаевича Краснова «Приневский край». № 23. 7 (20) декабря 1919 года. На первой полосе этого номера Краснов сообщает о возможно скорой интервенции Англии и Франціи в Советскую Россію.

После ликвидаціи Северо-Западной Добровольческой арміи, Краснов решил вообще прекратить свое участіе в каком-либо «Белом движеніи» в Россіи. К тому времени генерал

окончательно разочаровался в таком антибольшевистском движении, как Добровольческая армия: «Ее знамя над Россией в ноябре 1917-го подняли почти святые, а опустили почти уголовники! Для Краснова лично «Белое дело» началось с конфликта с амбициозными и неблагодарными генералами, а закончилось скандалом уровня уголовной полиции».¹⁷⁸

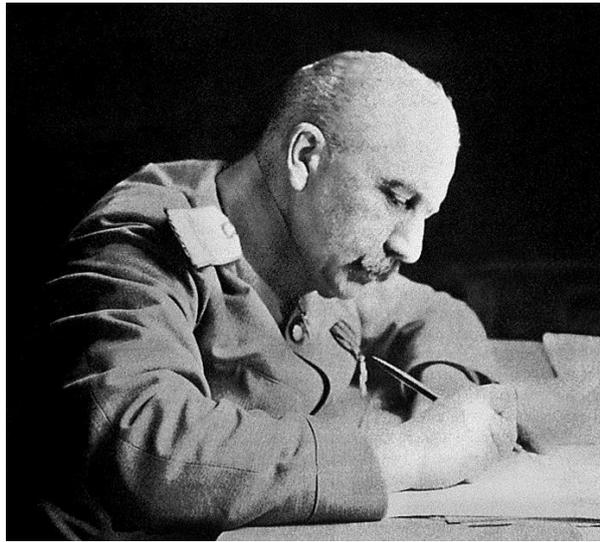
Однако, некоторое время, пребывая в Эстонии, Краснов все же продолжал следить за действиями Добровольческой армии Деникина на юге Росси. Трагическая развязка боевой эпопеи Добровольческой армии наступила в конце февраля – начале марта 1920 года. 25 февраля, возле станицы Егорлыкская, началось одно из крупнейших сражений Гражданской войны в России. Конная армия генерала Деникина, численностью в 12 тысяч человек, вступила в сражение с 1-й Конной армией РККА, которая насчитывала до 10 тысяч человек.¹⁷⁹ Со стороны антибольшевистских сил командующим выступал генерал Александр Александрович Павлов (1867—1935), со стороны «красных» командование осуществлял небезызвестный нам Семен Михайлович Буденный (1883—1973). Из-за падения морального духа и общей усталости, армия Павлова, даже несмотря на хорошее вооружение и превосходство в численности, все же не смогла отбить наступление «красных». «... полки, главным образом донские, вступили в бой после ночного марша сквозь буран, при минус 25-ти градусах по Цельсию. Буденновцы рубили даже не всадников, а оконченвшие тушки людей, многие из которых были даже не в состоянии поднять оружие».¹⁸⁰

Поражение «белых» в сражении у Егорлыкской стремительно ускорило крах всей Добровольческой армии. В марте 1920 года остатки деникинской армии спешно эвакуировались из Новороссийска в Крым. Из остатков некогда большой донской армии генерал Федор Федорович Абрамов (1871—1962) сформировал в Крыму Донской корпус в помощь войскам генерала Врангеля. Казаки, оставшиеся на Дону, были мобилизованы большевистскими властями в Красную Армию.

После поражения в Гражданской войне антибольшевистских сил для всего донского казачества наступило трагическое время. Большевики, чтобы отомстить казакам за их борьбу против советской власти и за их своеволие, приняли решение совершенно ликвидировать казачество. Причем ликвидация казачества проводилась планомерно и решительно: «Большевиками был принят ряд жестких документов, направленных на ущемление и искоренение казачества. Были реализованы меры по физическому уничтожению части казачества, размыванию его экономической базы и выселению неугодных казаков из привычных мест проживания. Для этой цели была создана сеть концентрационных лагерей и начала формироваться общая система тюрем. Проведение большевиками политики расказачивания давало возможность сломать исторически сложившееся казачье самоуправление, особенности жизни казачьего сообщества, ущемить права казаков на землю, лесные угодья и другие привилегии. Многие казачьи районы были переданы другим областям, некоторые станицы разграблены и сожжены, а сопротивлявшиеся этому станичники были арестованы или высланы на Север».¹⁸¹ Из-за жестокой травли русского казачества со стороны советской власти, Россию вынуждено покинул почти один миллион казаков.¹⁸²

Столь печальный исход Гражданской войны в России вынудил Петра Николаевича Краснова вместе со своей супругой совершенно покинуть территорию его бывшей родной страны и эмигрировать в Германию. Там он получил кров и материальную помощь от немецкого аристократа, его хорошего друга, Георгия Николаевича Лейхтенбергского (1872—1929). В эмиграции, наконец получив заслуженный отдых от череды ужасных потрясений и кровопролитных войн, Петр Краснов вернулся к своему излюбленному делу – писательству. Из-под его пера выходят интересные научные и литературные статьи, а также увлекательные романы. Уже в 1921 году в Мюнхене был издан капитальный двухтомный труд Краснова – «От Двуглавого Орла к красному знамени». Этот роман Петр Николаевич начал писать еще в годы Гражданской войны. За границей данное произведение, посвященное борьбе казаков против советской власти, имело большой успех. А вот читатели из России смогли познакомиться с этим трудом лишь в 90-х годах XX столетия. До этого он тщательно скрывался в советских спецхранах. Данная книга, а также другие литературные произведения Петра Краснова, принесли ему большую известность на западе и солидные гонорары, позволившие генералу вести спокойную и вполне сытую жизнь. «Всего в период с 1921 по 1944 годы в Германии, во Франции, затем опять в Германии, но уже гитлеровской, Краснов написал и издал более 30 романов и повестей. Главным образом, исторических. Среди них: «За чертополохом», «Белая Свитка», «Выпашь...», «Все проходит», «Понять – простить», «Ненависть». Но именно роман «От двуглавого орла...» задел «за живое» не только русских коммунистов «ленинского разлива», но и «сталинской закваски».¹⁸³

Занимаясь творчеством, Петр Николаевич не забывал следить за тем, что происходит на его бывшей родине. После поражения армии генерала Врангеля в Крыму, из России бежали последние остатки Белой армии. За границей многие офицеры и солдаты армий Врангеля и Деникина испытывали серьезные моральные и физические трудности. Многие подумывали о том, чтобы вернуться в большевистскую Россию, надеясь получить там прощение и помилование от советских властей: «Еще хуже было то, что в массе донских казаков, эвакуировавшихся вместе с «врангелевцами» из Крыма, ядовитыми змеями заструились, зашипели по темным углам «мнения» – дескать, надо возвращаться в Россию. Пора мол, идти «на поклон» большевикам, авось простят... Авось не ужалят! Ну, или – хоть на смерть...»¹⁸⁴ Однако судьба многих смельчаков, осмелившихся вернуться в те годы в Россию, была очень печальной. Они либо сразу стали жертвами страшной большевистской репрессивной машины, либо погибли несколько лет спустя после своего возвращения.¹⁸⁵

Петр Николаевич Краснов в эмиграции работает над очередным литературным трудом. 20-е годы XX столетия.

В годы вынужденной эмиграции Краснов активно заботился о том, чтобы его собратья по несчастью, такие же, как он – белоэмигранты, получали материальную помощь от правительств принявших их стран. Для этого он задействовал свои связи в немецком Генеральном штабе и во влиятельных эмигрантских кругах во Франции.¹⁸⁶ В то же время Краснов не переставал уповать на скорый крах большевистского режима в России. Однако в поздние годы эмиграции он пришел к выводу, что избавить Россию от большевиков может только вмешательство внешней силы, так сказать, новая интервенция. Такую силу Петр Николаевич вскоре увидел в, ставшем в 1933 году канцлером Германии, Адольфе Гитлере (1889 – 1945). Краснов восхищался политикой Гитлера и видел в нем достойного лидера. В 1939 году в Париже был опубликован последний роман Петра Краснова – «Ложь». Хотя это произведение и является художественным, в нем есть немало биографических моментов. Например, главный герой романа, бывший генерал Русской императорской армии, Егор Иванович Акантов был вынужден покинуть родину после победы большевиков в Гражданской войне. Живя за границей он, как и Краснов, сохраняет верность офицерскому товариществу и надеется на свержение большевиков в России. В романе «Ложь» мы можем найти немало восторженных речей в адрес немецкого диктатора. «... Я видала Хитлера, и я боготворю Хитлера. Я часто слышала, как Русские говорили: «если бы Бог послал нам нашего, Русского Хитлера»... Не Царя, но Хитлера».¹⁸⁷ Также, далее: «... Они не понимают, что Адольф Хитлер им послан Богом, и что десять лет тюрьмы и лишений он готовил свое движение... В эмиграции это невозможно, а в самой России, там не тюрьма, а разстрел...».¹⁸⁸

Нетрудно понять после этого восторженное письмо-воззвание бывшего Атамана Краснова, которое он опубликовал в русской эмигрантской прессе сразу же после начала войны между Германией и СССР: «*Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр I в 1813 году*».¹⁸⁹ И в таком же духе: «*Итак... Свершилось! Германский меч занесен над головой коммунизма, начинается новая эра жизни России, и теперь никак не следует искать и ожидать повторения 1918 года, но*

*скорее мы накануне событий, подобных 1813 году. Только роли переменялись. Россия – (не Советы) – является в роли поработанной Пруссии, а Адольф Гитлер в роли благородного Императора Александра I. Германия готовится отдать старый долг России. Быть может, мы на пороге новой вековой дружбы двух великих народов».*¹⁹⁰

Каковы были дальнейшие действия генерала Краснова после начала Советско-нацистской войны? Как мы уже говорили в начале своего исследования, в самом начале этой войны немецкое военное командование выступало против участия этнических русских на стороне Вермахта в борьбе против Советского Союза. Руководство нацистской Германии после победы над СССР планировало вообще устранить возможность существования в будущем любого русского государства на его территории. Краснов понимал, чего добивается нацистский режим в войне на Восточном фронте. Однако он, как и многие другие русские эмигранты в этой ситуации, воспринимал начавшуюся Советско-нацистскую войну как продолжение Гражданской войны в России, как возможность наконец-то расправиться с большевиками. После разгрома большевиков, считал генерал Краснов, с немцами, как с победителями, русские смогут договориться. Подобным образом думали в те годы практически все русские коллаборационисты: «Тем более, что война русских вместе с немцами против коммунистов, которая тогда велась на территории СССР и Европы, очень была похожа на борьбу, которая шла на территории Войска Донского в 1918 году. Масштаб разный, суть схожа».¹⁹¹

Несмотря на свой возраст, (к моменту начала войны между Германией и СССР Краснову исполнился 71 год) Петр Николаевич стремился попасть на фронт. У него был немалый опыт командования казачьими войсками. И вскоре этот его опыт оказался очень даже востребован командованием Вермахта. В конце 1942 года ситуация на советско-германском фронте для немцев существенно ухудшилась. Из-за этого нацистское правительство стремительно искало все новых союзников среди коренного населения оккупированных территорий на востоке. Не обошло оно своим вниманием и русское казачество. В декабре 1942 года немецкое Министерство по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete) создало «Казачье управление Дона, Кубани и Терека», которое возглавил доктор Николай Александрович Гимпель (1885—?). Целью этой организации, создание которой было инициировано немецкими властями, было объединение русских казаков для новой войны против коммунистов. Немцы хорошо знали о подвигах и заслугах Атамана Краснова, именно поэтому генерал очень скоро получил от командования Вермахта предложение о сотрудничестве. «Зная о популярности старого атамана в казачьих кругах, немцы прочили его на роль идейного вдохновителя всего казачества».¹⁹² Краснов это предложение принял, и уже в январе 1943 года он подписал обращение к казакам, составленное, возможно, немецкими пропагандистами, с призывом начать борьбу с большевиками.¹⁹³ В этом обращении отмечалась особая культура и самобытность донского казачества. В нем также присутствовали строки о том, что казачество благодаря своей, отличной от традиционной русской, культуре просто обязано иметь самостоятельное, независимое государство. Краснов в конце своей жизни уже не надеялся на восстановление старой, дореволюционной России. Да и в случае победы Германии это вряд ли бы произошло. Вероятно, Петр Николаевич в это время желал лишь вернуться на Дон, чтобы вновь воссоздать там свое крошечное казачье государство, а эфемерная мечта о «Великой и неделимой» России его теперь совсем не интересовала. «Видимо, к этому времени Краснов окончательно понял, что идея о казачестве в единой неделимой России осталась в прошлом. Как позже признавался сам П. Н. Краснов, именно с этого момента он стал только казаком,

стал служить только казачьему делу, поставив «крест на своей предыдущей жизни и деятельности».¹⁹⁴

Стоит отметить, что русские казаки были и сами не против помогать своим немецким друзьям. 24 июля 1942 года немецкие войска заняли Ростов-на-Дону. На следующий день, 25 июля, войска Вермахта вошли в бывшую столицу Всевеликого Войска Донского – Новочеркасск. Местное казачество с большим воодушевлением встречало иностранную армию. «... на следующий день после оккупации Новочеркасска, к немецкому коменданту города явилась депутация казачьих офицеров в полной форме с царскими крестами на груди. Она заверила освободителей в том, что донцы готовы «всеми силами и знаниями помогать доблестным германским войскам в окончательном разгроме сталинских приспешников». Разумеется, это было очень кстати для немцев, потери которых в живой силе росли».¹⁹⁵ Очень скоро в городе начали действовать прежние органы самоуправления казачьего государства. «В сентябре в Новочеркасске собрался Казачий Сход, на котором был избран Штаб Войска Донского (с ноября его стали называть Штабом Походного Атамана). На Казачьем Сходе был избран Атаман Войска Донского. Первый Атаман с 1920 года!».¹⁹⁶

Новым Атаманом казачьего государства стал Ерофей Васильевич Павлов (1896—1944). Во время Гражданской войны в России он был непримиримым противником большевиков. После поражения антибольшевистских сил в войне, Платов не покинул Россию. Он скрывался от советских органов госбезопасности долгие годы, используя поддельные документы. Павлов даже успел поработать инженером на одном из заводов в советском Новочеркасске. Под чужими именами и поддельным документам, Павлов смог дожить в Советском Союзе до самого начала Второй мировой войны и прихода в Россию немецкой армии.

Получив от казаков и немецкого командования власть, Павлов сразу же приступил к активным действиям с целью формирования прогерманского казачьего войска. Он выпустил свой приказ, который обязывал всех казаков, которые могут носить оружие, явиться на сборные пункты для записи в постоянные казачьи войсковые формирования. Каждый казак, записавшийся в войска, имел право продолжить свою службу в том воинском чине, который был у него в царской или «белой» армии. Павлов также назначил станичных атаманов, которые должны были обеспечивать мобилизованных казаков провиантом, оружием и лошадьми.¹⁹⁷ С приходом немцев на Дон, в Ростове-на-Дону и Новочеркасске начали вновь действовать церковные храмы, которые долгое время были закрыты советскими властями. Местные верующие совершали молитвы ради победы немецкой армии и возрождения донского казачества.¹⁹⁸

К концу 1942 года немцам удалось собрать несколько боевых батальонов, состоявших практически из одних казаков. К таким формированиям относились:

– 600-й казачий батальон (Kos. Abt 600). Командир – майор Иван Никитич Кононов (1900—1967). Это казачье военное формирование состояло из 1700 рядовых бойцов и 77 офицеров.

– Полки Юнгшуца, Леманна и Вольфа (фамилии немецких офицеров, которые формировали эти полки). В общей сложности, все эти полки насчитывали до 6000 человек, не считая 480 офицеров.

– Платовский казачий конный полк (назван так в честь героя Наполеоновских войн Матвея Ивановича Платова (1753—1818)). Точная численность этого подразделения до конца не установлена, но оно насчитывало несколько тысяч человек.

– Кавалерийский отряд «Reiterverband Boeslager» («Конный отряд Безелагера» – в честь немецкого офицера Георга фон Безелагера (1915—1944), который командовал данным подразделением). Отряд насчитывал 650 казаков, которые осуществляли охранные функции в тылу немецкой группы армий «Центр».

– 6-й казачий полк «Пластунский полк» (Kos. Rgt. 6 (Plastun Regiment)). Эта часть состояла из двух батальонов, в которых служило 1243 человека, а также независимой роты (638 человек). Данный полк был создан при участии видного немецкого нациста Теодора Адриана фон Рентельна (1897—1946), генерального комиссара Литвы в 1941—1945 годах.¹⁹⁹

Казачьи сотни клялись своим немецким союзникам в верности, но и еще охотно доказывали немцам свою храбрость в боях с РККА, а затем с Красной армией: «В марте 1943 года против советских войск сражались 20 казачьих полков, численностью 25 000 штыков и сабель. Казачьи сотни рубились в конном строю с советской кавалерией под Батайском, Ростовом, Новочеркасском. Казалось, время повернуло вспять и на дворе стоял не март 1943-го, а март 1919 года».²⁰⁰

Казачьи Вермахта атакуют с шашками наголо.

Из книги французского историка Франсуа де Ланнуа «Казачьи Паннвица. 1942—1945».

И далее, «Но сражались с Красной Армией не только казачья конница и пехота. Советские летчики вспоминают ожесточенные бои в воздухе над Кубанью весной 43-го года... Еще бы! С ними кружили смертельные виражи две истребительные и одна бомбардировочная эскадрильи, пилоты которых носили галифе с лампасами и погоны царской армии».²⁰¹

В общем, к середине Второй мировой войны, после многочисленных случаев, когда донские казаки доказали свою преданность немецким союзникам в кровопролитных боях с советскими войсками, командование Вермахта решилось на создание объединенной казачьей дивизии. Дивизии, которая бы объединила в себе всех казаков, состоявших на службе у Вермахта. Вскоре немцы определились и с руководителем этой дивизии. Им стал полковник немецкой кавалерии – Гельмут фон Паннвиц (1898—1947). Этот немецкий офицер имел давние и тесные связи с казаками. Он родился в провинции Верхняя Силезия, которая располагалась поблизости от границ Российской Империи. Паннвиц с раннего детства увлекался верховой ездой, что и стало причиной начала дружбы его семьи с казаками, жившими неподалеку от родового имения семьи Паннвицов.²⁰² В 1914 году Гельмут начал обучение в Кадетской академии имени Лихтерфельда. С началом Первой мировой войны Паннвиц, который отчаянно рвался на фронт, не был зачислен в действующую немецкую армию. Но уже в следующем году Гельмут получил разрешение служить, и был зачислен в уланский полк, действовавший на русском фронте. В марте 1915 года он был удостоен звания младшего лейтенанта, а в 1917 году получил за отвагу престижную награду – Железный крест первой степени.

Железный крест первой степени. Eiserners Kreuz erste klasse EK I.

Подобный крест был и молодого Гельмута фон Паннвица.

Вскоре после окончания Первой мировой войны Гельмут фон Паннвиц уволился из армии и занялся штатской службой на территории Польши. Однако с приходом к власти в Германии нацистов, Гельмут решил вновь возвратиться на свою родину. В Германии он получил военную должность командира 2-го кавалерийского полка, расположенного в Аугсбурге в Восточной Пруссии. Начало Советско-нацистской войны фон Паннвиц встретил, будучи командиром разведывательного дивизиона 45-й пехотной дивизии «Линде». В первый день войны, этот дивизион принимал участие в штурме Брест-Литовской крепости.²⁰³ Помимо своих военных заслуг, Паннвиц хорошо знал русский язык, поэтому

именного его кандидатура становилась самой подходящей для того, чтобы возглавить казачье войско. К тому же, у фон Паннвица был опыт формирования коллаборационистских воинских формирований из русских казаков еще до вышеупомянутого назначения, он «... еще в декабре 1941 года сформировал в составе армейской группы «Центр» казачий эскадрон из бывших военнопленных».²⁰⁴

Гельмут фон Паннвиц был искренне увлечен идеей создания казачьего войска. Однако, из-за серьезных проблем немецкой армии на Восточном фронте, реализовать эту идею долго не удавалось. Только в апреле 1943 года немецкое командование согласилось предоставить все необходимые средства для создания объединенной казачьей дивизии. Официальным днем создания 1-й казачьей дивизии стало 21 апреля 1943 года.²⁰⁵ Немецкое командование выделило казакам учебный полигон в польском городе Млава (Польск. Mława). Именно сюда, в этот небольшой городок, стали стягиваться все казачьи боевые формирования, чтобы пройти курс обучения и произвести присягу на верность Германии и Адольфу Гитлеру. «На железнодорожной станции польского городка с лета 39-года не скапливалось столько людей и лошадей. Из вагонов выгружались казачьи полки «Платов» и «Юнгшультц», 600-й дивизион Кононова. Из Шепетовки доехал 1-й Атаманский полк барона Вольфа». Сразу же после прибытия первых казачьих отрядов, руководство учебного полигона приступило к усиленным тренировкам, которые дали первые результаты уже через два месяца. «Через два с половиной месяца дивизия имела образцовую организацию. В ней был штаб с конвойной сотней, группа полевой жандармерии, взвод связи, взвод пропаганды и духовой оркестр. Это все было при самом штабе. Строевые части составляли две казачьи кавалерийские бригады. 1-ю Донскую – в составе 1-го Донского, 2-го Сибирского и 4-го Кубанского полка. 2-ю Кавказскую – в составе 3-й Кубанского, 5-й Донского и 6-го Теркского полка...».²⁰⁶ Стоит отметить, что эта дивизия получала хорошее оружие и обмундирование от немецкого военного командования. Поэтому попасть в нее стремились не только чистокровные казаки, но и пришлые люди из числа советских военнопленных. О том, какая судьба была у советских военнослужащих, попавших в немецкий плен во время войны, мы писали в начале данного исследования. Эти люди нередко назывались казаками, чтобы избежать голодной смерти в концентрационном лагере, получить хорошее питание и свободу. «Кстати, о Сибирском полку. В него зачислили всех военнопленных красноармейцев и командиров, которые назвались в лагерях уральскими, оренбургскими, забайкальскими, уссурийскими и сибирскими казаками. Зачислили «под честное слово», так как проверить их «казачество» не было возможности».²⁰⁷ Но помимо голодных советских военнопленных, свое внимание на эту коллаборационистскую дивизию обратили и русские эмигранты. Сформированная немцами казачья дивизия к концу лета 1943 года насчитывала 18 555 человек.²⁰⁸ После того, как ее формирование и обучение было полностью окончено, дивизию было решено перевести в Югославию, и ввести в состав 2-й танковой армии генерал-лейтенанта Лотара.²⁰⁹ Казачья дивизия оказалась очень боеспособным оружием на стороне немецкого Вермахта. Однако немецкое командование имело некоторые сомнения в ее исключительной преданности. Немцы внедрили в войско казаков-коллаборационистов немало своих шпионов и, кроме того, вели неустанную пропаганду среди казаков, стараясь убедить их, что в случае измены их ждет неминуемая гибель.

Войско казаков казалось крепким и преданным союзником нацистской Германии. Но все же, немецкое военное командование решило предпринять еще один шаг, чтобы усилить доверие казаков к себе. Немцы рассчитали, что казакам в этой непростой войне необходима сильная и узнаваемая личность, своеобразный идейный вождь, на которого они могли бы

равняться и воле которого они были бы полностью подчинены. Нечего и говорить, что такая харизматическая личность очень быстро нашлась. Она жила прямо под боком у нацистов:

«Петр Николаевич [Краснов. прим. автора] жил в гитлеровской Германии, издавал в Берлине свои книги, редактировал журнал «Казачий сборник», в котором, надо полагать, восторженно комментировал успехи германского оружия на восточном фронте».²¹⁰

Немцы решили использовать бывшего атамана Краснова в пропагандистских целях, ради поднятия боевого духа среди казаков-коллаборационистов. В июне 1943 года, немецкое командование и представители казачьей дивизии Вермахта навестили Краснова в его загородном доме в пригороде Берлина. После короткой беседы с этими гостями, Петр Николаевич дал свое согласие на сотрудничество с Вермахтом. Вскоре состоялась встреча генерала Краснова с командующим 1-й казачьей кавалерийской дивизии Гельмутом фон Паннвицом. Оба военных мгновенно нашли общий язык и обязались сотрудничать друг с другом. Тогда же фон Паннвиц предложил Краснову возглавить Главное управление казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий Германии (На немецком: Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete). Краснов вскоре согласился на предложенный пост. Это, как ему казалось, даст возможность бывшему атаману вновь воссоединиться со своими любимыми донскими казаками, а также, пусть это и выглядело маловероятным, возглавить новое казачье войско в недалеком будущем.

Вскоре после завершения всех согласований, Краснов отправился на встречу со своими подчиненными. 14 сентября 1943 года он прибыл в польский город Млау, где проходили обучение солдаты из казачьей дивизии.

Здесь, пожалуй, стоит взять паузу, и внести некоторую ясность в вопрос о коллаборационизме Петра Краснова. Во-первых, коллаборационистом он не был, так как и вовсе не являлся гражданином СССР, той страны, против которой сотрудничал с немцами. А во-вторых, сотрудничество Краснова с нацистской Германией во время Второй мировой войны совершенно нивелируется тем фактом, что многие истинные граждане СССР сотрудничали с оккупационными немецкими властями, включая, конечно же, советскую номенклатуру. Последние активно помогали нацистам совершать преступления против мирного населения на оккупированных территориях. К примеру, советские чиновники, оставшиеся служить на своих постах в Ростове-на-Дону, после того как его заняла немецкая армия, охотно предоставляли Гестапо списки евреев и коммунистов в этом городе. За преданную службу, немецкое командование награждало таких ретивых госслужащих лучшими квартирами в Ростове.²¹¹ После окончания войны выяснилось, что таких «доблестных» осведомителей среди ростовских чиновников, которые обзавелись квартирами благодаря службе немецкой тайной полиции, было 2954 человека.

Но вернемся к Петру Николаевичу и его казакам. Приезд Краснова в Млау совпал (вероятно специально) с днем, когда казаки из дивизии фон Паннвица должны были принести присягу на верность Адольфу Гитлеру. Немецкому командованию это мероприятие

было необходимо для окончательного подчинения казаков своей воле: «Публичная персональная присяга каждого на верность Гитлеру отрезала бы путь назад». ²¹² После многочасового обряда присяги состоялся торжественный банкет, во время которого командир 1-й казачьей дивизии фон Паннвиц произнес тост за генерала Краснова.

Немецкие солдаты ведут бои на улицах Ростова-на-Дону.

Ростовские мальчишки помогают немецким солдатам нести их багаж.

Казачи приносят присягу Адольфу Гитлеру. Из книги Франсуа де Ланнуа. Казачи Паннвица. 1942—1945.

Военная присяга Казаков, служащих в Германской армии

Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови.

Все законы и приказания от поставленных Вождем Германского народа Адольфа Гитлера начальников отданные, по всей силе и воле исполнять буду.

В поле и крепостях, в окопах, на воде, на воздухе, на суше, в сражениях, стычках, разбегах, полетах, осадах и штурмах буду оказывать врагу храброе сопротивление и все буду делать, верно служа вместе с Германским воинством защите Новой Европы и родного моего войска от большевистского рабства и достижению полной победы Германии над большевизмом и его союзниками.

Если узнаю о чем-нибудь, вредящем общему делу борьбы за свободу Европы и наших родных казачьих краев не только заблаговременно о том объявлю, но всеми способами постараюсь отвратить и уничтожить зло.

Всякую вверенную мне тайну крепко буду хранить.

Поставленным надо мною начальникам, как немецким, так и своим казачьим, во всем буду послушен и все буду делать по совести. Ни своя корысть, ни свойство, ни родство, ни дружба, ни вражда не совратят меня от данной мною присяги.

От команды и полка, к которому принадлежу, ни в поле, ни в обозе, ни в гарнизоне, какая опасность мне ни угрожала бы, пока жив, отлучаться не буду и хотя и раненый, следовать за ним буду и везде и во всем себя буду так вести и поступать, как то честному, верному, послушному, храброму и расторопному казаку надлежит.

В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение сей клятвы целую Слово и Крест Спасителя Моего. Аминь.

Текст присяги русских казаков, служивших в немецком Вермахте.

После этого торжества миссия генерала Краснова среди казаков фон Паннвица была окончена. В конце сентября 1943 года дивизия была переброшена в Югославию для борьбы против местных партизан, а сам Петр Николаевич благополучно вернулся в Германию.

На своем новом посту, начальника Главного управления казачьих войск, Краснов вел активную деятельность. Он занимался активной агитацией среди советских солдат в лагерях для военнопленных, уверяя их присоединиться к остальным коллаборационистам для совместной борьбы против большевизма. В этот период Краснов возможно и понимал, что немецкое правительство использует его как ходячую агитационную брошюру. Однако у него, как у пожилого человека (в 1943 году ему было уже 74 года), не было сил и желания для игры во всякого рода политические игры. Краснову просто оставалось надеяться на благосклонность нацистов в случае их победы в войне. Надеяться на то, что немцы позволят существовать независимому Донскому государству. Но и сама Германия охотно подавала пожилому атаману примеры, которые способствовали появлению таких смелых надежд. К примеру, 10 ноября 1943 года немецкое правительство подписало «Декларацию Казачьего правительства», которое де-юре предоставляла казакам из России политические права, признавала суверенитет будущего казачьего государства и его самобытность. Однако этот документ не был подписан высшими чинами нацистской Германии, на нем стояли лишь подписи министра восточных оккупированных территорий Альфреда Розенберга (1893—1946) и начальника штаба Верховного Главнокомандования Вермахта фельдмаршала Вильгельма Кейтеля (1882—1946). Однако и этот, весьма хлипкий документ, вполне устроил Петра Краснова. И он охотно продолжал служить Вермахту.

2 августа 1944 года началось знаменитое Варшавское восстание. В ходе его польским повстанцам удалось уничтожить немецкий гарнизон в городе и взять под свой контроль большую часть своей столицы. Поляки рассчитывали на то, что у немецкой армии не хватит сил, чтобы подавить восстание в столице Польши. У немцев действительно практически не было резервов для уничтожения восставших. И поэтому они охотно прибегли к помощи русских казаков. «Первыми по варшавским улицам и площадям двинулись цепи Русской Штурмовой бригады СС под командованием полковника войск СС Каминского. Эсэсовцы, атакующие с русским матом, были беспощадны.

Затем им на подмогу подошли немецкие эсэсовцы-танкисты и казаки Доманова – 12 тысяч штыков и сабель. Вместе они потушили пожар варшавского восстания кровью поляков...».²¹³ Казаки-эсэсовцы подавили сопротивление польского народа немецким оккупантам с крайней жестокостью. Они же этим очень гордились. Своими достижениями в деле уничтожения поляков русские казаки хвастались на страницах своей газеты «Казачья лава». В ней же они помещали многочисленные фотографии со своими немецкими коллегами – служащими СС.²¹⁴

Краснов не мог не знать обо всех тех ужасных преступлениях, которые совершали курируемые им казаки. «Он понимал, что функции жандармов и карателей ломали психику станичников, рушили традиционные представления о роли казачьего оружия. Особенно в рядах казачьей молодежи. Хороша же «святая борьба с большевизмом» – массовые изнасилования польских и югославских женщин и расстрелы безоружных крестьян и горожан».²¹⁵ Однако он не желал утруждать себя какими-то, совершенно ненужными ему в старости, размышлениями на моральную тему. К тому же шла кровопролитная мировая война, жестокость и насилие во время которой могли быть списаны, по мнению атамана Краснова, на всеобщий хаос. Его волновало совсем другое. Краснов хотел добиться от Германии полного выполнения данных ею обещаний казакам. В частности, он добивался наделения казаков Вермахта и их семей землей в безопасной части Италии. К концу войны немцы выполнили это требование пожилого генерала: «... благодаря влиянию Начальника Управления казачьих войск Восточного министерства [П. Н. Краснова. прим. автора], правительство нацистской Германии «выбило» у дуче Италии [Бенито Муссолини. прим. автора] для казаков территории на Аппенинском полуострове. Осенью 1944 года, в сравнении с восточным фронтом или югославскими ущельями, – это был курорт. Просто оазис мира и покоя».²¹⁶ Однако Краснову и верным ему казакам не удалось насладиться счастливой старостью в солнечной и умиротворенной Италии. Зимой 1945 года приближался конец Второй мировой войны в Европе. Немецкое военное командование и нацистское правительство бросали все имеющиеся у них силы на разваливающийся повсюду фронт. В этот период немцы решили разыграть с казаками-коллаборационистами последнюю трагическую карту в этой кровавой войне. В феврале 1945 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер (1900—1945) своим собственным приказом преобразовал казачью дивизию фон Паннвица в 15-й Казачий кавалерийский корпус СС. Теперь казаки стали еще и эсэсовцами. Такая структура как СС, еще до окончания войны зарекомендовала себя как самая одиозная организация нацистской Германии. На руках сотрудников СС была кровь миллионов невинно убитых и насмерть замученных людей на оккупированных территориях, они руководили лагерями смерти и занимались многочисленными этническими чистками. Русским казакам, которых официально удостоили членством в этой преступной организации, навряд ли пришлось бы надеяться на благосклонность британских или американских

военных в случае сдачи в плен. Поэтому им оставалось только одно – сражаться на стороне немцев до самого конца. Именно этого и добивался Генрих Гиммлер. ««Марка войск СС – это худшее, с чем можно сдаваться союзникам».²¹⁷ Самого Петра Краснова немецкое командование откомандировало в Италию. Свою пропагандистскую работу он выполнил, и больше Германии он ничем помочь не мог. «Старого атамана воспринимали, как реликтовый образец давно ушедшей эпохи, не пригодный для решения сегодняшних проблем».²¹⁸

По состоянию на 25 февраля 1945 года 15-й Казачий кавалерийский корпус состоял из 25 тысяч солдат и офицеров.²¹⁹ Вместе с казаками действовали украинский батальон СС и танкисты из Русской Освободительной Армии (РОА). В самом конце войны этому кавалерийскому корпусу приходилось вести тяжелые бои с болгарскими войсками и югославскими партизанами. 6 мая 1945 года казаки под командованием фон Паннвица получили приказ отступить из Югославии в Австрию. Этот путь они были вынуждены проделать через Альпы, попутно сражаясь с нападавшими на них партизанами. Путь казаков осложнился еще и тем, что они, словно цыганский табор, отступали вместе со своим багажом, а также со своими женами и детьми. Кто-то из них в дороге заботился о своих пожилых родителях. Все же, 11—12 мая корпус фон Паннвица смог пробиться в Австрию и там сдаться на милость английским войскам.

Петр Краснов уговаривал казаков, которые находились вместе с ним в Италии, также сдаться англичанам, причем сделать это как можно скорее. «Это был очень слабенький, но шанс, на то, что победители не тронут казачьих семей в Алесо».²²⁰ Но казачьи командиры, Вячеслав Науменко (1883—1979), Иван Кононов (1900—1967) и Тимофей Доманов (1887—1947), безумно призывали казаков продолжать воевать на стороне Германии. В конце апреля 1945 года казаки, теснимые из Италии местными партизанами и английскими войсками, решились на последний марш в своей жизни. Через все те же Альпы они прошли в Австрию, и 27 апреля прибыли в небольшой городок Катчак.²²¹

Казаки были холодно встречены там своими недавними союзниками, немцами. «Им самим было нечего есть, а тут еще привали 30 тысяч голодных ртов».²²²

Петр Краснов вместе со своей женой самостоятельно добрался до Австрии. Здесь чета Красновых вместе с тремя своими племянниками арендовала квартиру возле небольшого города Линц. В Австрии, в последних числах апреля 1945 года, собрался Большой казачий Круг («парламент» у казаков), на котором был выбран новый Походный атаман. Им стал Гельмут фон Паннвиц. Вероятно, казаки выбрали именно его, этого немецкого военного аристократа, своим командиром, не только потому, что крайне доверяли ему и уважали, но еще и потому, что надеялись с помощью фон Паннвица уйти от ответственности за свои преступления в Югославии и Польше. «Видимо, они считали, что, раз ими командует немецкий кадровый генерал, значит, относиться к ним в плену будут, как к военнослужащим Вермахта».²²³

В городе Линце Петр Краснов уговорил казаков сдаться английским войскам в плен. Он был уверен, что английские военные, с некоторыми из которых он вместе воевал против большевиков во время Гражданской войны в России, благосклонно отнесутся к его казакам. Краснов еще просто не знал о содержании соглашения, заключенного главами США, Великобритании и СССР во время Ялтинской конференции. Это соглашение было подписано 11 февраля 1945 года, и оно обязывало американское и британское военное командования передавать советских военнопленных, оказавшихся в лагерях вместе с немецкими частями, советскому руководству для отправки их «домой».²²⁴ Данное соглашение предполагало выдачу советской стороне только советских граждан, оказавшихся по ту сторону фронта. Однако, впоследствии, выполняя это обязательство перед Советским Союзом, американцы и британцы выдали СССР не только бывших советских граждан, но и русских эмигрантов, которые никогда не имели советского гражданства.

Вскоре после сдачи казаков в плен, для всего казачества, которое, волею судьбы, оказалось в действующей немецкой армии, наступило самое жуткое и судьбоносное время. Английское командование, которое осознавало, что плененные им люди ни за что не захотят возвращаться на «родину», в Советский Союз, прибегало к хитроумным уловкам, дабы ввести коллаборационистов в замешательство. Для начала британцы обманом обезвредили казачьих офицеров. «Офицеров пригласили сесть в шестьдесят трехтонных грузовиков. Конвой отправился в путь и, достигнув подножия горы, неожиданно остановился посреди большой группы британских солдат, которые разбились по двое и подошли к каждому грузовику. Грузовики были окружены танками и мотоциклистами, которые образовали эскорт. Британцы объяснили, что конвой необходимо защищать от нападения эсэсовцев, которые все еще разгуливают в лесах. Между тем, Доманов, как и было запланировано, прибыл в предместья Обердраубурга и направился к штабу 36-й пехотной дивизии, где встретился с генералом Массоном, который сказал ему: «Я вынужден донести до Вашего сведения, что получил официальный приказ передать весь казачий дивизион советским властям. Мне жаль говорить вам это, но это – приказ. Прощайте...».

Благодаря вероломной уловке командир бригады выполнил свой приказ, и все офицеры атамана Доманова оказались в его власти. Все было готово для их передачи в соответствии с полученным приказом».²²⁵ Позже, 27 мая, казачьи офицеры были помещены в лагерь для военнопленных возле города Шпитталь. Здесь командиры казаков объявили им, что британцы передать их советским властям. Краснов, который также был обманутым путем задержан англичанами, призвал своих подчиненных сохранять офицерское достоинство. После этого он немедленно написал на французском языке послание английскому королю Георгу VI (1895—1952), британскому маршалу Александру (1891—1969) и Папе Римскому Пию XII (1876—1958). В своем ходательстве Краснов уверял этих власть имущих людей в невинности казаков, а также в том, что в «стране советов» их ждет несправедливый суд и неминуемая смерть. Это обращение Краснова подписало несколько британских офицеров, после чего комендант лагеря обещал отослать его в Лондон и Женеву. Однако энтузиазм Краснова среди казачьих офицеров мало кто разделял. Уже в первую ночь, после объявления страшной новости о выдаче казаков большевикам, появились первые жертвы. «... пожилой эмигрант по фамилии Тарусский повесился, а еще один казак, Михайлов, предпринял неудачную попытку самоубийства».²²⁶ В этом деле британцы пошли навстречу казакам. «Вскоре после их прибытия полковник [британский – Брайер]

отдал следующий приказ своим бойцам: «Любая попытка сопротивления должна решительно подавляться. Если вы будете вынуждены открыть огонь, то стреляйте на поражение.

Любая попытка самоубийства должна предотвращаться, если она представляет угрозу нашим бойцам. Если такой угрозы нет, то не следует мешать совершению самоубийства»».²²⁷

Выдача казачьих офицеров началась 29 мая. Она сопровождалась страшными актами насилия со стороны английских военных. «Несколько минут солдаты избивали казачьих офицеров нанося им удары ботинками, прикладами ружей и кулаками. Некоторые жертвы были избиты до бесчувствия, и британцы прокалывали их штыками. Это обращение оказалось эффективным и началась погрузка».²²⁸ После прибытия в советскую зону оккупации, генералы Краснов, Доманов, Васильев, Головки и Султан-Гирей Клыч были отправлены в Москву. Ужасна также была участь остальных казаков, которые оставались в английских лагерях для военнопленных и ждали возвращения своих командиров с благими вестями. Когда английское командование объявило этим людям, что их командиры предали их и сбежали, и что английским властям не остается ничего другого, как выдать их всех советскому правительству, толпа несчастных казаков и их семейства впали в отчаяние и ужас. Они просили англичан не выдавать их большевикам, проклинали их и умоляли. Те казаки, которые имели иностранное, не советское, гражданство, напрасно демонстрировали английским офицерам свои французские, немецкие, польские, голландские и другие паспорта. Вероятно, английское командование было совершенно равнодушно к этим людям, в которых к тому же, оно видело пособников немецких нацистов, и поэтому не желало тратить время, и выяснять, кто из казаков не являлся гражданином СССР. Для англичан, уставших от многолетней войны с Германией (Великобритания находилась в состоянии войны с нацистской Германией с 1939 по 1945 годы), было важно поскорее разрешить вопрос с многочисленными немецкими военнопленными и их союзниками. Вопрос гуманного обращения с этими людьми в то время был далеко не на первом месте. Тяжело описывать те сцены, которые разыгрались в солнечные майские дни в прекрасных австрийских пригородах, когда английские солдаты начали хладнокровно погружать людей из казачьих лагерей в грузовики для отправки в советскую зону оккупации. Вот лишь несколько из них: «... Люди образовали сплошную массу, тесно прижавшись друг к другу, и было необходимо силой разделять их, начав с самых крайних. Остальные прижимались друг к другу еще сильнее, образуя небольшую, но еще более компактную массу. Однако вскоре началась паника. Одни вцеплялись в тела других, пытаясь спастись от солдат, образуя странную пирамиду, внизу которой люди задыхались от удушья... Когда казаки, наконец, ослабили хватку, мужчина и женщина оказались задушенными до смерти... После завершения погрузки грузовики отправились на север и прибыли на железную дорогу. Там казаки были разгружены и переброшены в вагон для скота с толстыми решетками на окнах и запертыми дверями, а в конце поезда находилась платформа, на которой стояли солдаты с пулеметами.

... Приведем свидетельство молодой матери, которая была в тот день: «Мы все сплелись вместе, и в тот момент я обнаружила, что стою на теле, распластанном на земле. Все, что я могла сделать, так это постараться не наступить ему на лицо. Солдаты хватили людей, одного за другим, толкая их к грузовикам. Со всех сторон раздавались крики: «Уйди, Сатана, да восторжествует Христос. Господи, смилуйся над нами!»

Сплетенные мужчины и женщины яростно протестовали, когда удары сыпались на них градом, и я видела солдата, отбирающего ребенка у его матери, которого он хотел затолкнуть в грузовик. Мать ухватила ребенка за ногу, и он и солдат буквально играли в игру «кто-кого-перетянет», пока мать, наконец, не исчерпала свои силы, и ребенок не был втиснут в грузовик.

... Молодая женщина вместе с двумя детьми подбежала к берегу реки. Там она долго держала в объятиях своего старшего ребенка, а потом неожиданно толкнула его в воду. Другой ребенок вцепился ей в юбку, крича: «Нет, мама, нет, мне страшно». «Не бойся, – ответила она, – я пойду с тобой» и бросила его в бушующий поток».²²⁹

Англичане жестоко обошлись со своими русскими военнопленными. Но никакие их зверства не могли сравниться со звериной жестокостью советских «победителей». Многие казаки и члены их семей были расстреляны большевиками, сразу после прибытия в их зону оккупации. Другие скончались в советских концлагерях в Сибири, или умерли в ужасных тюремных условиях. Никакой пощады казакам и их семьям от советских властей ждать не приходилось. В официальных советских документах тех лет казачий корпус именовался «... специальной частью, принадлежащей антипартизанским силам СС и состоящей из белоэмигрантских бандитов и контрреволюционеров, получавших деньги от немцев».²³⁰

Британское командование, не церемонясь, решило передать советским войскам также и немецких офицеров, которые командовали казачьими соединениями. Так в руки большевиков попал и Гельмут фон Паннвиц. Вскоре его также этапировали в Москву, для последующего суда над ним. Сами британцы, конечно же, пытались оправдать свои действия. Так, в частности, они заявляли, что были вынуждены столь жестоко поступить со своими русскими и немецкими военнопленными из-за страха перед советским диктатором Сталиным. «Союзники, не желая перечить ему в этом вопросе и, пытаясь убедить его использовать свое влияние, чтобы остановить Тито [Иосип Броз Тито, Josip Broz Tito (1892—1980), югославский диктатор. прим. автора], грабившего территории в Италии и Австрии, а также принять более активное участие в войне против Японии, согласились с его требованием. Этой точки зрения придерживались, прежде всего Министерство иностранных дел Великобритании, которое считало неразумным раздражать Сталина, защищая горстку людей, изменивших Советскому Союзу».²³¹

Нелегкими были и последние дни Петра Николаевича Краснова. Большевики были очень рады заполучить в свои кровавые руки своего давнего врага, которого они упустили из рук в 18-м году. В Москве пожилой генерал был заключен в секретную тюрьму на Лубянке. НКВД очень желало, чтобы Краснов дожил до показательного суда. Поэтому сотрудники этого жуткого ведомства не применяли к Петру Николаевичу слишком суровых пыток во время допросов, а также обращались с ним несколько снисходительно.²³² Вскоре НКВД начало следствие по так называемому делу – «Белогвардейцы – казачьи генералы» под номером Н-18768.²³³ Сегодня материалы этого дела хранятся в Центральном архиве ФСБ России в Москве. Следствие это началось в июне 1945 года и продолжалось до 14 января 1947 года.²³⁴ Удивительно, но за все это время следователь по делу Петра Краснова и других казачьих офицеров, Рассыпнинский Анатолий Филиппович (1909—?), вызывал своего подследственного на допрос всего лишь несколько раз. Так, например, в 1946 году Краснов был на допросе у следователя 13 и 19 сентября и 21 ноября.²³⁵

У Петра Краснова, как у пожилого человека, многое пережившего на своем веку, не было сил и желания вступать в борьбу с советской карательной машиной. Он не надеялся на спасение и понимал, что большевистское правительство все равно убьет его. Именно поэтому, а еще, что также очень вероятно, под давлением со стороны советских следователей, Краснов полностью признался в тех преступлениях, которые ему инкриминировали. Из стенограммы допроса Петра Краснова на суде (председательствующим судьей был Василий Васильевич Ульрих 1889—1951), мы можем понять, что к тому времени он был совершенно сломленным и уставшим человеком:

«Краснов: – Самого себя я считал русским генералом, но, к сожалению, я был одет в немецкую форму, поверх которой носил русские погоны. Так было нужно, и поневоле приходилось одевать все немецкое с русским оттенком.

Ульрих: – Кто же, по-вашему, настоящий виновник войны между Советским Союзом и гитлеровской Германией?

Краснов: – Для пропаганды требовалось, и я к тому же лично считал, что виновником этой войны был СССР.

Ульрих: – Вы подчеркивали, что СССР воюет на пользу англо-американских капиталистов. Кем была эта мысль подсказана вам или вы сами ее автор?

Краснов: – Это чисто пропагандистский прием, рассчитанный на поднятие духа.

Ульрих: – Согласны ли вы с тем, что ваше письмо Кайзеру Вильгельму, которое вы написали в 1918 году, имеет много сходственного с вашим воззванием по радио в 1944 году?

Краснов: – Да, это, безусловно, так, и диктовалось это обстоятельство тем, что мы искали союзников в лице немецкого империализма.

Ульрих: – Значит, у вас существовал основной союз с германским империализмом?

Краснов: – Да, и такой союз между нами существовал с 1917 года.

Ульрих: – Что же в таком случае осталось в вас русского?

Краснов: – Ничего.²³⁶

Конечно же, подобный «суд» и вовсе нельзя назвать – судом. Это действие в январе 1947 года, происходившее в Колонном зале Дома Союзов, больше напоминало показательную моральную экзекуцию. «Суд проводился за закрытыми дверями, без прокурора, который должен был предъявить обвинение, и без защитников, представлявших интересы генералов».²³⁷ Вполне может быть, что верхушка НКВД, не без ведома диктатора Сталина, решила устроить вместо справедливого суда показательную «порку» русским контрреволюционерам и «пособникам фашистов». Суд над Петром Красновым и другими казачьими генералами, Гельмутом фон Паннвицем, Андреем Шкуро, Тимофеем Долмановым, Султаном Келеч-Гиреем, Семеном Красновым (племянником П. Н. Краснова), в общей сложности длился 7 часов.²³⁸ 16 января 1947 года, в 19:39 суд вынес всем генералам смертный приговор. Всех их приговорили к казни через повешение. В тот же день, в 20:45 этот приговор был приведен в исполнение во внутреннем дворе Лефортовской тюрьмы. Не стало талантливого офицера, выдающегося русскоязычного писателя Петра Николаевича Краснова.

Не исключено, что Краснов и другие подсудимые по этому делу подвергались сильному давлению со стороны «следствия» с целью «выбить» у них признательные показания. Очень забавным, к тому же, выглядит «последнее слово» Петра Краснова, в подлинности которого сомневались многие российские исследователи. Вот как оно звучит:

«– Два месяца назад, 7 ноября 1946 года, я был выведен на прогулку. Это было вечером. Я впервые увидел небо Москвы, небо моей родины, я увидел освещенные улицы, массу автомобилей, свет прожекторов, с улиц доносился шум...

Это мой русский народ праздновал свой праздник. В эти часы я пережил очень много, и раньше всего я вспомнил про все то, что я сделал против русского народа. Я понял совершенно отчетливо одно: что русский народ, ведомый железной, стальной волей ее Вождя, имеет такие достижения, о которых едва ли кто мог мечтать... Тут только я понял, что мне нет и не будет места в этом общем празднике... Я осужден русским народом... Но я бесконечно люблю Россию... Мне нет возврата».²³⁹

Начальник Главного управления казачьих войск Имперского министерства оккупированных территорий нацистской Германии Петр Николаевич Краснов произносит речь перед казаками Вермахта. Осень 1943 года.

Генерал-майор Вермахта Гельмут фон Паннвиц. Последний казачий генерал-атаман. Из книги Франсуа де Ланнуа «Кзаки Паннвица 1942—1945. М. 2006.

Это «последнее слово», также хранящееся в уголовном деле в отношении казачьих командиров, стилистически отдаленно подходит под художественный стиль Петра Краснова-писателя. Но само содержание его выглядит совершенно абсурдным. Неужели «добрые» советские следователи отпустили подсудимого Петра Краснова на прогулку по Москве во время празднования годовщины Октябрьской революции? Водили его по городу и показывали достопримечательности? Демонстрировали, каких высот достигла социалистическая страна за годы правления большевиков? А потом хладнокровно повесили этого пожилого человека... Во всяком случае о таком предсмертном «приключении» Петра Краснова осталась какая-нибудь заметка в уголовном деле. Но ничего подобного в этом документе нет. Да и сам Краснов, будучи даже пожилым, запуганным советскими следователями-садистами, человеком, навряд ли стал проклинать себя перед большевиками.

Что можно сказать о деятельности Краснова, когда он являлся главой так называемого Главного управления казачьих войск. Конечно, малоознакомому с русскими коллаборационистскими движениями в годы Второй мировой войны, человеку, покажется, что Краснов просто использовался немецкими военными силами в качестве пропагандистского оружия. Его речи и выступления немецкое военное командование умело направляло на то, чтобы поднять боевой дух казачества, преданно служившего Вермахту. И это действительно так. Никаких серьезных гарантий относительно дальнейшей судьбы территорий юга России в случае победы Германии нацисты атаману Краснову так и не дали. Все их обещания по поводу послевоенной независимости донских территорий, были в основном лишь на словах. Поэтому нет никакой возможности говорить, что Петр Краснов использовал немцев в своих стратегических целях, поскольку практичные немцы использовали его. Но Петр Николаевич все равно самозабвенно выполнял те пропагандистские задачи, которые перед ним ставили нацисты. Больше ему ничего не оставалось делать. Дав свое согласие на сотрудничество с немецкой армией и с нацистским правительством (а он мог бы этого не делать, окончив свои дни естественной смертью, где-нибудь в тихой и безопасной европейской стране), Краснов решил продолжать свою борьбу с большевизмом за независимость Дона. Из-за своей старости он не мог больше сражаться верхом на коне и с шашкой в крепких руках, но решил бороться с «красными» громкой и красноречивой пропагандой. За это его и убили...

Нужно сказать, что соотечественники Краснова за рубежом оплакивали его трагическую гибель. Однако русские белоэмигранты упрекали его в идеологическом сотрудничестве с нацистами. В 1947 году в русской эмигрантской газете «Часовой» вышла статья – «Убийство генерала Краснова». Вот, что мы можем в ней прочитать: «Ведя себя все время очень нейтрально, ген. П. Н. Краснов на склоне лет поддался лицемерным заверениям германской пропаганды и согласился занять место начальника созданного немцами управления по казачьим делам. С этого момента его деятельность и, особенно, его выступления в контролируемой немцами печати на русском языке, вызывали искреннее недоумение и огорчение его многочисленных друзей. По каким причинам и под чьим влиянием мастичный генерал захотел омрачить ту добрую память, которая жила в сердцах его знавших, мы еще не знаем.

Но шемякин суд и бесчеловечное убийство семидесятилетнего старика, поднявшегося на эшафот с Георгиевским крестом на груди, должны вызвать в сердцах всех честных людей чувство глубокого негодования и ненависти к власти, для которой нет ничего святого».²⁴⁰

Далее, в этой же статье, говоря о сотрудничестве Краснова с немцами, ее авторы привели не совсем **приятный** для советских властей отрывок из недавней, на тот момент, истории: «Упомянув об этом, советская пресса забывает о... телеграмме, посланной гитлеровскому министру иностранных дел Иоахиму фон-Рибентропу 24 декабря 1939 года, в которой говорится следующее: «Благодарю Вас, Господин Министр, за Ваши поздравления. Дружба народов Германии и СССР, спаянная кровью, имеет все основания быть долгой и прочной. Сталин. (Правда. 25.12.39)».²⁴¹

Как мы видим из этого отрывка, не только атаман Краснов очень тесно «дружил» с немцами.

Несмотря на свою прогерманскую и пронацистскую деятельность в годы Второй мировой войны, Краснов остался в памяти многих людей не только как немецкий агитатор среди казачества, но и как русский офицер и прекрасный писатель, труды которого и сегодня многими перечитываются с большим интересом.

Глава III. Русская православная церковь в годы советской власти. Сотрудничество русских священнослужителей с немецким военно-политическим руководством в годы Второй мировой войны

Когда, в начале XX века, Россию накрыл страшный политический кризис, население Российской империи как никогда желало серьезных общественно-политических изменений. Русское самодержавие изжило себя к тому времени. Абсолютная монархия в России уже никого не устраивала. Именно поэтому многие русские с восторгом встретили Февральскую демократическую революцию в начале 1917 года. С большим воодушевлением это событие встретила и Русская православная церковь (хотя она и считалась тогда одним из столпов русского царизма). После начала революции и отречения царя Николая II от престола, высший орган церковного управления в России, Святейший правительствующий синод, выпустил следующее воззвание к православным верующим:

«Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути. Возлюбленные чада Святой Православной Церкви! Временное правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением. Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных Родиной на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы».²⁴²

Церковь сохранила свое влияние на русское общество даже в ходе масштабных революционных событий в России. Она всячески поддерживала Временное правительство и проводимые им реформы.

Однако после Октябрьского государственного переворота в ноябре 1917 года для церкви наступил тяжелый период. Большевики, пришедшие к власти с помощью оружия, напрочь отвергали все прежние общественные институты и людскую, как они выражались «буржуазную», мораль. «В мире, сформированном Библией, эта мораль сжато изложена на второй скрижали десяти заповедей. Коммунистическая этика вполне сознательно им противостоит. Она задается целью уничтожить собственность и тесно связанные с нею право и свободу и преобразовать семейный порядок. Она разрешает себе все виды лжи и насилия как средство преодоления старого порядка и пришествие нового».²⁴³

Грабежи и убийства священнослужителей в советской России начались уже вскоре после захвата власти большевиками. 25 января 1918 года в Киеве был жестоко убит и ограблен митрополит Владимир (Василий Никифорович Богоявленский 1848—1918). Это была одна из первых жертв большевистского террора. На сайте «Мемориал», организации, которая занимается поиском информации о репрессированных людях в годы советской оккупации, мы можем найти вот такую интересную записку:

Ленин—Молотову
Для членов Политбюро
(Строго секретно. Ни в коем
случае копию не снимать)

Арестовать «... как можно больше... представителей местного духовенства... мещанства... буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК по изъятии церковных ценностей.

Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...».²⁴⁴

Там же, на этом же Интернет-ресурсе, в разделе «Православные, пострадавшие за веру», мы можем ознакомиться с уголовными делами в отношении священнослужителей, большинство из которых были расстреляны большевистской властью в период с 1918 по 1938 годы. Только в период с 1918 по 1938 год большевистские суды вынесли смертный приговор по «религиозным делам» 342 человек православного вероисповедания.²⁴⁵ Здесь нужно подчеркнуть, что не все советские граждане, обработанные большевистской антирелигиозной пропагандой, с ненавистью относились к священнослужителям. Многие из советских людей пытались предотвратить полномасштабное уничтожение духовенства. Вот, к примеру, интересный документ, доказывающий это утверждение. Прощение московских рабочих к Московскому трибуналу, датированное январем 1922 года, об освобождении из тюрьмы двух пожилых священников московской Николо-Ваганьковской церкви Ивана Александровича Некрасова и Владимира Григорьевича Соколова:

«Январь 1922
В Московский трибунал
членов Приходского Совета
Московской Николо-Ваганьковской
Церкви и прихожан этой церкви
Прощение:
об освобождении из тюремного
заключения под поручительство
священника Ивана Александровича
Некрасова и псаломщика Владимира
Григорьевича Соколова.

По постановлению ВЧК были арестованы в 1922 г. 22 декабря священник Иван Александрович Некрасов и псаломщик Владимир Григорьевич Соколов. Оба члена причта

Николо-Ваганьковской церкви. Некрасов и Соколов известны нам с наилучшей стороны, как люди высокой честности, добросовестные труженики в исполнении своих обязанностей, гуманнейшие и бескорыстные в своих отношениях ко всему составу жителей большого просторного трудящегося населения Николо-Ваганьковского прихода, никогда не принимавшие участие в политике и всецело преданные исполнению своего долга. В приходской религиозной жизни православного прихода их участие всегда было крайне необходимо, и крайняя необходимость особенно ощущается в наступившие дни Великого Поста, когда громадное население трудовое с фабрик, заводов, мастерских нашего прихода удовлетворяет свои религиозные потребности, а болящие православные требуют напутствия, а умирающие напутствия и погребения.

Посему мы, нижеподписавшиеся, просим Московский Трибунал освободить из тюрьмы под наше поручительство священника Ивана Александровича Некрасова и псаломщика Владимира Григорьевича Соколова, ручаясь со своей стороны, что они, Некрасов и Соколов, не скроются от суда и будут аккуратно являться по вызовам судебных мест и лиц.

Это наше ходатайство о немедленном освобождении Священника Ивана Некрасова и псаломщика Владимира Соколова подкрепляется болезненным состоянием обоих, удостоверяющем свидетельствами врачей.

- С. А. Степанов, работающий на Трех Горной мануфак 7577
В. П. Бахвалов, рабочий Трехгорной мры, расчет № 8855
А. П. Соколов, работающий на Сахарном заводе Студенецк пр, № 2669
И. С. Синицкий, рабочий на Краснопресненском Сахар заводе
Ф. А. Сергеев, рабочий на фабрике Трехгорной мры
А. В. Панфилов, Трехгорная мра, Красная Пресня, д № 40, кв 11.
Иван Матвеевич Ташнев, Красно-Пресненского района, д 116, кв 2
Яковлев Никифор Семенович, конторщик Трехгорной мры Ткацкой фки, проживаю М Трехгорный пер, д № 8, кв 4
Кондратьев Александр Петрович. Красная Пресня, дом 38, кв 1
Николай Петрович Шаров. Адрес: Красная Пресня, дом № 42, трудов контроль
Яков Андреевич Соколов, Кр Пресня, д № 42
Антон Никанорович Козлов, Кр Пресня, д 42, кв № 469
Евдокия Николаевна Любимова, Тестовский поселок, д 83. Рабоч Трехг
Сухова Татьяна Ивановна, д 20, Трех Мры
Андреев Федор Вячеславович, Красная Пресня, д № 36, к 56
Евдокия Кузьминична Короткова, рабоч, дом 1, Трех Мры
Михаил Борисович Соломатин, Звенигородское шоссе, д № 16, кв № 2
Александра Назаровна Фролова, Николо-Ваганьков пер, д № 4 кв.1.
Анна Ивановна Кондратьева, К Пресня, д № 38, кв № 1.
Настасья Ивановна Ромашева, Николо-Ваган пер, д № 2/3, кв 8.
Григорий Александр Лебедев, Студ проезд, д № 2.
Мурашев Павел Васильевич, Трех Гор, ул, д 10.
Кочешков Иван Николаевич, , д 33, кв 12.
Пелагея Васильевна Грошева, Нововаганьковский пер, дом № 18, кв 2.
Василий Иванович Молчанов, Студен пр, д 1, кв 1. Раб Труд Кооп Моск Огор Хоз
Михаил Егорович Лукьянов, Большая Пресня, д 32, квар 5, рабочий.
Дмитр Михайлов Лукьянов, рабоч Фабр Гознакъ.
Сергей Яковлевич Сметанников, Красная Пресня, д 32, кв 19– я, рабочий.
Петр Иванович Агафонов, Ср Трехгорный пер, д 2/3, кв № 25, Раб 1 Трехгорной мры на Пресне.
Надежда Алексеевна Успенская, КрПресн ман. Трехгор пер, д 11, учительница.
Иванова Любовь Ивановна, Кр-Пресн Ман, Трех пер, дом 12, кв 6, санитарка № 151

Алексей Ильич Егоров, сторож (?) при Краснопрес складе прожива Воскрес шоссе, дом № 6

Фрол Николаевич Кривоносов, рабочий Прохоров мры, Николо-Ваганьковский пер, дом 4, кв 4.

Иван Максимович Гурин, рабоч при Прохоровской больн спал № 9, Ивановская коморка, № 30

Зинаида Александровна Еськова, рабочая-белошвейка, Мал Х Т, Тверская, 22. Адрес жит, Студ, д 14, кв 1. Мария Ивановна Пузырева.

Дмитрий Афанасьевич Кученков, электротехник МГЭС, Б Ваганьковская ул, 13, кв 2.

Александра Васильевна Сергеева, Трехгорная Мануфактура Трехгорный Камер Колеж вал, дом № 16, квар № 14.

Евдокия Петровна Козлова, домашняя хозяйка, дом №1/10 Трехгор мануф.

Фиона Кузьминична Ефанова, Трехгорная фабрика, проживаю на фабрике, дом манеж.

Алексей Яковлевич Белов, Воскр шоссе, дом № 17, кв 1.

Трубицина Анна Поликарповна, прож Красная Пресня, д 41, кв 16.

Кандрашова Елизавета Арсентьевна, рабоч Трегор мры, проживаю спальни манеж.

Романов Павел Николаевич, Большой Трехгорный пер, д 20, учитель.

Дмитрий Федорович Быков, Большая Пресня, д № 45, кв 5.

Никита Савельев Требоганов, Красн Пресня, д № 32, кв № 6.

Михаил Иванов Фадеев, Малый Трехгор пер, дом 8, живущий на 1-й государственной тек фабрике, быв Прохоров механич .

Татьяна Петровна Пашкан, Красная Пресня, д № 24, 47.

Александра Александр Финягина, Нижняя Пресня, фабрика Прохорова, 14.

Анна Кузьминична Желананкина, Большой Предтеченский переулок, № 32, 14.

Богомолова Ольга Ильинична, М Трехгорный пер, дом № 10, кв № 8.

Крылова Анна Алексеевна, дом Прохорова, девичья спальня.

Павлова Вера Константиновна, Красная Пресня, дом № 44, кв 14.

Петр Ефимов Кузнецов, рабочий-кочегар Трехгорной мры жит фабрики .

Петр Афанасьевич Зотов, рабочий-красильни Трехгорной мры, жит Б. Ваганьковской д 11, кв 6. М. В. Фуфалова, Красная Пресня, д 42, кв 7.

Смирнова Зинаида Сергеевна, Ново-Ваганьковский пер, дом 14, кв 285.

Евдокия Александровна Куканова, прислуга, прожив по НовоВаганьковск переулку, д № 1, кв .

Сергей Афанасьев Туркин, Трехгорн пер, д 12. Морозова Мария Афанасьевна, Малый Трехгорный переулок, д 12, кв 3.

Красильщикова Фекла Фоминична, Малый Трехгорный , д 8, кв 4.

Романова Анна Николаевна, учительница школы № 67 1-й ст, Б Трехгорный пер, д 20, школа

Наумова Александра Ивановна, рабочая Трехгорной мануфактуры, Нижняя Прес, д № 1/30.

Трушина Алексан Ив, Трехгорная мра, Студен проезд, д 16, кв 1.

Вавилова Алек Петровна, Трехгор мра, Студен проезд, д 16, кв 1».²⁴⁶

Примерное количество репрессированных священнослужителей в первые годы советской власти также можно подсчитать. В списке православных священнослужителей, подвергшихся репрессиям в 1918—1934 годах, значится 800 человек.²⁴⁷ Все эти зверства в отношении священнослужителей и церкви (не только православной, но и всех остальных религий) дополнялись другими актами террора большевиков. В 1922 году, под предлогом борьбы с голодом, большевики начали изъятие церковных ценностей из храмов и монастырей. Этот откровенный грабеж не принадлежащего им имущества большевики проводили под лживыми лозунгами о том, что данные ценности будут распроданы, а все средства пойдут на помощь голодающим. На деле же, советские лидеры хотели не только

нажаться на этом деле, но еще и уничтожить большую часть духовенства и окончательно ликвидировать какое-либо влияние церкви среди населения. В 1990-х годах было обнародовано немало документов, подтверждающих это. Вот, например, рекомендации для местных органов советской власти по поводу кампании по изъятию церковных ценностей от Льва Троцкого (1879—1940), датированные 30 марта 1922 года:

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ
ДЛЯ СОВЕЩАНИЯ СЕКРЕТАРЕЙ ГУБПАРТКОМОВ
И ПРЕДГУБИСПОЛКОМОВ

1. Провести агиткампанию в самом широком масштабе. Устранить как все слезливое благочестие, так и глумление.

2. Расколоть духовенство.

3. Изъять ценности как следует быть.

4. Расправиться с Черносотенными попами.

<...>

Л. Троцкий.²⁴⁸

Вскоре, однако, советское правительство отказалось от идеи тотального уничтожения церкви в СССР. Вместо этого, большевики решили полностью подчинить всю церковную организацию в стране своей воле. С Русской православной церковью им это удалось сделать в 1927 году. Тогда, под беспрецедентным давлением со стороны властей, митрополит Сергей (Иван Николаевич Страгородский (1867—1943)), являвшийся заместителем Патриаршего местоблюстителя, подписал Декларацию, объявлявшую полную лояльность РПЦ советской власти. Этот шаг тогдашнего руководителя православной церкви (митрополита Сергия) был воспринят очень болезненно всеми верующими людьми не только в СССР, но и за рубежом. Ведь теперь РПЦ полностью подпадала под контроль со стороны большевистского правительства. «Реформа, проведенная митрополитом Сергием в 1927—1930 гг., привела к полному отказу от решений Поместного Собора 1917—1918 гг., отбросив Русскую Церковь на столетие назад – к петровским преобразованиям. Она поставила ее под абсолютный контроль безбожного государства».²⁴⁹ После этого советская власть могла использовать РПЦ в качестве пропагандистского орудия. В руках у диктатора Сталина всегда оставались рычаги давления на церковь. «Ряд историко-церковных материалов хранится в особой папке И. В. Сталина... например о насильственном переселении в июле 1944 г. 1673 «истинно верующих» православных христиан из центральных областей России в Сибирь и на Алтай».²⁵⁰

Однако в этот же период возникла организация Русской православной церкви за рубежом, которая оставалась полностью враждебной большевистскому режиму в России. Русская православная церковь за границей (РПЦЗ) сформировалась из священнослужителей, которые покинули Россию в ходе революционных потрясений и Гражданской войны. Главное управление РПЦЗ в 1921 году обосновалось в Сербии, в городе Сремски Карловци (серб. *Сремски Карловци*). В ноябре 1921 года в Сремских Карловцах состоялся Первый всезарубежный Собор РПЦЗ, на котором была принята своеобразная программа действий русской церкви за рубежом, «Наказ Собору». Это послание подчеркивало единство РПЦЗ с РПЦ, призывало европейские державы помочь русским людям свергнуть большевизм, а также вновь возродить монархию в России.²⁵¹

После принятия Декларации митрополита Сергия о сотрудничестве Русской православной церкви с большевистским правительством, зарубежная часть РПЦ приняла решение прекратить сотрудничество с московской церковной властью. Такое решение принял Архиерейский Собор РПЦЗ в сентябре 1927 года: «Заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить сношения с Московской церковной властью ввиду невозможности нормальных отношений с нею и ввиду порабощения ее безбожной советской

властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и каноническим управлением Церковью».²⁵²

В ответ на это раскол московская церковная власть объявила деятелей РПЦ раскольниками. В стороне не осталась и советская власть. Она назвала православных священников из этой части Русской православной церкви – заговорщиками и предателями. «... эмигрантская религ.-политич. группировка, объявившая себя «русской зарубежной церковью», якобы представляющей рус. православие за рубежом. Возн. в 1921, когда наиболее реакц. представители рус. церк. эмиграции в г. Сремски Карловицы (Югославия) выработали общую платформу борьбы против Сов. власти. Выдвинув монархич. лозунги, в частн. требование о восстановлении царской власти в России, ... с призывами организовать крестовый поход против большевизма и силой сокрушить Сов. гос-во».²⁵³

После революций и Гражданской войны из России в Европу хлынул большой поток беженцев. Страну покинуло 2 миллиона человек, не захотевших жить в советском «раю».²⁵⁴ Большинство этих людей были православными верующими. Они расселились по разным европейским странам: Германии, Англии, Франции, Австрии и т.д. Что касается Германии, то православие вообще не было для нее каким-то экзотическим новшеством. Православная диаспора здесь существовала еще с XVIII века. «Первые православные русские приходы появились в Германии в 1710-е гг. К началу Первой мировой войны Русская Церковь обладала в этой стране значительной собственностью – около 36 храмов, домов и земельных участков».²⁵⁵ Поэтому русским эмигрантам, попавшим в эту страну во время эмиграции из Советской России, было куда пойти ради духовной пищи. Православные верующие были под духовной юрисдикцией трех разных организаций Русской Церкви: Московского Патриархата, Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ) и Временного экзархата Вселенского Патриархата на территории Европы с центром в Париже.²⁵⁶ До прихода к власти в Германии нацистской партии, Русская Церковь за рубежом старалась решать свои внутренние споры, временами надеясь на падение советского режима. Однако такая спокойная жизнь православной церкви закончилась с приходом нового немецкого правительства. Это было обусловлено отношением нацистов к религии вообще.

Нацисты в Германии поставили главной целью в своей религиозной политике создать совершенно новую религию, отвергавшую христианские ценности и основанную на расовых доктринах и философии нацистского руководства. «... по стране прокатился призыв отвергнуть протестантизм и создать новую «германскую» религию, основанную на объединении идеи «Блут унд боден» («Кровь и почва») и принципа фюрерства. В 1934 году профессор богословия Эрнст Бергман опубликовал 25 тезисов этой новой «религии». Среди них:

Еврейский Ветхий завет не годится для новой Германии.

Христос был не евреем, а нордическим мучеником, отправленным на смерть евреями, и воином, призванным спасти мир от еврейского влияния.

Свастика является преемницей меча как символа германского христианства.

Германская земля, кровь, душа, искусство – священные категории германского христианства».²⁵⁷

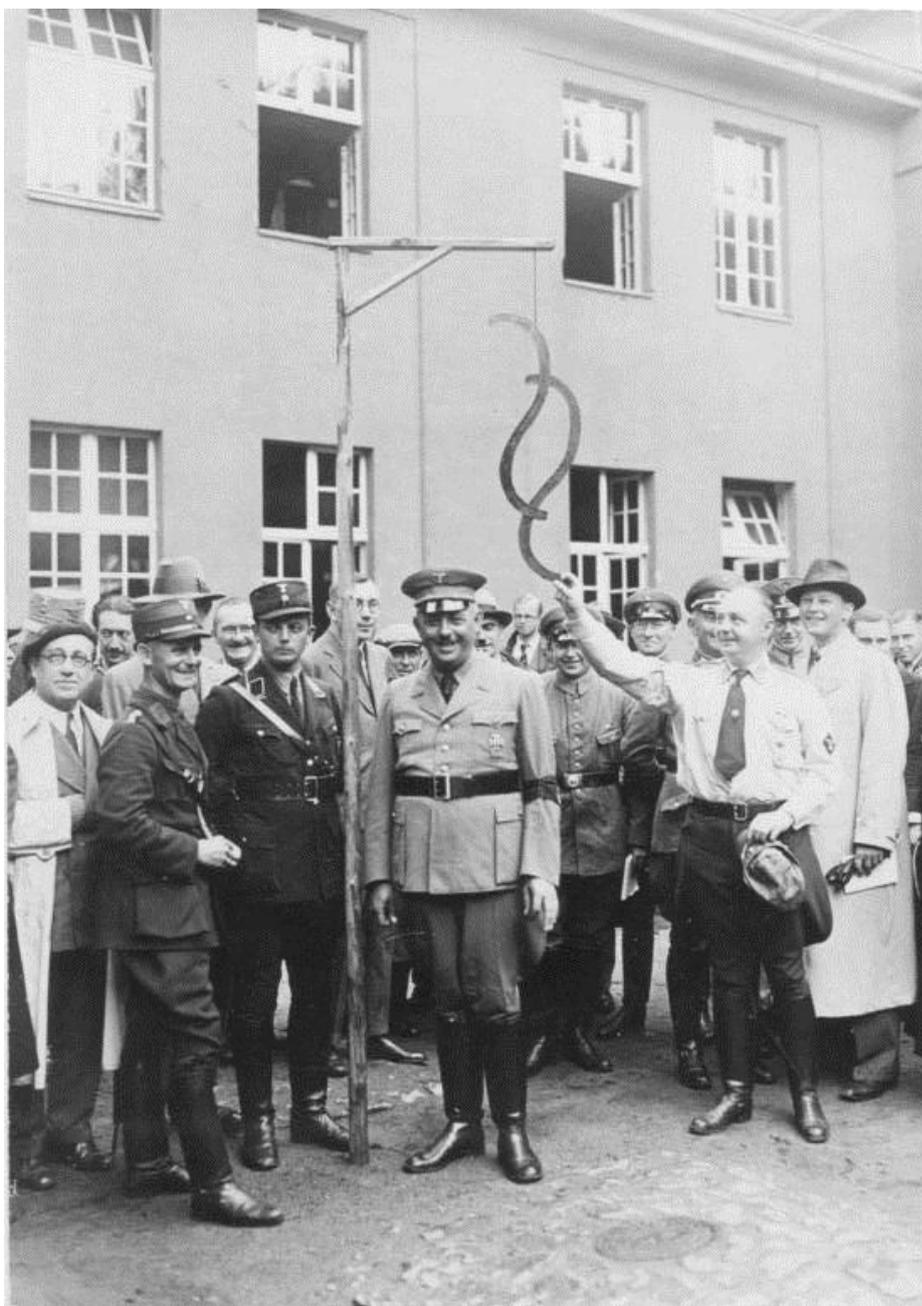
Религиозная политика нацистов вызвала возмущение представителей лютеранской и католической церквей в Германии, что привело к протестным движениям среди немецкого духовенства и, как следствие, террору со стороны власти. От преследований со стороны нацистского правительства в годы его правления пострадало 17 тысяч немецких священнослужителей.²⁵⁸ Не исправил положение и конкордат нацистского правительства с католической церковью, заключенный 20 июля 1933 года. Вскоре после его подписания на

территории Германии были распущены все католические объединения и партии. Нацистский режим в Германии был зеркальным отражением большевистского режима в СССР. Нацисты, так же как и большевики, видели в религии своего главного соперника, поэтому они старались если и не ликвидировать ее совсем, то, по крайней мере, всячески унижить и подчинить своей воле. «Сотни священников и монахов обвинялись в контрабанде золотом, незаконных валютных сделках, аморальных действиях и распутстве. Католическая пресса подвергалась жесточайшей цензуре, религиозные процессии, колокольный звон запрещались и т.п. Острие удара было направлено против монастырей – только в Австрии после ее присоединения к Германии закрыли около 1000 обителей».²⁵⁹

Но антирелигиозная политика нацистов время от времени становилась мягче. Особенно с началом Второй мировой войны. В период войны, гитлеровцы, для того чтобы сплотить общество, слегка пересмотрели свои планы касательно уничтожения традиционной христианской религии. Они решили отложить эти планы до полной победы в войне. «В частности, сотруднику Министерства церковных дел стало известно о словах, сказанных Гитлером Герингу, что «после войны он выйдет из церкви, и народ, ликуя, последует за ним»».²⁶⁰

Несмотря на репрессии, немецкое духовенство с восторгом встретило начало войны Германии против СССР. «Так, руководящий орган Германской Евангелической Церкви отправил 30 июня 1941 г. телеграмму Гитлеру: «Собравшись в первый раз после начала решающей борьбы на Востоке, Духовный совет... в эти захватывающие бурные часы вновь заверяет Вас, наш фюрер, в неизменной верности и готовности к действию всего евангелического христианства Рейха. Вы предотвратили большевистскую опасность в собственной стране и теперь призываете наш народ и народы Европы к решающему походу против смертельного врага всего порядка и всей европейской культуры. Германский народ и с ним все его христианские члены благодарят Вас за это Ваше дело»».²⁶¹ Папа Римский, Пий XII (Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли 1876—1958), также высказал свое удовлетворение началу войны против СССР: «... я был бы чрезвычайно рад, если бы коммунизм был повержен».²⁶²

Во время всех этих страстей, связанных с борьбой нацистов против лютеранской и католической церквей, радикальное правительство совершенно не интересовалось православной церковью, расположенной в Германии. Все изменилось осенью 1935 года. Перемены были вызваны тем обстоятельством, что еще 16 июля 1935 года Адольф Гитлер учредил Министерство церковных дел (РКМ), главой которого стал преданный нацист, но, в то же время, искренне верующий человек, Ханс Керрл (1887—1941). Главной задачей Керрла на его посту было установление компромисса между нацистским правительством и церковью на территории Рейха.²⁶³ Примиренческая позиция Ханса Керрла вызывала негодование среди других высокопоставленных нацистов, желавших покончить со старой религиозной жизнью в Германии, а не подстраиваться под нее. «После издания одного указа, расцененного как «процерковный», Керл был срочно вызван в Оберзальцберг к Гитлеру. Там он нашел почти всех рейхслейтеров – Розенберга, Гесса, Гимmlера, Литце, Шираха и др., которые сообща накинулись на министра, заявляя, что он должен ликвидировать Церковь, а не делать нечто противоположное».²⁶⁴

Ханс Керрл (в центре) Министр по делам Церкви в нацистской Германии.

В отношении Русской православной церкви нацисты придерживались более мягкой политики. Эта церковь и так была преследуема советскими властями в СССР, поэтому к ней за рубежом выражались особые симпатии. Гитлеровское правительство хотело продемонстрировать мировой общественности, что оно является ярким защитником гонимой в СССР Русской Церкви. Политика в отношении Русской Церкви была сферой деятельности Вернера Гаугга, чиновника из Министерства церковных дел (занимал этот пост с 1935 по 1945 г.).²⁶⁵ Она сводилась в первую очередь к унификации Русской Церкви. Немецкие власти выбрали РПЦЗ – как высшую церковную организацию Русской Церкви за рубежом. Именно вокруг нее немцы и планировали объединить все русское духовенство и православных верующих, оказавшихся в Европе. Одновременно с этим, руководство Рейха старалось избавиться от влияния на церковь просоветского митрополита Евлогия (Василия Семеновича Георгиевского 1868—1946), осевшего во Франции и находившегося под властью московского митрополита Сергия (Страгородского).²⁶⁶ 14 марта 1936 года правительство Третьего Рейха признало за РПЦЗ статус корпорации общественного права (Körperschaft des öffentlichen Rechts) – то есть, организацией, имеющей законный статус в Германии. Одновременно с этим началось строительство нового православного собора в

Берлине. (Сохранился до наших дней, находится по адресу: Берлин. ул. Гогенцоллерндамм, 166 / Berlin-Wilmersdorf. Hohenzollerndamm 166). Интересен тот факт, что денег на строительство этого храма у Министерства по делам церкви катастрофически не хватало, поэтому руководство этого ведомства обратилось за финансовой помощью к высшему руководству Рейха, включая самого Адольфа Гитлера.²⁶⁷

В целом политика нацистской Германии в отношении Русской Церкви сводилась к некоему компромиссу. Нацисты хотели использовать религиозную организацию этой церкви ради своих экспансионистских целей, при этом по возможности не допустив слишком сильного возрастания ее влияния. С вторжением Германии в Польшу в 1939 году и оккупации части ее территорий, русское православное духовенство, сотрудничавшее с немецким правительством, начало восстанавливать здесь православные приходы, ранее закрытые польскими властями. Несмотря на репрессивные меры польского правительства в отношении Русской Церкви, на занятых Вермахтом территориях Польши все же осталось 15 000 православных верующих.²⁶⁸ Пришедшая сюда вместе с Вермахтом РПЦЗ принялась восстанавливать на этих землях православную религию. Министерство церковных дел также планировало продвигать распространение влияния епархии немецкой РПЦЗ в других, оккупированных немцами, странах Европы: Бельгии, Франции, Люксембурге и Словакии. Но нацистское правительство строго воспротивилось этому. Высшие нацистские чиновники вовсе не желали, чтобы Германия стала одним из влиятельных центров православного мира.²⁶⁹

С началом войны Германии против СССР Министерство церковных дел Рейха и вовсе было лишено какого-либо контроля за деятельностью Русской Церкви на занятых немецкими военными территориях СССР. Церковными делами на оккупированных территориях Советского Союза ведало командование трех немецких наступающих армейских группировок: «Север», «Центр» и «Юг». Позиция немецкого военного командования в отношении Русской православной церкви могла разниться на разных территориях. Но в целом, высшее командование Вермахта не хотело создавать каких-либо препятствий православным верующим на занятых территориях. «Так, в приложении к указу шефа Верховного командования вермахта (ОКВ) Кейтеля от 19 мая 1941 г. «Образ действия германских воинских частей в Советском Союзе» ничего не говорилось о каких-либо стеснениях и ограничениях церковной жизни: «Большая часть русского населения, особенно обнищавшее от большевистской системы сельское население, внутренне отрицательно относится к большевизму. В небольшевистских русских людях национальное сознание связано с глубоким религиозным чувством. Радость и благодарность за освобождение от большевизма часто будет находить выражение в церковной форме. Не следует препятствовать или мешать благодарственным богослужениям или процессиям».²⁷⁰ Нацисты, нацистское правительство, в лице Министра восточных оккупированных территорий (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete) Альфреда Розенберга также не чинила особых препятствий возрождению церковной жизни в России. Вот, что он писал в своей инструкции для немецкой администрации на оккупированных территориях СССР: «Православная церковь... была сильным средством скрепления Российской империи. Насколько широко уничтожена церковь, можно установить лишь при более близком изучении. Собственно говоря, перед немецким рейхскомиссаром не стоит задача ни оживления вытесненной церковности, ни продолжения осуществления прежней большевистской установки на ее искоренение. Следует предоставить возможность существования конфессиональных объединений, однако без государственной поддержки».²⁷¹

К моменту начала Советско-нацистской войны религиозная жизнь в СССР была практически ликвидирована. «По данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте РФ, только за период 1937—1941 гг. было репрессировано — 175 800 представителей православного духовенства...».²⁷² Более того, сталинский режим

намеревался пойти еще дальше, и к 1942 году вообще ликвидировать религиозную жизнь в Советском Союзе».²⁷³ Начало войны между СССР и Германией было воспринято православным духовенством за рубежом в целом положительно. Архимандрит Свято-Владимирской церкви в Берлине с 1932 по 1945 г. Иоанн Шаховский (Дмитрий Алексеевич Шаховский 1902—1989) написал свое обращение к верующим в связи с началом Советско-нацистской войны. Оно было опубликовано в немецкой газете «Новое слово» в номере от 29 июня 1941 года: «Кровь, начавшая проливаться на русских полях с 22 июня 1941 г., есть кровь, льющаяся вместо крови многих и многих тысяч русских людей, которые будут вскоре выпущены из всех тюрем, застенков и концлагерей Советской России. Одно это уже исполняет сердце радостью. Лучшие русские люди будут скоро отданы России, лучшие пастыри будут отданы Церкви... Промысел избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить свое предназначение. Кровавая операция свержения III Интернационала поручается искусному и опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен, не зазорно... Обессиленные и закрепощенные по лагерям, заводам и колхозам русские люди были бессильны подняться против международной атеистической силы, засевавшей в Кремле. Понадобилась профессионально-военная, испытанная в самых ответственных боях, железоточная рука германской армии... Новая страница в русской истории открылась 22 июня 1941 г. в день празднования русской Церковью память «Всех Святых, в земле Русской просиявших»...».²⁷⁴ Раскол среди русского православного духовенства ярко проявился уже в первые дни войны. Если за рубежом среди священнослужителей раздавались возгласы восторга из-за прихода немецких войск на территорию СССР, то в Москве нашлись защитники сталинского режима. Верный союзник большевистского правительства, митрополит Сергей (Страгородский), 22 июня 1941 года выпустил послание к своему немногочисленному оставшемуся на свободе духовенству и пастве. Оно гласило: «Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю... Вспомним святых вождей русского народа, Александра Невского и Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествия врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу!».²⁷⁵ Большевики опубликовали это послание, в котором митрополит Сергей страстно призывал православных верующих массово умирать ради спасения сталинского режима, лишь 6 июля 1941 г. После того, как к советским гражданам обратился сам Иосиф Сталин.

Немцы озаботились церковным вопросом на оккупированных советских территориях почти сразу же после начала войны с СССР. «... первые указания относительно проведения церковной политики на Востоке последовали от Гитлера в июле 1941 года...».²⁷⁶ Немецкие оккупационные власти изначально не видели в православии какого-то сильного идейного противника для себя на занятых территориях СССР. Они рассматривали возрождение религии здесь как возможность расположить к себе местное население для более тесного сотрудничества с ним. Об этом красноречиво говорит религиозная терпимость немцев на территориях, занятых ими областей. «Всего на территории, занятой германскими войсками за период оккупации было открыто 9 тыс. храмов. Так, например, только на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей было открыто 470 храмов, Курской области – 332 храма, Ростовской области – 243 храма, Краснодарского края – 229 храмов, на

территории Украины в целом было открыто около 5,4 тыс. храмов. Религиозная жизнь в европейской части СССР, занятой немецкой армией, понемногу возрождалась. В ответ на это, благодарные православные священники проводили молебны во вновь открывшихся храмах за здоровье немецких солдат и офицеров.²⁷⁷

Конечно же, массовый разгул православного духовенства на оккупированной территории Советского Союза вскоре начал вызывать некую обеспокоенность у немецкого политического командования. Появились и частые распоряжения от высших чиновников Рейха о необходимости пресекать слишком активное возрождение традиционной религиозной жизни на занятых Вермахтом территориях. Однако процесс религиозного возрождения уже было сложно остановить и повернуть вспять. Немцы небезосновательно боялись, что церковь, на освобожденных от большевиков территориях, в условиях политической свободы может занять место местного политического руководства. Вот строки из полицейского указа руководства СС в Киеве: «... Также заботиться о том, чтобы клир ни в коем случае не был подготовлен в качестве политического руководящего слоя. Поэтому, прежде всего, пресекать создание семинаров священников, высших теологических школ и т.п.».²⁷⁸ Однако стоит отметить, что свободной деятельности православного духовенства на оккупированных территориях способствовали разногласия немецкой власти на местах и высшего руководства Рейха относительно церковного вопроса.²⁷⁹

Стоит отдельно сказать об отношении православного духовенства в годы войны к Холокосту. Среди переписки священников РПЦЗ с немецкими чиновниками в те годы, конечно, можно найти явно антисемитские высказывания. К примеру, статьи протоиерея Сергея Николаевича Булгакова (1871—1944).²⁸⁰ В целом, православная церковь, сотрудничавшая с немецкими военными, не разделяла расистских и антисемитских взглядов нацистского руководства. Но, тем не менее, русскому духовенству время от времени приходилось выражать свою преданность немецким начальникам своими антисемитскими речами, появлявшимися в пронемецких газетах на оккупированных территориях: «Экзарх Митрополит Сергей... в своей статье в коллаборационистской газете «За родину» от 10 октября 1942 г. <...> писал: «Уходя на север и восток, Красная Армия оставила за собой разрушенные храмы. Так было, например, в 1941 г. на всем пути бегства к Волхову, Ильмену, Ленинграду. Большевицкие агенты, обыкновенно евреи, налетали на деревни и небольшие городки со специальным заданием сжечь уцелевшие церкви. На это имеются неопровержимые доказательства, которые в случае надобности могут быть представлены».²⁸¹ Молились в русских церквях на оккупированных территориях также и за здоровье Адольфа Гитлера, и за победу немецкого оружия.²⁸²

Но бывали и обратные примеры. Например в Вишистской Франции (сотрудничавшей с немцами) священнослужители Русской Церкви помогали французским евреям избежать ареста немецкими властями и последующей отправки в концентрационные лагеря.²⁸³

Отдельно стоит выделить деятельность Псковской православной миссии в военные годы. Деятельность Псковской духовной миссии неразрывно связана с митрополитом Сергием (Дмитрием Николаевичем Воскресенским 1897—1944). В молодости будущий митрополит обучался в Московской духовной академии, в которой его обучение закончилось в 1920 году. В 1925 году Дмитрий Николаевич принял монашеский подстриг. В первые годы советской власти часто подвергался арестам и судам.²⁸⁴ В 1933 году Сергей был посвящен в духовенство (хиротонисан) в Храме Воскресения Христова в Сокольниках (Москва). До 1941 года митрополит Сергей являлся одним из ближайших помощников московского Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В марте 1941 года, Сергей был назначен церковным руководством митрополитом Виленским и Литовским, а также одновременно экзархом (представителем церкви в зарубежье) Латвии и Эстонии. Именно в Латвии, в Риге, его и застало начало войны Германии против СССР. Митрополит

Сергий не пожелал эвакуироваться из города вместе с советским чиновничеством во время приближения немецкой армии. Историки сообщают нам, что он спрятался от приставленных к нему чекистов в подвале своего храма, дождавшись там прихода немецкой армии.²⁸⁵ Митрополит Сергий сразу же выразил свою полную преданность немецким властям и, при их поддержке, возглавил Русскую Православную Церковь в Прибалтике и на Северо-западе, формально оставшись под юрисдикцией Московской патриархии.²⁸⁶ Среди православного духовенства в Прибалтике ходили активные слухи о том, что митрополит Сергий является советскими агентом, и что он нарочно остался на оккупированной территории, выполняя тем самым задание советских спецслужб. Однако эти сведения могли распространяться искренними недоброжелателями прибалтийского патриарха, завидовавшим его должности, которую он занял благодаря доброжелательности руководства Вермахта. 1 июля 1941 года Сергий был арестован немецкой контрразведкой, сотрудники которой тщательно изучили его биографию, не найдя в ней никаких доказательств сотрудничества митрополита с коммунистами.

Митрополит Сергей (Воскресенский)

Именно стараниями митрополита Сергея (Воскресенского) была возрождена церковная жизнь в Ленинградской, Новгородской, Псковской и Смоленской областях. Он давал наставления священнослужителям-миссионерам, призывая их рассказывать советским людям о смысле православной религии, а также о том, что их жизнь при немецкой администрации будет гораздо лучше, чем при большевиках.²⁸⁷ К 1944 году Псковская миссия смогла открыть более 400 православных приходов, в которых служило до 200 священников.²⁸⁸ В обмен на такую лояльность к православной церкви немцы требовали, чтобы она активно участвовала в идеологической обработке населения занятых ими территорий. Для молебна в православных храмах была даже разработана специальная молитва, опубликованная в агитационных листовках. Она должна была заменить собой традиционный «Отче наш»:

*«Адольф Гитлер, ты наш вождь. Имя твое наводит трепет на врагов. Да придет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле...».*²⁸⁹

Но помимо религиозного возрождения на освобожденных от советской власти территориях, русское православное духовенство занималось также и своей прямой обязанностью – помощью своей пастве. Русские священники старались оказать помощь советским военнопленным и простым гражданам, которые отправлялись на работу в Германию (остарбайтеры). Хотя попытки духовенства наладить прочную религиозную деятельность среди военнопленных и встречали резкий отпор со стороны нацистского руководства, кое-какая работа священников с советскими гражданами, взятыми немецкой армией в плен, все же проводилась. Освобожденные от советской пропаганды люди охотно воспринимали христианскую религию в качестве новой системы моральных и этических ценностей. «Многие офицеры [пленные. прим. автора.] просили священника приходить в бараки с религиозными беседами, заявляя: «Мы были всегда верующей армией Христа и Христа не забыли...».²⁹⁰

Но здесь не стоит преувеличивать роль церкви как защитника советских военнопленных. Православные священники, которые, минуя препоны со стороны нацистского руководства, проникали в лагеря военнопленных для миссионерской деятельности, в основном могли помочь несчастным, голодным людям исключительно ободряющей беседой, всеобщей молитвой, либо краткой проповедью. «В начале 1942 г. состоялись и лагерные богослужения возглавившего вскоре миссионерский епархиальный комитет архимандрита Иоанна (Шаховского)... В дальнейшем, стараясь спасти заключенных архимандрит Иоанн написал главе Внешней службы (Aussenamt) Германской Евангелической Церкви епископу Хеккелю, так как его учреждение отчасти занималось попечением военнопленных. «Когда дошли до меня достоверные известия (от свидетелей-переводчиков) о методичном плавном истреблении голодом и газовыми камерами русских людей в германских лагерях военнопленных, я обратился к епископу Хеккелю и его сотрудникам, прося их предпринять все, что возможно, чтобы довести до сведения властей о жестокой ошибочности подобных действий, не только античеловечных, но и могущих нанести огромный вред самому германскому народу... Aussenamt оказался бессильным что-либо изменить в этом отношении».²⁹¹ Православная церковь России оказалась зажатой между двумя страшными тоталитарными режимами. Нацисты не позволяли православным священникам полностью развернуть свою деятельность ради помощи умирающим в концлагерях людям, а

большевики вскоре и вовсе принялись за физическое уничтожение священнослужителей, которые из-за определенных обстоятельств оказались на стороне оккупационных войск. Так, например, 28 апреля 1944 года советской диверсионной группой, состоящей из опытных чекистов, был жестоко убит митрополит Сергей (Воскресенский).²⁹²

Православной церкви в ее миссионерской деятельности помогали и простые немцы, зачастую рискуя своей жизнью и здоровьем.²⁹³ Церковнослужители РПЦЗ оказывали духовную помощь и так называемым «остарбайтерам» (жителям оккупированных Германией Польши и СССР, которые, по разным причинам, отправлялись во время войны на работу в Третий Рейх). Изначально, с 1941 по 1944 гг. нацистское руководство опасалось допускать этих людей до церковной службы в православных храмах в Германии. Но с осложнением ситуации на Восточном фронте немцы постепенно начали устранять все запреты для остарбайтеров, позволив этим людям влиться в религиозную жизнь православной церкви. Для многих «остов» церковь была не просто местом для совершения религиозных ритуалов, но еще и надежным узлом связи друг с другом, через нее остарбайтеры поддерживали своих соплеменников и оказывали представителям своего сообщества всевозможную поддержку. «Церкви стали единственным центром братской помощи...».²⁹⁴ Нацистское правительство опасалось слишком тесного общения между «остарбайтерами» и их сближения с православной церковью. Но ничего поделать со всевозрастающей религиозностью этих людей, вывезенных на работу в Рейх, оно уже поделать не могло. Нацисты нуждались в дешевой рабочей силе, поэтому старались избежать излишней конфронтации с «остами».²⁹⁵

Немецкие власти в годы Второй мировой войны хотели сделать из Русской церкви своего верного союзника, не давая ей при этом никакой свободы в действиях. И все-таки, церковная организация оказалась более сплоченной и жизнеспособной, чем предполагали государственные руководители Рейха. Поэтому именно им, в конце концов, пришлось пойти на определенные уступки перед православной церковью.

Было ли церковное возрождение в СССР?

Советское правительство не прекращало гонений на Русскую православную церковь и во время Советско-нацистской войны. Но вскоре большевики пришли к выводу, что церковь вполне можно использовать в своих политических и идеологических целях. Этому их научил успешный опыт нацистов на оккупированных территориях. Именно поэтому, 4 сентября 1943 года, в Москве состоялась встреча диктатора Сталина с высшим руководством московской патриархии.

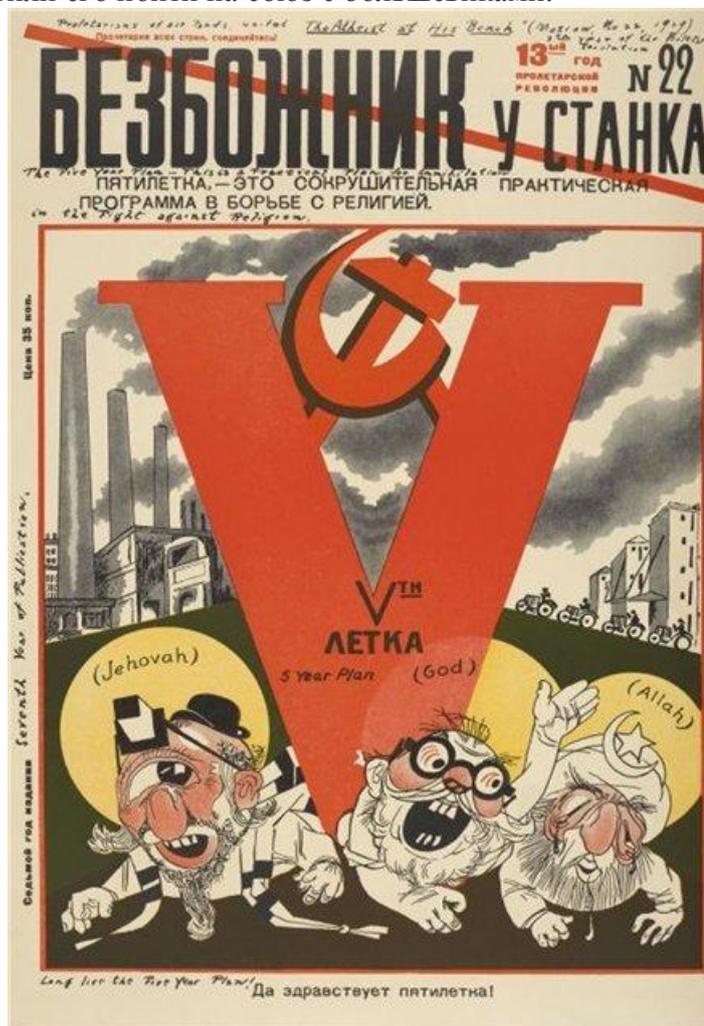
Немецкий агитационный плакат, призывающий граждан оккупированной Польши отправляться на работу в Германию. Лозунг гласит: «Отправляйтесь на сельскохозяйственные работы в Германию».

«Ее сделал видный чекист, впоследствии возглавивший Совет по делам Русской Православной Церкви, Георгий Карпов. Во время беседы с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) Сталин касался самых различных вопросов, в том числе и бытовых: «Гов. Сталин сказал, что церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР, и что, как он говорил об организации духовных учебных заведений, не возражая против открытия семинарий в епархиях, так не может быть препятствия и к открытию при епархиальных управлениях свечных заводов и других производств... Затем т. Сталин, обращаясь к трем митрополитам, сказал: «Если нужно сейчас или нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру... Вот мне доложил товарищ Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды и что вы хотели бы получить от Правительства?... Через несколько минут представленный т. Сталину т. Поскребышевым план особняка по Чистому переулку, дом 5, с его подворными постройками и садом был показан для ознакомления митрополитам, причем было условлено, что на другой день, 5 сентября, т. Карпов предоставит возможность митрополитам лично осмотреть указанное выше помещение...».²⁹⁶

Касательно дома №5 в Чистом переулке в Москве, то это здание стало официальной резиденцией московского патриарха после того, как из него выехало посольство нацистской Германии. Факт, о котором, возможно, будет полезно упомянуть.

На основании вышеназванной встречи, церковь под руководством митрополита Сергия получила некоторые поблажки от советских властей. «С момента этой беседы высший епископат Русской Православной Церкви был причислен к партийной номенклатуре и всем ее льготам. Что такое продукты по «государственным ценам» в период войны и голода? Это означало, что отныне продукты питания для архиереев будут предоставляться из специальных кремлевских хозяйств. К числу номенклатурных льгот следует отнести: спецавтомобили, специальное медицинское обслуживание, спецсанатории, зарубежные поездки». ²⁹⁷ За все эти льготы московский патриархат должен был сполна отплатить большевистским «благодетелям». «... многие православные епископы в СССР принимали предложения спецслужб и сотрудничали с ними. Они регулярно снабжали КГБ необходимой информацией, получали клички и задания. Сегодня лишь единственный епископ – митрополит Литовский и Вильнюсский Хризостом – публично покаялся в том, что сотрудничал с КГБ». ²⁹⁸

Мы не знаем, что двигало митрополитом Сергием (Страгородским), когда он заключал конкордат с преступным советским режимом. Какие интересы, личные, церковные или общественные – заставили его пойти на союз с большевиками.

Советские власти глумились и уничтожали не только православную религию, но и другие религии тоже. Обложка антирелигиозного журнала «Безбожник у станка» за 1930 год.

Однако этот союз церкви с большевиками осуждался не только многими священнослужителями за рубежом, но и внутри СССР, а также простыми верующими людьми. Этот союз нанес большой и почти неисправимый ущерб всей Русской православной церкви. Ущерб этот сохранился и по сей день. «Все это привело к тому, что высшая иерархия

Русской Православной Церкви вошла в состав новой партийной знати, но уже откровенно богоборческого государства. Даже Хрущевские гонения 1959 года, которые значительно поколебали многих российских христиан в правильности избранной митрополитом Сергием политики, не изменили благосостояния высшего епископата. Так постепенно возникал тот трагический разрыв между рядовыми верующими и высшим церковным управлением, который сохраняется и доныне».²⁹⁹

Православное духовенство в годы войны между Германией и СССР оказалось по разные стороны фронта, сотрудничало с обоими тоталитарными режимами (советским и нацистским). Но сотрудничество это имело совершенно разные формы. Священники, оказавшиеся на стороне немецких нацистов, в большинстве своем старались использовать установившуюся на оккупированных территориях относительную свободу для религиозной деятельности ради возрождения церковной организации и помощи гражданам СССР, попавшим в немецкий плен. Странники большевиков из числа священнослужителей, наоборот, были больше подвержены политике и уделяли много сил и времени ради идеологической поддержки сталинского режима. Нельзя упрекать священников, которые предпочли сотрудничать с нацистами или коммунистами. У многих из них в те страшные годы, возможно, не было иного выхода. Кто-то опасался за свою жизнь, кто-то из них старался искренне помочь страдающим от войны, голода и разрушений людям, а кто-то преследовал свои личные цели или же являлся откровенным поклонником гитлеризма и сталинизма, стараясь поддержать через свою паству один из этих монструозных режимов.

От имени русской православной церкви:
Господи, ниспошли Адольфу Гитлеру силу для окончательной победы!

Германия дарит 1026 православных духовных книг русскому эскархату

В предисловии к большому, который разрушил церковь, организовывал массовые расстрелы и даже убийства духовенства, прислаловал верующих. — национал-социалистическая Германия не только разрешит любую церковную деятельность, но и поддержит ее всеми возможными мерами. Православных церквей в оккупированных областях возобновляла свою деятельность под эгидой германских вооруженных сил. Это — высшее доказательство того, что Германия великолепно понимает и ценит особенности других народов, их культуру. На днях состоялось торжественное вручение 1026 Библий, Евангелий и других рукописей для церковных нужд главе Русской православной Церкви, митрополиту распорядителем Сербия. Германия доказала тем,

что она понимает и ценит национальные особенности русского народа. Достовернее то, что штаб Розенберга, воюющий в самом разгаре войны непосредственно от Адольфа Гитлера получил — исти духовную борьбу против основ большевистского мировоззрения, теперь смог прочесть вслух 1026 священным книг.

Одновременно с призывом об уничтожении культуры Сталина, Адольф Гитлер издал приказ о прекращении всякой деятельности культурных ценностей. В Советской России Библии были частью уничтожены, часть — вывезены с коммунистическими властями в антирелигиозный музей. Немцы брали на себя эти духовные решения, забывая что-либо из от чужих и тем, чтобы восстановить

от корреспондента «За Родину» В. МУХИНА.

ная широкая масса могла бы ими воспользоваться. Среди рукописей находились несколько расписанных, отчеканенных серебряном, Евангелия в золотых переплетках 17—18 веков, а также рукописи 16, 17 и 18 веков. Во время торжественного акта передачи военных книг эскархату Сергия, представитель штаба государственного министра Розенберга сказал:

«В предисловии к Библии и Евангелию православной церкви; она — под занавес германские войны; она — снова имеет совершить богослужения, чему большевики препятствовали глубоким насильем. Таким образом, священники книги, осужденные большевиками за проповедь в музеях, снова пробуланы к жизни и смогут спасти человеческие души от зла большевизма».

Мы ведем единую борьбу! Поэтому, разрешите, — в виде этих Библий и евангелий, среди которых больше двадцати очень красивых и ценных книг — вручить вам еще одно духовное оружие борьбы, широкое также и нашей борьбой»

В противоположность большевизму, который разрушал церкви, организовывал массовые ссылки и даже убийства духовенства, преследовал верующих, — национал-социалистическая Германия не только разрешает любую церковную деятельность, но и поддерживает ее всеми возможными мерами. Православная церковь в освобожденных областях возобновила свою деятельность под защитой германских вооруженных сил. Это — ясное доказательство того, что Германия великолепно понимает и ценит особенности других народов, и культуру. На днях состоялась торжественная передача 1026 Библий, Евангелий и других рукописей для церковных нужд глав

Митрополит Сергей (Воскресенский) был одним из самых ярких сторонников войны Германии против СССР из числа русского духовенства.

Сама Русская православная церковь и ее нынешнее руководство, вероятно, терпимо и с пониманием относятся к Псковской православной миссии и всем священникам, служившим под контролем Вермахта в годы войны, потому как никаких официальных заявлений по этому поводу высшее духовенство РПЦ в послевоенные годы не делало.

Глава IV. «Aktion Wlassow». Трагедия генерала Власова и его армии

Генерал Андрей Андреевич Власов по праву являлся самым известным русским коллаборационистом в годы Советско-германской войны. Под его командованием в годы войны с Советским Союзом находилось около 50 тыс. человек.³⁰⁰ Именно он в последние годы Второй мировой войны пытался объединить все разрозненные силы русского антисталинского сопротивления, чтобы продолжать борьбу против большевизма в России. Именно с именем генерала Власова в советской и современной российской общественной мысли ассоциируется русский коллаборационизм. Ведь всех тех граждан СССР, которые в годы Советско-германской войны встали на сторону Вермахта, простые обыватели зачастую именуют «власовцами». Его личность очень трагична и неоднозначна, как и вся его деятельность. Будучи гордостью советской РККА, героем сталинской армии, Власов, вследствие трагических событий, был вынужден отказаться от своей присяги Сталину. Перейдя на сторону своего недавнего врага — немецкой армии — Власов практически сразу стал самым непримиримым антисталинистом. Он призывал русских, которые попали в плен в годы войны, поддерживать Вермахт, вступать в коллаборационистские формирования и до конца бороться против сталинского режима. Судьба армии, которую в самом конце войны возглавил этот генерал, была очень печальной. Сталинисты безжалостно расправились и с самим генералом Власовым и с его верными солдатами.

Как и любая другая значимая историческая личность, ген. Власов до сих пор ненавидим и обожаем многими людьми. Вокруг его личности сформировалось много всевозможных легенд и догадок. Его имя также стало нарицательным для большинства сторонников и противников его деятельности во время Второй мировой войны. «В годы войны его имя стало в Красной Армии синонимом предательства. После войны эмиграция второй волны превозносила Власова до небес как идейного борца со сталинским режимом. В таком

качестве генерала вновь начали представлять в 90-х гг. в новой России. Этот человек – одна из самых спорных фигур Второй Мировой Войны».³⁰¹

Однако за громкими и масштабными событиями Второй мировой войны, с которыми неразрывно связано имя генерала Власова, скрывается истинная личность этого человека, на долю которого выпало много бед и моральных потрясений. Изучить эту личность, понять мотивы, которые заставляли Андрея Андреевича Власова действовать так или иначе, означает понять и причины трагедии, постигшей этого человека и его сподвижников.

Андрей Андреевич Власов появился на свет в 1900 году в Нижегородской губернии.³⁰² Он стал тринадцатым ребенком в своей семье. Родители его были простыми русскими крестьянами, потомками крепостных. Отец будущего генерала, Андрей Владимирович (? – 1943), подрабатывал портным, но денег семье все равно не хватало. Об этом обстоятельстве упоминал сам генерал Власов в своих воспоминаниях.³⁰³ Учился Андрей Власов сначала в сельской школе, затем, на деньги своих родителей и старшего брата Ивана, он был отдан для обучения в духовное училище. Далее юноша поступил в городскую семинарию в Нижнем Новгороде. Власов так и не смог окончить это учебное заведение, и стать духовным лицом, о чем мечтала его семья.³⁰⁴ Причиной тому стала большевистская революция. Из биографии Андрея Власова также известно, что в 1919 году он поступил в Московский сельскохозяйственный институт, однако учиться в этом учебном заведении ему также не удалось. В 1920 году его призывают на службу в РККА. В армии судьба Власова складывалась вполне успешно: «Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя, командующего фронтом».³⁰⁵ Власов активно участвовал в Гражданской войне на стороне большевистских сил. После окончания войны, молодой офицер Андрей Власов остался на постоянной военной службе. Армейская биография Власова насыщена всякого рода поощрениями со стороны властей. Его карьерный рост был стремительным. В 1924 году он был назначен командиром учебной части 26-го стрелкового полка. В 1928 году, после прохождения офицерских курсов в Москве, Власов назначен командиром батальона. В 1930 г. Андрей Андреевич вступает в коммунистическую партию и, одновременно с этим, получает пост преподавателя тактики в Ленинградской школе командного состава. Военное руководство очень ценило Власова. Именно ему оно доверило разведывательно-оперативную работу в Китае. В 1938 году командир дивизии отправляется в Поднебесную для помощи местному правительству в борьбе против японской интервенции. Вернувшись из зарубежной командировки в ноябре 1939 года обратно в Москву, Андрей Власов был назначен командиром 99-й стрелковой дивизии в так называемом Киевском военном округе. За наведение дисциплинарного порядка в этой дивизии Власов был вскоре награжден орденом Ленина. В этот период Андрей Андреевич решил поделиться своими военными познаниями с общественностью. В 1940 году он написал тенденциозную статью: «Новые методы боевой учебы». Данная статья была опубликована в газете «Красная Звезда». В этой работе Власов «... ясно излагал свой практический подход к военным вопросам. Он цитирует Суворова и подчеркивает важность непрерывной подготовки и политических занятий».³⁰⁶ Мнение Власова было интересно профессиональным советским военным, к нему активно прислушивались и всячески хвалили. «... Власова ставили в пример всей Красной Армии, газета опубликовала его портрет. 9 декабря в этой же газете читаем:

«99-я дивизия заняла первое место в Красной армии. Все поздравляют генерала Власова».

Как писал П. Г. Григоренко:

Запомнился 1940 год. Буквально дня не было, чтоб «Красная Звезда» не писала о 99-й дивизии, которой командовал Власов. У него была образцово поставлена стрелковая подготовка. К нему ездили за опытом мастера стрелкового дела. Я разговаривал с этими людьми, и они рассказывали чудеса. Вторично я услышал о Власове в ноябре 1941 года... Снова о нем говорили как о выдающемся военачальнике».³⁰⁷

На момент начала войны Германии против СССР Власов руководил 4-м моторизованным корпусом на Украинском фронте. Советское командование доверило ему оборонять от немецких войск украинский город Львов. Однако Власову так и не удалось удержать наступление Вермахта, и вскоре Андрей Андреевич был вынужден прорываться к своим войскам сквозь плотное неприятельское окружение. Затем, до 19 сентября 1941 года Власов, в качестве командующего 37-й армии, оборонял Киев. После того, как обороняться больше не было возможности, штаб Власова получил приказ отступить из города. Чтобы избежать пленения, командующий и его штаб разделились на несколько групп, чтобы постараться пройти незамеченными мимо немецких войск. Власов встал во главе одной из таких офицерских групп. Пробраться к советским войскам из группы Власова смогли только пять офицеров из тринадцати (включая самого командующего).³⁰⁸ После чудесного спасения, Андрей Андреевич был назначен командующим 20-й армии, которая участвовала в обороне Москвы. Здесь Андрей Власов также проявил незаурядные тактические способности, успешно реализовав контратаку советских войск в направлении Волоколамска.³⁰⁹ После окончания битвы за Москву, Власов попал в список самых узнаваемых и популярных советских офицеров. «6 января 1942 года за умелое руководство 20-й армией и успешно проведенную операцию по освобождению Волоколамска и Солнечногорска Власову было присвоено звание генерал-лейтенанта и вручен орден Ленина».³¹⁰

В номере газеты «Известия» за субботу, 13 декабря 1941 года, были помещены фотопортреты советских офицеров, руководивших обороной Москвы. Там, среди портретов генерала армии Георгия Жукова (1896—1974), Дмитрия Лелюшенко (1901—1987), Константина Рокоссовского (1896—1968) и других офицеров, был помещен портрет генерала Андрея Власова.

В марте 1942 г. последовало очередное назначение Власова в советской армии. Он стал заместителем командующего Волховским фронтом.³¹¹ Положение на этом фронте уже в тот момент, когда генерал Власов стал заместителем командующего, было ужасным. «Ни офицеры, ни солдаты не были достаточно подготовлены; не хватало тяжелой артиллерии, боеприпасов. Большинство бойцов было из степных областей, они впервые оказались в лесах и быстро впадали в панику. Кроме того, постоянно не доставало прикрытия с воздуха».³¹² Вскоре, командующий 2-й ударной армии, действовавшей на Волховском фронте, Николай Клыков (1888—1969) оставил свои войска из-за «болезни» (его, вероятно, заменили из-за провала очередного наступления)³¹³. Командующим 2-й ударной армии вместо него был назначен генерал Власов. Уже 19 марта немецким войскам удалось перерезать линии связи 2-й ударной армии. Армия Власова не получала никаких подкреплений (из-за постоянных интриг в Ставке верховного главнокомандования, то есть, Сталина и его приближенных), но продолжала сражаться с постоянно усиливающимися войсками Вермахта. 1 июня 1942 года немцы окончательно окружили войска генерала Власова, перекрыли все линии снабжения и коммуникации. Его 2-я ударная армия оказалась заключенной в нечеловеческих условиях, солдаты страдали от голода и непрекращающихся артобстрелов. Вскоре, доведенные до отчаянья люди стали часто прибегать к каннибализму, не боясь даже смертной казни за это преступление.³¹⁴ Приказ отступить генерал Власов получил из Ставки только 8 июня. Как и в случае с Киевом, Андрей Андреевич приказал своим подчиненным разбиваться на небольшие группы и самостоятельно выходить из окружения. 29 июня из Волховского котла смогло выбраться не более 9 тысяч красноармейцев, большинство из которых составляли раненые.³¹⁵ Стоит отметить тот факт, что во время прорыва к советским позициям из Волховского котла, генерал Власов отказался от возможности эвакуироваться спецтранспортом, специально посланным за ним. Он стал одним из немногих высших советских офицеров, которые не бросали свой личный состав во время сражений II Мировой войны.³¹⁶ По воспоминаниям людей, оказавшихся вместе с Власовым в немецком окружении, Андрей Андреевич подвергался тем же страшным испытаниям и лишениям, что и его подчиненные.

11 июля 1942 года в группе Власова оставалось всего 4 человека, сам генерал, повар Мария Виноградова (1909—?), красноармеец Котов (?) и шофер Погибко (?). Эти люди уже много дней пробирались через болота, они были измотаны, их мучил многодневный голод. Вечером того же дня генерал принял решение разделить и отправиться на поиски пищи в близлежащие деревни. Котов и Погибко отправились на поиски пропитания в деревню Ям-Тесово, а Власов с Виноградовой – в деревню Туховежи. Однако население этой маленькой деревни состояло из староверов, которые крайне неприязненно относились к советской власти. Именно поэтому этот населенный пункт оказался полностью лояльным к немецкой армии. Ничего не подозревавших генерала Власова и его спутницу привели в дом к местному старосте. Староста не распознал в незнакомом высоком солдате известного советского генерала (на тот момент генерал Власов, конечно же, удалил со своей одежды все опознавательные офицерские эмблемы, одет он был в простую солдатскую форму). Тем не менее, глава деревенского самоуправления принял незнакомцев за советских партизан, и поэтому решил передать их немецким солдатам. Генерала и его спутницу накормили хорошим ужином, чтобы усыпить их бдительность. Затем староста деревни незаметно вызвал к себе в дом отряд самообороны.

Генерал Власов и Мария Воронова были заперты коллаборационистами в бане, а позже переданы немецким офицерам.

В недавней работе целого коллектива российских авторов-историков под названием «Генерал Власов. История предательства» (Издательство РОССПЭН. 2015 г.), которая, кстати, создавалась при финансовой поддержке правительства России, Власова обвиняют в добровольной сдаче в немецкий плен. Это действительно так. Андрей Андреевич не оказал никакого сопротивления при появлении немцев. Но зачем ему нужно было жертвовать своей жизнью? Его бесславная смерть никаким образом не исправила бы положения на фронте, она не вернула бы к жизни десятки тысяч советских граждан-военнослужащих, которые погибли на Волховском фронте из-за бездарных действий не менее бездарного советского верховного командования и, лично, преступника Сталина.

Смерть Власова при попытке сопротивления своим пленителям могла бы привести лишь к рождению очередной слащавой советской легенде о мужественном генерале-смертнике, со всеми вытекающими последствиями. Об этом упоминал биограф генерала Власова, известный российский историк Кирилл Михайлович Александров: «И сегодня безответственные публицисты вместо сочинения небылиц о погибшем генерале дружно курили фимиам герою контрнаступления под Москвой. Утверждения об участии Власова в политических репрессиях и намеки на плач китайских девочек категорически отвергались бы как гнусная клевета. Имена двух женщин – нижегородской крестьянки Анны Власовой и военврача Агнессы Подмазенко [имена официальных жен генерала Власова. прим. мое. Г. А.] – стали бы именами участниц трогательной семейной драмы военных лет. По телевидению прошел бы какой-нибудь бессовестный сериал на тему «любовного треугольника», рухнувшего в новгородских болотах».³¹⁷

За передачу генерала Власова немецким военным все его пленители получили щедрые награды. Староста деревни Туховежи получил от немцев корову, 10 упаковок хорошего табака, несколько бутылок водки и почетную грамоту. Немецкие офицеры, принявшие из рук русских крестьян пленного советского генерала, также были отмечены престижными наградами. «... обер-лейтенант Макс фон Швердтнер был награжден крестом за военные заслуги I класса (Kriegsverdienstkreuz 1 Klasse), зондерфюрер Клаус Пельхау получил внеочередной отпуск...».³¹⁸ Все эти факты о щедрых наградах говорят о том, что немецкие военные высоко ценили генерала Власова и были искренне рады тому, что столь прославленный генерал, оказавшись у них в плену, больше не сможет руководить войсками противника, то есть, подразделениями РККА. Подтверждением тому также служат

Тот самый номер газеты «Известия» с портретом генерала Андрея Власова. Власов – крайний в левом нижнем углу.

Вопреки распространенному мнению, генерал Власов не сообщал неприятелю никаких хоть сколько бы значимых сведений о планах командования РККА и расположении советских войск. Согласно протоколу допроса, Власов рассказал генералу Линдеману лишь общие, совершенно незначительные, данные о состоянии советских войск. Он упомянул о некоем приказе Сталина под номером 130 от 1 мая 1942 года, в котором советский диктатор приказывал изгнать немецкие войска с территории СССР в течение лета 1942 года. Власов также сообщил немцам, что советская армия получает материальную помощь от Англии и США. Он рассказал, что в его бывшей армии были американские телефонные аппараты. Касательно советского военного командования он сообщил следующее:

«... Примерно уже с месяц генерал-полковник ВАСИЛЕВСКИЙ является начальником Генштаба Красной армии.

Маршал ШАПАШНИКОВ по состоянию здоровья ушел в отставку.

Маршал КУЛИК не занимает больше командной должности. Он лишен маршальского звания.

Маршал БУДЕННЫЙ, по неподтвержденным данным, имеет задачу формировать новые войсковые соединения в тылу Красной армии.

ВОРОШИЛОВ – член Верховного Военного Совета в Москве. Командной должности он теперь не занимает».³²¹

Думаю, что благодаря своей хорошей разведке, немцы эти незамысловатые сведения знали и без генерала Власова.

Власов пробыл в штабе 18-й армии до 15 июля. Затем его этапировали в концентрационный лагерь под Кенигсбергом. Мария Воронова была отправлена немцами в трудовой лагерь в селе Малая Выра Ленинградской области. Вскоре ее отпустили на свободу. В период с 1944 по 1945 гг. она снова находилась при Власове, на его вилле под Берлином.

Через несколько дней генерала Власова из Восточной Пруссии переправили в Украину, в офицерский концлагерь (офлаг) в Виннице. К моменту пленения генерала Власова, немцы находились в поисках так называемого «русского де Голля» (генерал Шарль де Голь (1890—1970) руководил французским антинемецким сопротивлением в годы Второй мировой войны, позже он стал президентом Франции). Нацистское правительство хотело использовать какого-нибудь узнаваемого и популярного советского офицера для того, чтобы тот возглавил антисталинское движение сопротивления среди населения Советского Союза. Это движение, согласно планам немецкого правительства, должно было быть создано из советских граждан, в основном из военнопленных. Оно должно было помогать Вермахту в борьбе против войск СССР. И этому движению был просто необходим интересный и ответственный лидер. Однако найти подходящую харизматическую личность среди пленных советских офицеров немцам оказалось очень непросто. «Был прозондирован целый ряд лиц с целью выяснить, не возглавят ли они такое движение, в том числе и Яков Джугашвили, старший сын Сталина, который, несмотря на плохие отношения с отцом, отказался коллабонировать и, по-видимому, умер в лагере для военнопленных.

Возможным лидером, несмотря на тяжелое ранение, в результате которого он потерял ногу, считался также генерал Лукин, командующий 19-ой армией, взятый в плен в Вяземско-Брянских боях в октябре 1941 года. Но хотя Лукина и нельзя назвать советским патриотом, он не доверял немцам и отказался сотрудничать с ними, если только ему не дадут незамедлительно войска и вооружения».³²² Немецким властям вовсе не был нужен вождь национально-освободительного движения на территориях Советского Союза, который, в условиях мировой войны, возглавил бы борьбу советских граждан против тоталитарного сталинского режима. В 1942 году они искали человека, который бы согласился использоваться как мощный информационный и пропагандистский инструмент немецкой военной машины для привлечения на немецкую сторону как можно большего количества советских граждан. Конечно же, с появлением в немецком плену такого прославленного советского военачальника как генерал Власов, немцы не желали упустить возможность завербовать его к себе на службу. Но, учитывая прошлые провалы в переговорах с советскими пленными офицерами, на этот раз немецкие спецслужбы приняли решение действовать более осторожно, и склонять Власова на свою сторону постепенно и как можно более деликатно. Для переговоров с Власовым, который к тому времени получил лагерный номер – 16901, в винницкий лагерь военнопленных прибыл сотрудник Немецкой военной

разведки на Восточном фронте, бывший офицер Русской императорской армии, Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт (1896—1977). Это офицер Вермахта родился в Риге, учился в Реформаторской гимназии в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны Вильфрид Карлович воевал в составе Русской армии. После октябрьского переворота в 1917 году, оказался не согласен с захватом красными радикалами власти в России. В ходе Гражданской войны воевал на стороне антибольшевистских сил. После окончания военной карьеры, между двумя войнами, Штрик-Штрикфельдт работал коммерческим представителем немецких и британских компаний в Риге. После начала Второй мировой войны он оказался сотрудником штаба генерала Рейнхарда Гелена (1902—1979). Вильфрид Карлович прекрасно владел русским языком, а также знал все печальные нюансы из недавней истории России, поэтому именно ему было поручено войти в доверие к Андрею Андреевичу Власову.

Штрик-Штрикфельдт, приступивший к работе с Власовым, высоко отзывался о нем самом, и о его умственных способностях: *«Власов произвел на меня положительное впечатление своей скромностью и в то же время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той трудно определимой чертой характера, в которой чувствовалась скрытая сила его личности. Это впечатление еще усиливалось всей его внешностью: бросающийся в глаза ростом худого широкоплечего мужчины, внимательным взглядом через толстые стекла очков, звучным басом, которым он, не спеша, четко излагал свои мысли. Иногда в его словах проскальзывали нотки легкого юмора»*.³²³ Штрик-Штрикфельдт в своих мемуарах отмечал, что во время первого своего свидания с Андреем Власовым, они не касались политических и военных вопросов. *«Наш разговор о большой нужде, в которой живут простые русские люди по ту и по эту сторону фронта, казалось, сразу сблизил нас»*.³²⁴ Во время последующих встреч Штрик-Штрикфельда и генерала Власова, последний интересовался планами Германии относительно дальнейшей судьбы территорий Советского Союза в случае победы немцев. Немецкий офицер был честен с Власовым. Вильфрид Карлович откровенно заявил пленному генералу, что народам СССР не стоит надеяться на благосклонность нацистского правительства.

«Я сказал ему о том, что вожди национал-социалистов одержимы высокомерием, а потому слепы и не склонны разрабатывать разумную политическую концепцию...

...— Ну, фюрер, к сожалению, все еще окружен пораженными слепотой людьми. Но фельдмаршалы и крупные офицеры здесь, в Генеральном штабе, делают, что могут, в сторону изменения политических целей войны и пересмотра наших отношений к русскому народу».³²⁵

На этом этапе беседы Вильфрид Карлович решил перейти к обсуждению своего главного вопроса к генералу Власову: *«Готовы ли вы сотрудничать с теми, кто хочет бороться против Сталина?»*.³²⁶

Иными словами немецкий офицер предложил Власову откровенно сотрудничать с немецким военным командованием и, при его поддержке, возглавить антисталинское сопротивление у себя на родине. Власов, однако, не сразу согласился с таким предложением. Причиной тому было его советское прошлое. Ведь несмотря на то, что Андрей Андреевич появился на свет задолго до возникновения СССР, свою карьеру, свою жизнь, он построил именно в «стране советов». Вся его прежняя жизнь (до пленения) была тесно связана не только с Советским Союзом, но и с большевистским режимом. За годы верной службы в РККА Андрей Власов успел стать настоящим советским человеком (*Homo Sovieticus*). Он безропотно выполнял все приказы от вышестоящего начальства, пользовался всеми благами, которыми были обеспечены советская номенклатура и высшие военные чины, а также хорошо и подобоострастно отзывался о Сталине.

Советский человек был неотъемлемым детищем советского строя. За первые годы советской власти в России проводилась отрицательная селекция населения. «За годы революции и войны из России эмигрировало около двух миллионов человек, почти лишив страну образованной элиты».³²⁷ Оставшиеся в советской России люди либо погибли под гнетом «красного террора» в годы Гражданской войны, либо старались смириться с большевистским правлением у себя на родине. Все, сколько-нибудь умные и талантливые люди были совершенно лишены возможности управлять государством. В результате реализации большевистских политических установок, к власти на местах, в Советы и партийные структуры, допускались исключительно представители городского пролетариата (потому как именно в этом общественном классе большевики видели самое справедливое и передовое общественное сообщество). И часто случалось так, что на самые ответственные должности в структуре государственного управления назначались люди без образования, или всего с несколькими школьными классами образования. Это чрезвычайно пагубно сказывалось на системе государственного строя СССР. Вчерашние пролетарии, ограниченные интеллектуально и морально, мало заботились о масштабных проблемах, связанных с жизнедеятельностью огромной государственной машины. Они желали только одного – занять теплое место в уютном кабинете, получить хороший оклад и все материальные привилегии, которые им полагались в связи с занимаемой ими должности в бюрократическом аппарате управления. «Работа в партийном аппарате была более привлекательна для коммунистов из числа рабочих, нацеленных на карьеру, чем должности в государственных бюрократических органах – отчасти потому, что рабочие чувствовали себя более уверенно в партийном окружении, а отчасти потому, что недостаток образования имел меньшее значение для местного партийного секретаря, чем, скажем, для начальника отдела в Наркомате финансов».³²⁸ Таким образом, появился новый слой бюрократической элиты, с завышенными, как и у всех городских маргиналов, требованиями, но при этом совершенно неприспособленных к решению масштабных политических и общественных задач – представители элитной прослойки «советских людей». Никто из новых советских бюрократов не мог стать выдающимся политиком, ученым или писателем. Из-за отсутствия какой-либо инициативы, а также из-за скудности своего мышления, все эти пролетарские чиновники могли лишь слепо выполнять волю вышестоящего начальства, беспрекословно заискивая перед ним. Вскоре для таких управителей появилось и подходящее подчиненное население, которое могло беспрекословно переносить все издевательства и преступления со стороны вчерашних униженных пролетариев, внезапно дорвавшихся до власти.

Полномасштабное «строительство» нового человека началось с усилением в СССР личной диктатуры Иосифа Сталина. Причем проводилось это «строительство» самыми бесчеловечными методами. «Более того, по мнению некоторых последующих историков, это

был период «войны со своим народом», которую вел Сталин».³²⁹ Сталинский режим желал полностью подчинить всех граждан «страны советов» своей воле, сделать их полностью подотчетными и лояльными к власти. Для этого он, прежде всего, лишил советских граждан какой-либо возможности выражать свое недовольство существующим режимом. «В конце 1927 г., в ответ на донесения ГПУ об угрозе оппозиционного путча, Сталин предъявил Политбюро набор предложений, которые можно сравнить только с печально известным Законом о подозрительных лицах, принятом в годы Французской революции. Его предложения, принятые, но не опубликованные, состояли в том, чтобы:

лица, распространяющие оппозиционные взгляды, рассматривались как опасные сообщники внешних и внутренних врагов Советского Союза и чтобы такие лица объявлялись «шпионами» по административному указу ГПУ; чтобы ГПУ организовало широко разветвленную сеть агентов с целью выявить враждебные элементы в государственном аппарате вплоть до его высших уровней и в партии, включая ее руководящие органы.

В итоге Сталин заявил «Устранению подлежат все, кто возбудил хоть малейшее подозрение»».³³⁰

По стране прокатилась волна показательных процессов над «изменниками родины», «шпионами» и «вредителями» (Шахтинское дело 1928 г., Дело Промпартии 1930 г., Дело «Союзного бюро» 1931 г. и т.д.). Все эти преследования и громкие судебные разбирательства заставили и без того запуганных и безвольных советских людей поверить в то, что они живут в окружении бесчисленных врагов и диверсантов. Это обстоятельство усиливало доверие Homo Sovieticus к большевистской партии, потому что именно в ней они видели единственного защитника интересов простых рабочих и крестьян. Сталинскому режиму такое абсолютное доверие народа было на руку. Ведь именно происками шпионов, врагов и вредителей, которых на самом деле не было, можно было объяснить все громкие провалы советского правительства во внутренней политике. «С конца 1920-х годов ссылками на внутренние и внешние заговоры регулярно объяснялись такие экономические проблемы, как нехватка продовольствия, а также аварии в промышленности, транспорте и электроэнергетике. Равным образом военная угроза стала неотъемлемой частью и советской ментальности этого периода: постоянно возвращавшийся призрак войны регулярно завладевал вниманием Политбюро и читающей газеты общественности вплоть до реального начала войны в 1941 г.».³³¹

Пропагандой, обманом и вечным запугиванием советская система сумела создать совершенного для себя самого человека. Советские люди не верили и презирали друг друга, готовы были идти «по головам», чтобы заполучить какой-нибудь выгодный и сытый пост в советской государственной системе. Они преклонялись и лепетали перед начальством и диктатором, писали доносы друг на друга, ненавидели окружающий мир и искренне желали смерти всем, кто не был на них похож. О том, что такое «советский человек», прекрасно писала американский исследователь-советолог Шейла Фицпатрик. По мнению этого историка, советский человек был лишен традиционных понятий о человеческом достоинстве, базовых правах человека, морали и т.д., вся его жизнь «... вертелась вокруг бесконечной борьбы за самое необходимое – еду, одежду, крышу над головой».³³²

Армия была отдельной, но также сильно бюрократизированной структурой в Советской России. Формировалась она в самом начале своего существования выходцами из крестьянской среды. К концу Гражданской войны большевистская Красная армия превратилась в гигантскую структуру, в которой насчитывалось до 5 млн. человек. При ее формировании в 1918 году Народный комиссариат по военным делам столкнулся с большими проблемами. У большевиков попросту не хватало квалифицированных офицеров для командования солдатской массой. Советское правительство нашло выход из этой ситуации, пригласив на командные должности офицеров Русской императорской армии. «К концу Гражданской войны в Красной армии служило более 50 тыс. бывших царских офицеров, в большинстве своем мобилизованных; выходцами именно из этой группы стало подавляющее большинство старших красноармейских военачальников».³³³ К русским офицерам из старой, царской, армии, советское правительство относилось с недоверием. Поэтому к ним большевики приставляли политкомиссаров, которые должны были тщательно следить за действиями своих «подопечных».

Судьба многих таких офицеров в РККА сложилась печально. Во второй половине 1930-х годов советское правительство решило окончательно зачистить свою армию от всех, кто мог быть опасен для сталинского режима. «Полномасштабные репрессии в армии начались после разоблачения в мае 1937 года «антисоветской троцкистской военной организации» маршала М. Н. Тухачевского. В 1937-1939 годах из рядов РККА были уволены по политическим мотивам и репрессированы 19 106 лиц командного состава (без ВВС)».³³⁴ Те советские офицеры, которых сталинские «чистки» не коснулись, стали верными слугами режима. Они были совершенно аполитичными, но при этом при каждом удобном случае старались выразить свою лояльность и советскому строю, и лично Сталину. Андрей Власов также не был исключением.

Становление Власова как образцового советского военачальника началось весной 1920 года, когда его призвали в Красную армию. Судя по его настоящей биографии, неиспорченную советскими штампами о «предательстве» и «моральном вырождении», Власов служил в большевистской армии с усердием и максимальной самоотдачей. «22 февраля 1923 года Андрей Власов, помощник командира роты 5-го Петроградского стрелкового полка... 9-й стрелковой дивизии, *«за отличное обучение в строевом деле»* заслужил от шефа полка свой первый ценный подарок – серебряные часы. В начале 1920-х годов младших командиров награждали редко, наград было мало и престижные командирские часы свидетельствовали о многом. 27 сентября командир полка Александр Ивлиев объявил Власову глубокую благодарность *«за сердечное отношение к делу, за все понесенные труды по возрождению полка»*. 1 февраля 1925 года Власов, служивший командиром пятой роты, получил вторую благодарность от нового командира части Василия Иванова *«за особые труды и энергию, проявленные в деле поднятия боеспособности полка»*».³³⁵

К. М. Александров, описывая служебную биографию Андрея Андреевича, упоминал о том, что в 1930-х годах численность РККА была еще очень небольшой (540 тыс. человек),³³⁶ поэтому Власову стоило больших усилий добиться признания, уважения и руководящих должностей в этой армии. Некоторые советские и современные российские

пропагандисты вменяли Андрею Власову участие в сталинских карательных «чистках» в 30-х годах. Однако слухи об этом сильно преувеличены и, часто, просто неправдивы. В 30-х годах РККА переживала небывалое падение дисциплины. Во многих воинских частях и формированиях царили пьянство, преступления, неповиновения начальству и даже самоубийства. Советское командование пыталось бороться с этими нарушениями, применяя, в том числе и самые жесткие репрессивные меры. Власов был втянут в борьбу против армейских преступлений как высокопоставленный офицер. Однако нет никаких явных и неопровержимых доказательств, что он устраивал массовые расстрелы военнослужащих. Это доказал и историк Кирилл Александров: «Майор Власов как хороший строевой командир вот именно с таким «бардаком» и боролся в своем 215-м (133-м) стрелковом полку. А не занимался кровавым истреблением «бронштейнов», троцкистов и других «врагов народа», существующих в воображении Виктора Филатова. Командир дивизии Федор Толбухин, бывший штабс-капитан, способного командира полка похвалил, вскоре сделав его своим заместителем. Однако в то время все официальные аттестации писались на новоязе. Поэтому достижения Власова по строевой части, по восстановлению элементарных порядка и дисциплины среди подчиненных комдив и военком традиционно называли «ликвидацией вредительства». Никакого другого смысла в этих словах не было, и искать его не нужно».³³⁷

В конце концов, из офицера Андрея Власова сталинская система воспитала настоящего советского военного. Высшее военное командование СССР видело в офицере Власове преданного советским идеалам, простого и открытого человека. В качестве доказательства своего расположения, советское правительство даже отправило Андрея Власова в небольшую зарубежную командировку в Китай. Сам генерал впоследствии также выражал свою преданность сталинскому режиму. Это отчетливо прослеживается в его письмах военных лет, которые он отправлял своим любимым женщинам: Анне Михайловне Власовой (1906—?) и Агнессе Павловне Подмазенко (1917—1997). Вот, что он, например, писал одной из них о своей встрече с Иосифом Сталиным зимой 1942 года, (Пунктуация и орфография сохранены): *«Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе он беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь какое мне выпало счастье. Ты не поверишь такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведет нас всех от победы к победе. С ним мы разобьем фашистскую гадину»*.³³⁸ Столь же шаблонные для советского человека фразы и мысли прослеживаются и в других строчках писем Власова к своим женщинам: *«фашистские гады», «фашистская нечисть», «бить фашистскую гадину!»*. В этом нет ничего странного, ведь Власов знал, что все письма с фронта, даже офицерские, вскрываются НКВДшниками и тщательно проверяются. Именно поэтому, каждое его письмо, пускай даже к самому близкому человеку, пестрело такими вот словосочетаниями. У советского человека не было даже элементарного права на тайну частной переписки.

Во время командования 2-й ударной армией, Власов возлагал большие надежды на советский строй. Он искренне рассчитывал, что после скорой победы над Германией, его жизнь будет спокойной и размеренной, что он получит от своего государства бесчисленное количество материальных благ и всеобщей почет. О большем, даже высокопоставленный, советский человек не мог и мечтать. Эти свои желанья Андрей Андреевич раскрывал в своих письмах к любимым женщинам: *«Самый большой человек в мире [И. Сталин. прим. автора] еще раз говорил со мной в присутствии его ближайших учеников. Какая радость, и представь из его уст я слышал похвалу о самом себе. Теперь я не знаю как оправдать, то доверие, какое он мне оказывает. Буду работать еще лучше, еще напряженнее. Дорогой и*

милый Аник! [Анна Михайловна Власова, жена ген. Власова. прим. автора] *Я здоров и бодр. Дела идут и на новом месте успешно, стараюсь организовать так дело, чтобы бить фашистскую сволочь еще лучше и сильнее. Милый Аник! Надеюсь, что скоро разобьем эту гадину, не без покойся и заживем еще лучше еще радостнее».*³³⁹

На фронте Власов пользовался теми же материальными благами, что и остальные высшие офицеры. Он получал хорошую одежду, хорошую еду, хорошее медицинское обслуживание. На новый, 1942-й, год советское правительство выделило ему щедрую посылку, в которой были шоколад, вино, коньяк, хороший табак, шерстяное белье и другие, ценные для любого военнослужащего, вещи. Все это выглядело не очень красиво, в то время, когда миллионы советских солдат получали для пропитания лишь скудный паек. Но вины Андрея Власова в этом нет. Он всего лишь делал то, что и другие советские офицеры. «Поэтому не стоит лукавить и выделять командарма 2-й ударной за потребление сметаны из общего ряда армейского начальства. Он был лишь одним из многих советских генералов, и далеко не худшим. Например вот в каких условиях в мае 1943 года командовал 43-й армией Калининского фронта генерал-лейтенант Константин Голубев. Об этом оставил красноречивую запись в свое дневнике командующий фронтом генерал-

Генерал Андрей Власов (крайний слева) встречает новый, 1942-й, год в кругу советских офицеров. Ничто тогда не предвещало беды для его счастливой советской жизни.

полковник Андрей Еременко: *«Что я обнаружил в 43-й армии? Командующий армией генерал-лейтенант Голубев вместо заботы о войсках занялся обеспечением советской персоны. Он держал для личного довольствия одну, а иногда и две коровы (для производства свежего молока и масла), три-пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал».*³⁴⁰

И вот внезапно, в июле 1942 года, весь этот радужный мир простого советского обывателя, пускай даже генерала, пускай даже на фронте, рухнул всего за несколько недель. Власов потерял всю свою армию, попал в плен к врагу, которого он еще совсем недавно высмеивал в своих письмах, и оказался за крепким забором концентрационного лагеря для военнопленных.

Весь прежний порядок вещей, к которому привык Андрей Власов, был разрушен. Теперь, вместо престижного генерала, он стал всего лишь узником концентрационного лагеря под номером 16901. Он не знал, как советское командование, и лично Сталин, восприняли поражение его армии на Волховском фронте. Прекрасно осознавая всю изворотливость и лицемерие большевистского режима (он сам долгие годы был его частью), Власов мог ожидать, что советское командование обвинит именно его в поражении и гибели 2-й ударной армии. Это означало неминуемую гибель для него и нескончаемые репрессии для его близких. Он помнил, о меморандуме советского правительства относительно советских военных, добровольно сдавшихся в плен: «Красноармейцам внушалась мысль о предпочтительности героического самоубийства перед унижительным пленом («Большевики в плен не сдаются – это священный закон наших доблестных воинов», «Воин Красной Армии даст скорее вырвать сердце, лучше погибнет смертью храбрых, чем сдастся в плен и изменит этим своей Родине»). Независимо от ситуации народ в самом факте пленения должен был видеть «нарушение воинского долга, проявление трусости и малодушия». Шла многолетняя кампания по тотальной идеологической обработке с элементами устрашения определенной профессиональной группы».³⁴¹ К тому же Власову могло грозить наказание по статье 193 УК РСФСР (добровольная сдача в плен). Высшим наказанием по этой статье являлся расстрел. Вот почему он с интересом воспринял предложение Вильфрида Штрик-Штрикфельдта о сотрудничестве с Вермахтом против сталинского режима. У Власова в такой ситуации оставалась надежда на крах той системы, которой он так долго служил, и которая теперь угрожала ему. Немалая заслуга в изменении мировоззрения генерала Власова принадлежит и Вильфриду Штрик-Штрикфельдту. Этот немецкий военный не просто склонял Власова к сотрудничеству с немецкой армией, но и действительно верил в создание нового, не сталинского правительства в России.³⁴²

Власов согласился с предложениями своего нового немецкого друга. Как отмечал Штрик-Штрикфельдт в своих воспоминаниях, после некоторого времени проведенного в лагере для военнопленных, Власов понял, что здесь можно не скрывать своих искренних чувств к своему собственному правительству: «Потом он сказал, что в Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже ответственные работники, настроены хотя и не против советской системы, но против Сталина. Террор подавляет в России всякую попытку к созданию организованного движения. Здесь, в плену, он имел возможность говорить со многими старшими офицерами, только некоторые держатся выжидательно, большая же часть считает, что патриотический долг русских – начать борьбу против Сталина».³⁴³ Вначале сотрудничество Власова с немецкой армией носило лишь пропагандистский характер. Командование Вермахта предложило ему подписать листовку-воззвание к солдатам Красной армии, призванную увеличить количество перебежчиков и дезертиров среди них. Андрей Андреевич отказался подписывать данный документ. На это у него были свои, профессиональные, причины, ведь: «... он не может призывать других солдат не выполнять своего долга». Немцам пришлось оперативно переделать листовку и предложить генералу новый ее вариант, в котором не было

упоминаний о дезертирстве. Этот вариант агитки генерал подписал. Листовки с автографами генерала Власова были распечатаны 10 сентября 1942 года, и распространялись на линии фронта с помощью самолетов. Вскоре немецкое командование решило перевести своего советского генерала из винницкого лагеря в Берлин. Там, из пленных советских офицеров, был сформирован своеобразный штаб, сотрудники которого являлись советниками командования сухопутных войск Вермахта.³⁴⁴ Данный штаб располагался на Викториаштрассе, 10 (Victoriastraße, 10). Здесь Власов встретился со своими соотечественниками, которые уже давно работали совместно с немецкими военными: Мелетием Александровичем Зыковым (1898—1944) и Георгием Николаевичем Жиленковым (1910—1946). Всего в берлинском штабе русских помощников Вермахта работало до восьми человек. Не стоит, однако, полагать, что за свою службу они получали какие-то особые блага или подачки от немецких властей. Их уровень жизни в Берлине изначально был крайне низок. Можно сказать, что они работали за идею. «Решетки на окнах, убогие деревянные топчаны,³⁴⁵ на них мешки с соломой. Запрет выхода в город. Вечерами запирались и двери комнат».

Группа немецких офицеров, в которой состоял и Штрик-Штрикфельдт, пытались добиться от своего верховного командования улучшения условий проживания Власова и его людей, а также начала создания полноценного русского освободительного движения. Благо условия для этого были подходящие. В подобном движении можно было бы объединить все русские военные формирования, состоявшие на тот момент на службе у Вермахта. К 1942 году таких соединений было уже достаточно много: «В декабре 1942 года в войсках группы армий «Центр» на разных должностях, в том числе строевых, служили 30 364 гражданина СССР (доля в личном составе 1,5—2%). В 6-й армии (группа армий «Б»), окруженной в Сталинграде, их число оценивалось в диапазоне от 51 780 до 77 193 человек (25—30%). В июне 1943 года накануне операции «Цитадель» на Курской дуге II танковый корпус СС насчитывал 72 960 военнослужащих, из них 4164 советских гражданина...».³⁴⁶ Чтобы объединить многочисленные русские воинские формирования, служивших Вермахту, под одной идеей, Власов и его соратники приняли решение составить собственный меморандум. Такой документ был создан в конце 1942 г. и назывался он «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза». Он был подписан в Берлине, но в заглавии местом написания, по этическим соображениям, значился город Смоленск. Именно поэтому этот власовский манифест получил позже наименование «Смоленское воззвание». В данном документе Власов обвинял сталинский режим в гибели миллионов советских граждан, развязывании агрессивной войны и в неспособности руководить обороной страны. В нем Власов не только обвинял Сталина и его режим во всех бедах народов СССР, но и предлагал конкретные решения для улучшения ситуации. Его предложение состояло из 13 пунктов:

«1. Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние;

2. Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам;

3. Восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативы, участвовать в хозяйственной жизни страны;

4. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа;

5. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от великой эксплуатации;

6. Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость;

7. Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища;

8. Гарантия национальной свободы;

9. Освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на Родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма;

10. Восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства;

11. Восстановление принадлежащих государству разрушенных в ходе войны фабрик и заводов;

12. Отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами;

13. Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям!».³⁴⁷

В целом подобный документ не был лишен здравого смысла и, с некоторыми оговорками, мог использоваться как успешный политический проект. Командование Вермахта и

правительство в Берлине приняли решение распространять данное воззвание на незанятой немецкими войсками восточно-европейской территории СССР. Это было большим просчетом, потому как все лозунги из этой декларации не возымели бы должного успеха среди советских людей, живущих при сталинском режиме, и не знающих, что такое «социальная справедливость», «свобода», «неприкосновенность личности» и т.д. Власов это прекрасно понимал. Понимали это и немецкие офицеры, сочувствовавшие начинаниям Андрея Андреевича и всем русским людям. Поэтому они подстроили дело таким образом, чтобы значительная часть листовок со «Смоленским воззванием» была сброшена на русской территории, контролируемой немцами.³⁴⁸ Немцы не ошиблись, воззвание Власова возымело большой успех среди населения оккупированных территорий. *«В Смоленске текст послания был перепечатан одной из местных типографий и тоже распространен. В других местах население размножило текст от руки».*³⁴⁹ Люди, население СССР, уставшие от бесконечного террора со стороны сталинского режима и тяжелых последствий немецкой оккупации с интересом восприняли этот многообещающий документ. Они увидели во власовском манифесте обещание скорой спокойной, обеспеченной и свободной жизни. Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт справедливо писал по этому поводу: *«Но самым важным было то, что миллионы русских людей обрели новую надежду».*³⁵⁰

Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт. Фото из книги Свена Стеенберга «Андрей Андреевич Власов».

Казалось, что перед штабом Власова открылась реальная возможность начать создание Русского национального освободительного движения. Однако дальнейшие крепкие шаги по

этому пути Власову и его команде запретила громоздкая нацистская политическая машина. Нацистское правительство запретило распространять власовское воззвание на контролируемых немцами территориях СССР. Сообщение об опубликовании такого приказа дошло и до Андрея Власова. На него такое известие произвело деморализующий эффект. Он начал подумывать о прекращении своего сотрудничества с немецкой армией. Однако усилиями своего друга Штрик-Штрикфильдта он согласился продолжить пропагандистскую деятельность. Дальнейшим шагом команды Власова была организация поездок генерала по оккупированным территориям и общение с местным населением. Немцы, участвовавшие в этом проекте, хотели продемонстрировать русским, живущим на этих территориях, что прославленный генерал-освободитель, так много обещавший им в своем воззвании, все же существует, и что он полностью свободен в своих действиях. Не является рупором немецкой пропаганды. Для самих организаторов этой поездки, немецких офицеров, успех пропагандистского «турне» Власова также был весьма полезен. С его помощью эти офицеры могли бы продемонстрировать нацистскому правительству, что Власов является существенной силой, и что самого генерала и его будущую армию необходимо использовать как полноценного военного союзника.

Во многом успех поездки генерала Власова по немецкому тылу зависел именно от него самого. «Поездка также продемонстрировала бы личные качества Власова: его дар стяжать популярность в самых тяжелых слоях населения, его прямоту и честность в общении с ними, а также и известное политическое прямодушие».³⁵¹ Власов справился с поставленной задачей блестяще. Об этом сообщали как немецкие, так и советские источники. Из донесения разведотдела 16-й армии Вермахта командованию группы армий «Центр»: *«Генерал Власов прибыл 5 мая 1943 г. в 9.45 в сопровождении ротмистра фон Беллигхаузена и русского капитана Антонова на аэродром Сольцы, где его приветствовал командир 710-го [полка] восточных войск особого назначения полковник Хеннинг.*

Генерал Власов сначала посетил поблизости от Сольц учебные курсы русских командиров взводов для восточных воинских формирований... Власов произнес перед слушателями обоих курсов речь, которая длилась около часа... Речь была воспринята с большим интересом и сопровождалась громкими аплодисментами...

*... 6 мая генерал посетил отдел «Восток» в Пожеревицах и находящуюся там батарею восточных формирований, а также восточную роту №2/653 в Дубровке. В Пожеревицах были собраны представители всех восточных формирований, находящихся в расположении армии. После осмотра генерал произнес еще две коротких речи, которые по содержанию совпадали со сказанным ранее. Его отъезд из Пожеревиц проходил под восторженные аплодисменты жителей деревни».*³⁵² После посещения этих населенных пунктов Власов отправился в Псков. Здесь все его выступления также ожидал аншлаг. «Прибыв в Псков вечером, Власов встретился с представителями различных русских организаций, в том числе, как и прежде, с представителями Русской Православной Церкви. На следующий день, 1 мая, Власов выступил на заводе, а потом в помещении театра, и там и здесь при переполненном зале. Всюду его горячо приветствовали. После Пскова Власов посетил различные города и села, в том числе Лугу, Волосово, Сиверскую, Толмачово, Красногвардейск, Пожеревиц и Дедовичи. В Луге восторженные толпы прорвались через полицейский кордон. Везде Власова приветствовали с большим энтузиазмом, и выступления его выслушивались с жадным интересом».³⁵³

Это была вторая агитационная поездка Андрея Власова по оккупированным территориям Советского Союза. Первая состоялась в самом начале 1943 года. Обе поездки оказались вполне удачными с точки зрения пропагандистского эффекта. Власов во всех своих речах призывал русских коллаборационистов, не смотря ни на что, продолжать воевать на стороне немецкой армии и оказывать ей всяческую поддержку. Взамен, уверял Андрей Андреевич, русские смогут получить свободу от сталинского режима, и России не придется становиться немецкой колонией. *«Когда-то Россия победила Наполеона, предоставив тем самым Германии освободиться от его гнета. Сегодня мы рассчитываем на помощь Германии. Россия займет в новой Европе достойное место. Мы не хотим никакого коммунизма, но мы также не хотим быть немецкой колонией. Германии известно, что хорошие отношения с Россией всегда были очень полезны для обеих сторон».*³⁵⁴ Русские, слушавшие речи генерала Власова на занятых немецкой армией территориях, были восхищены им. В нем они видели альтернативу сталинскому и гитлеровскому режимам. Власов предлагал всем этим людям не быть марионетками немецких властей, а добиваться от них предоставления национальной независимости и защиты своих прав, в обмен на поддержку в войне.

Поездку Андрея Власова в Псков активно освещала местная коллаборационистская газета «За родину». На ее страницах печатались тексты выступления генерала Власова перед простым народом и русскими солдатами-добровольцами Вермахта. Иногда в этих речах проскальзывали и откровенно пронацистские высказывания антисемитского содержания, чего, вероятно, нельзя было избежать из-за строго контроля со стороны немецких пропагандистов.

Вскоре после поездки Власова, немцы из числа его сторонников с удовлетворением писали о росте числа перебежчиков из РККА на немецкую сторону. Из-за перебежчиков советскому военному командованию пришлось ужесточить карательные меры для потенциальных беглецов. «... командарм генерал-лейтенант И. В. Галанин запретил выход личного состава из траншей и ходов сообщений, приказав «всякий выход за передний край без разрешения рассматривать как попытку к измене» и «по этим лицам немедленно открывать огонь». Предписывалось создать в полках «специальные истребительные группы» для уничтожения тех, кто показывался на переднем крае без разрешения».³⁵⁵

В ходе поездки Власов также посетил так называемую Локотскую республику (Сегодня – территория Брянской области РФ), значительную территорию, состоящую исключительно из русских поселений, контролируемых самостоятельным русским правительством. Здесь он смог окончательно убедиться, что людям вовсе не обязателен коммунизм и сталинизм, для того чтобы жить спокойной, благоустроенной жизнью. «Поездка окончательно укрепила Власова в убеждении, что достаточно предоставления русским полной свободы действий, чтобы из готовности населения вести борьбу за освобождение своей родины от коммунизма – возникло могучее Освободительное Движение».³⁵⁶ С большим воодушевлением встречу с генералом Власовым восприняли и простые граждане СССР. Записку с такими выводами оставил сопровождавший Власова офицер: *«Поездка генерала Власова, известие о которой быстро распространилось в городах и селах, рассматривается, как преддверие решительных событий».*

*Сейчас сильно возросла надежда на разрешение вопроса о будущем России. Среди добровольческих частей, вокруг Власова созданы легенды, они видят в нем человека, способного вести их к лучшему будущему. Сейчас наступил последний момент для решительных действий. Последствия нового разочарования могут быть чрезвычайными».*³⁵⁷

Инициаторы и руководители «Акции Власов» начали направлять многочисленные докладные записки и ходатайства немецкому правительству с предложениями как можно скорее приступить к созданию Русской национальной армии. Таким образом, к лету 1943 года Власов достиг значительных успехов. Он убедил многих русских, проживающих на оккупированных немцами территориях, продолжить помогать Вермахту в войне против Красной армии, возродил надежды миллионов людей на лучшее будущее без сталинского режима, добился своей агитацией улучшения условий службы для русских добровольцев в рядах немецкой армии и, главное, продемонстрировал немецкому командованию, что он является сильной и популярной личностью, с которой надо считаться.

Еще осенью 1942 года, недалеко от Берлина, в деревне Дабендорф была открыта школа для русских пропагандистов. В официальных немецких документах она значилась как «Отдел восточной пропаганды особого назначения» (Ostpropagandaabteilung zur besonderer Verwendung). Руководство школой осуществлялось немецкими и русскими офицерами. Позднее ее планировалось преобразовать в школу для подготовки офицеров армии Власова. Эту школу Власов держал под своим строгим контролем, регулярно

Восточный фронт весной 1943 года. Инициатива все еще на стороне Вермахта.
Карта взята из издания «Атлас операций Второй мировой войны».
Дэвид Джордан Эндрю Вист.
процесс подготовки военных кадров в ее стенах.

После окончания своей поездки Власов возвратился в Берлин, где властями ему была подготовлена небольшая резиденция, недалеко от столицы Рейха. Она располагалась в районе Далем, ул. Кибитцвег, 9 (Kiebitzweg oder Kiebitzstrasse, 9; Berlin-Dahlem) в 35 км от Берлина. Здесь мятежный сталинский генерал планировал продолжить свою работу. Однако к моменту возвращения Власова в Берлин, над его предприятием сгустились зловещие тучи.

У Власова к лету 1943 года появилось уже несколько серьезных врагов. Как оказалось, самым страшным из них был Сталин. Советское правительство узнало о поездках Власова в Псков и другие оккупированные города. Его это очень встревожило. Ведь сталинский режим не слишком сильно боялся немецкой пропаганды среди населения СССР, потому как знал, что она не возымеет должного эффекта из-за жестокого обращения немецких военных с русским населением в некоторых областях. Но «воскрешение» Власова и его появление на оккупированных территориях в качестве союзника Вермахта, провозглашавшего свободу и безопасность для всех народов Советского Союза в случае победы Германии, сильно взволновало кремлевскую хунту. Уже 5 июня 1943 г. большевистское правительство распорядилось ликвидировать Андрея Власова при первой возможности.³⁵⁸ Еще ранее, в декабре 1942 года, НКВД СССР возбудил уголовное дело в отношении Андрея Андреевича Власова за его сотрудничество с немецкими военными. Его жена, Анна Михайловна Власова, и любовница, Агнесса Павловна Подмазенко, были репрессированы органами советской госбезопасности и отправлены в концлагеря. Тем не менее, Андрей Андреевич, ничего не знавший о судьбе своих близких, оставшихся в советском тылу, продолжал свою деятельность. Его продуктивная поездка в немецкий тыл на Восточном фронте привела также к тому, что немецкое военное командование сумело улучшить условия службы русских добровольцев в рядах Вермахта. После первой поездки Власова, зимой 1943 г., и его успеха, Верховное командование Вермахта издало приказ №13 «О военнослужащих Красной армии, добровольно переходящих на сторону Германской армии». В этом приказе содержалось требование об отношении к добровольно перешедшим на сторону немецкой армии солдатам РККА как к полноправным союзникам. Таким военнослужащим полагалось хорошее питание, средства гигиены, постельное белье, отдельное жилое помещение и другие блага. В лагеря для военнопленных они помещаться не должны.

Одновременно со сталинским режимом, Власову угрожал и режим нацистский. Во время посещения 18-й армии Вермахта, располагавшейся в Ленинградской области, Андрей Андреевич вновь встретился с генералом Георгом Линдеманом, который разбил его 2-ю ударную армию. Командующий устроил Власову хороший, дружеский прием. За застольной беседой Андрей Андреевич заявил, что он будет рад в свое время принимать немецких офицеров в качестве гостей в Москве. Такие слова генерала Власова наверняка вызвали бурю гневного бешенства в Кремле. Но они также очень сильно не понравились и политикам в Берлине. Об этом высказывании Власова было донесено Вильгельму Кейтелю (1882—1946), командующему Вермахта. Его реакция на столь дружественное приглашение посетить

Москву от русского генерала была чрезвычайно суровой. Увидев в этом «приглашении» чрезмерную самоуверенность и наглость русского, Кейтель распорядился отправить Власова обратно в лагерь для военнопленных. Еще дальше пошли вышестоящие чины правительства нацистской Германии. Донесение со словами Власова о «немецких гостях в Москве» легло на стол и высшим руководителем Третьего Рейха, включая самого Адольфа Гитлера. «Гиммлер взбесился, что унтерменш осмеливается приглашать немцев куда бы то ни было и передал это замечание Гитлеру».³⁵⁹ Однако среди высокопоставленных нацистов нашлись и защитники мятежного генерала. «Фюрер опасается, что если Власов будет слишком заметен в тылу (!), то в результате может возникнуть сила, которая на долгое время окажется для нас опасной. Я не разделяю этих опасений; я скорее придерживаюсь того мнения, что с Власовым можно было бы обращаться гораздо более великодушно, чем мы это делали до сих пор. Мы ведем на Востоке войну, но не проводим никакой политики. При том, что пример Японии на территориях, занятых японскими войсками, доказывает, что возможно достичь значительных успехов и другим путем»,³⁶⁰ – писал в своем дневнике министр пропаганды нацистской Германии Пауль Йозеф Геббельс (1897—1945).

Приказание отправить генерала Власова обратно в лагерь для военнопленных, конечно же, не было выполнено. Вместо этого его всего лишь поместили под домашний арест на вилле под Берлином. Его также временно отстранили от занятий любыми политическими и агитационными делами. Казалось, что окончательная точка в этом вопросе была поставлена самим Адольфом Гитлером. 8 июня 1943 года в резиденции Бергхоф в Баварских Альпах состоялось совещание высших чинов нацистского правительства. На нем присутствовали: Адольф Гитлер, генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал Курт Цейтцлер (1895—1963), генерал-лейтенант Рудольф Шмундт (1896—1944), полковник Вальтер Шерфф (1898—1945). Одним из главных вопросов, поднимавшихся на данном совещании, касался генерала Власова и его деятельности. В ходе дискуссии, фюрер дал присутствующим понять, что генералу Власову он не доверяет, и что создание и поддержка русского национально-освободительного движения не должна заходить дальше простой пропаганды для русских: «... мы никогда не создадим русскую армию, это перворазрядный фантом. Прежде чем мы это сделаем, и это гораздо проще, я заполучу русских в Германию, в качестве рабочих, потому что это намного важнее. Мне не нужна русская армия, которую я должен буду целиком прошить немецкими корсетными итанами. Если вместо этого я получу русских, это пойдет мне в пользу. Самый большой успех для нас – производство с участием русских рабочих, которые трудятся в Германии и которых мы должны, конечно, обеспечить по-другому, если поручаем ему квалифицированную работу.

... Генерал Власов мне вообще не нужен в нашем тылу».³⁶¹

Генерал-лейтенант Андрей Власов в штабе 18-й армии Вермахта.

Сторонники Власова из рядов немецкого офицерства, которые понимали какой удручающий эффект произведет на генерала решение Гитлера, решили ему ничего не говорить о приговоре фюрера. Штрик-Штрикфельдт и его соратники, втайне от нацистского правительства в Берлине, перестроили учебную работу в пропагандистской школе в Дабендорфе для подготовки офицерского корпуса будущего русского освободительного движения. Они не оставляли надежды, что политика нацистов вскоре может измениться. Однако, несмотря на все усилия команды Власова, а также ее друзей из числа немецкой интеллигенции (журналистки Мелитты Видеман (1900—1980) и писателя Эдвина Эриха Двингера (1898—1981)) переубедить высшие чины гитлеровской Германии в том, что продолжать «Aktion Wlassow» необходимо ради успеха самих же немцев в войне против СССР, так и не удалось. В конце концов, и до самого Андрея Андреевича дошла информация о том, что Гитлер пресек развитие его движения. На него это произвело непоправимое и удручающее впечатление. «... он совершенно пал духом и сказал, что вернется в лагерь военнопленных».³⁶²

Однако русские и немецкие сторонники генерала сумели убедить его продолжать работу над созданием русского освободительного движения. Оставалась еще хрупкая надежда, что политические методы нацистов в отношении русских союзников все же изменятся. Во время своего вынужденного бездействия, генерал Власов пожелал лучше познакомиться с Германией, со страной, которая согласно советской пропаганде должна была быть его злейшим врагом. «Власов побывал в Магдебурге, встретился с гаулейтером Балдуром фон

Шираком в Вене, посетил Франкфурт, Майнц и Кельн, проехался по Рейну. Он также встретился со старшим поколением эмигрантов, например, с генералом Бискупским, членом РОВС и лидером русской эмиграции в Германии, и главой русской эмиграции в Варшаве С. Л. Войцеховским». ³⁶³ На многих русских эмигрантов Власов произвел хорошее впечатление, хотя среди них и встречались его ярые противники. «... генералы А. А. фон Лампе и П. Н. Краснов познакомились с Власовым, приглашенным на чай. «Мое впечатление? – писал фон Лампе на следующий день в Брюссель – *Много лучше, чем я ожидал! Если откинуть всякие сомнения и верить ему полностью, то впечатление просто хорошее <...>* Его слова – это наши слова и мысли в течении многих лет. Его планы – хороши, *если* они исполнимы и для тех, кто их принимает, – приемлемы». ³⁶⁴ Возможно, что после всех этих занимательных поездок и встреч со свободными русскими людьми, генерал Власов окончательно укоренился во мнении, что вся его жизнь в Советском Союзе была убога и бессмысленна. Что всю свою «советскую» жизнь он только и делал, что прислуживал сталинскому режиму и безропотно переносил всю серость и фальшь советского строя.

Тем временем, по всей акции Власова был нанесен новый удар. В сентябре 1943 г. Адольфу Гитлеру доложили об участившихся случаях дезертирства из русских военных подразделений Вермахта. Фюрер был крайне раздражен этим донесением. Он распорядился расформировать все русские подразделения, а весь их личный состав отправить на работы на немецкие заводы и шахты. Но тут оказалось, что русские стали для Вермахта слишком важным и драгоценным союзником, без которого немецкая армия получила бы серьезнейший урон. «Верховное командование выступило с возражениями: этот приказ охватил бы от 800 000 до миллиона человек, что образovalo бы армии огромную брешь». ³⁶⁵

В конце концов, из-за споров Верховного командования Вермахта и нацистского правительства, было принято решение не расформировывать боевые русские соединения, а вместо этого отправить их на Западный фронт. Власову это решение не понравилось. Он хотел, чтобы русские союзники Вермахта воевали вместе с немцами против сталинского режима на Востоке, а не против европейцев на Западе. Но он все же не пожелал останавливать свою борьбу за объединение всех русских коллаборационистов в одну национальную армию. Немецкий биограф Андрея Власова Свен Штеенберг так передал слова Андрея Андреевича по поводу переброски русских солдат Вермахта на Западный фронт: «*Может быть, Сталин, действительно, победит, – благодаря немецкой слепоте. Но я все равно должен идти по этому пути... Наши идеи будут жить дальше, когда мы погибнем, после нас, семя взойдет когда-нибудь. То, что мы делаем не напрасно*». ³⁶⁶

Хотя участие русских войск на стороне Германии и продолжалось, сама идея создания из них объединенной армии – на неопределенное время повисла в воздухе. Самого Власова такое промедление со стороны нацистских властей сильно раздражало. «Однажды вечером за игрой в карты, Власов возмущенно сказал: «Я не понимаю этого! Я знаю Сталина, знаю его методы, знаю как к ним надо подходить, что надо делать – и я сижу здесь и играю в проферанс». ³⁶⁷

Русские батальоны стали одной из основных сил Вермахта, сдерживавших наступление союзников на Западном фронте. «К зиме 1944 года на «Атлантическом валу» находилось 72

батальона (65 тыс. человек), а в центральных областях Франции – еще 50 тыс. военнслужащих восточных войск».³⁶⁸

Летом 1944 года, из-за провала покушения на Адольфа Гитлера, в котором участвовали многие офицеры Вермахта из числа сторонников создания русского освободительного движения, ситуация еще более усугубилась. Ведь Власов потерял многих своих немецких союзников, которые были казнены или арестованы в результате начавшейся правительственной реакции. Об этих страшных потерях сокрушался и его лучший друг и союзник Вильфрид Штрик-Штрикфельдт: «Постепенно стали известны имена офицеров, ставших жертвами нацистского режима. Это были имена тех наших друзей, которые с 1942 года стремились к изменению политики в отношении России и к ведению войны политическими методами. У них, вероятно, были различные конечные цели, и не все из них были готовы безусловно поддержать планы Власова. Но, несомненно, эта группа делала все возможное в отношении Русского Освободительного Движения. Вот их имена: полковник граф фон Штауфенберг, полковник барон Фрейтаг-Лорингхофен, генерал Остер, генерал Ольбрихт, полковник барон фон Рене, подполковник Кламмрот, полковник Шмидт фон Альтенштадт, подполковник Шрадер, генерал Штиф, генерал фон Треско, генерал Вагнер и многие другие».³⁶⁹

Внезапно Власов получил помощь в своем деле от руководителя СС (Die Waffen-SS) Рейхсфюрера (Reichsführer) Генриха Гиммлера (1900—1945). Его подчиненный офицер, Гюнтер д'Алкен (1910—1998), посылал Гиммлеру многочисленные доклады, в которых сообщал о необходимости изменить восточную политику Германии. «д'Алкен решительно настаивал, что успех военных операций возможен только при изменении политики на востоке и привлечении Власова и Освободительного движения. Другого пути он не видел».³⁷⁰ В конце концов, глава СС решил провести личную встречу с русским генералом. Первая встреча Власова с Гиммлером состоялась 18 сентября 1944 года. Протокола этой встречи не сохранилось, но об этой встрече позже рассказывал сам генерал Власов: «По его словам, Гиммлер заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии не смог организовать русских военнопленных для борьбы против большевиков, поэтому теперь этой работой будет руководить лично он. Гиммлер предложил объединить все существующие на территории Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации, создать единый политический центр, а Власову его возглавить. Генерал в ответ предложил создать орган под названием «Комитет по освобождению народов России» (КОНР) и сформировать армию в составе девяти дивизий. Гиммлер согласился с идеей создания КОНРа, дал указания разработать манифест комитета и предоставить ему на утверждение».³⁷¹ Эта встреча открыла перед Власовым и его движением большие перспективы. Кроме того, изменилась и его личная жизнь. Летом 1944 г. он женился на немецкой женщине Хейди Белинберг. Многие отечественные исследователи биографии Власова обвиняют его в безнравственности из-за этой женитьбы. Но, во-первых, инициатива жениться исходила вовсе не от него, а, во-вторых, зачем ему нужно было ограничивать себя при устройстве своей новой личной жизни? К тому же, госпожа Белинберг была хороша собой. Власов не совершил клятвopеступления в отношении своей первой жены, так как считал, что на тот момент ее уже не было в живых. СС стала оказывать поддержку Власову и его начинаниям. Гиммлер после своей встречи с Андреем Андреевичем признал, что тот является сильной личностью. Рейхсфюрер так же был вынужден поменять свои взгляды на русских, перестав считать их недочеловеками (унтерменшами). «Со своей стороны Гиммлер, отвечая на вопрос, почему СС создавала журнал «Дер Унтерменш», который причинил столько вреда, сказал, что в каждой расе имеются свои унтерменши».³⁷² Власову разрешил

формировать дивизии из русских, но каково же было его разочарование, когда генерал узнал, что число этих дивизий не должно превышать двух. Немецкое командование также заключило небольшое соглашение с будущими русскими правительством в лице Власова. Согласно ему, Россия в будущем должна будет отказаться от крымского полуострова, предоставить автономию казачьим областям и другим национальным меньшинствам.³⁷³ После встречи с Гиммлером, Андрей Власов приступил к интенсивной работе по созданию заветного Комитета освобождения народов России.

Нужно понимать, что власовцы всегда были предоставлены самим себе. Немцы никогда не считали их своими полноправными союзниками. Об этом красноречиво говорят поступки нацистского правительства. «В эмиграции К. Г. Кромияди писал Б. И. Николаевскому о том, что в Стокгольме немцы якобы предлагали выдачу власовцев СССР в случае сепаратного мира».³⁷⁴ Однако осенью 1944 года Власова и его сторонников мало беспокоило их реальное положение, они были полностью погружены в разработку манифеста и организации своего движения. Над текстом манифеста КОНР работали лучшие представители русского офицерства, сотрудничавших с Власовым и Вермахтом. «Текст писали несколько офицеров РОА из числа представителей «подсоветской» интеллигенции. Никто из них не был профессиональным военным, хотя 1941—1942 годах большинство имели звания комначсостава РККА, будучи аттестованными или призванными из запаса: капитан А. Н. Зайцев – москвич, научный сотрудник Института микробиологии АН СССР, поручик Н. А. Нарейкис (Троицкий) – москвич, архитектор, поручик Н. В. Ковальчук – киевлянин, журналист, поручик Н. Г. Штифанов – москвич, инженер. В предварительной работе также участвовали поручик В. М. Харчев и Г. Д. Хроменко (в эмиграции Огроменко) – псковский журналист, бывший заведующий отделом газеты «Псковский колхозник» и член псковского горкома ВКП(б). Общим редактированием занимался Жиленков, затем проект рассматривали Власов, Трухин и Закутный».³⁷⁵ Основным документом Комитета Освобождения Народов России был готов в начале ноября 1944 г. Власов пожелал провести учредительный съезд Комитета в Праге. Окончательную работу над структурой КОНР власовцы закончили к 10 ноября 1944 года. Было решено, что возглавит Комитет сам генерал Власов, Главным организационным управлением (ГОУ) будет командовать Василий Федорович Малышкин (1896—1946), Главным Гражданским управлением было поручено руководить Дмитрию Ефимовичу Закутному (1897—1946), руководителем Отдела пропаганды стал Георгий Николаевич Жиленков (1910—1946). Управлением безопасности руководил Николай Васильевич Тензор (1909—?).

В ночь с 13 на 14 ноября 1944 года все участники учредительного съезда КОНР начали прибывать в Чешскую столицу. Момент прибытия в Прагу генерала Власова запечатлела немецкая кинохроника: «Кинооператоры снимали уникальное событие: приветствие германскими военнослужащими бывших пленных генералов Красной армии и секретаря московского райкома ВКП(б)».³⁷⁶ Собрание членов КОНР состоялось в Рудольфовой галерее Пражского Града. Главным событием этого собрания стало зачитывание генералом Власовым манифеста КОНР, основными пунктами которого стали:

– свержение сталинского режима в СССР;

– ликвидация большевистской системы;

– возвращение народам России «прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года»;

– прекращение Советско-нацистской войны и заключение почетного мира с Германией;

– создание новой российской государственности без большевизма и капитализма.

В данный манифест также входили и другие пункты, такие как равенство всех народов России, их самоопределение и государственная самостоятельность, уничтожение принудительного труда, свобода на труд, ликвидация колхозов, наделение крестьян землей на безвозмездной основе, свобода творчества, ликвидация террора, отмена насильственных ссылок и переселений, свобода вероисповедания, свобода слова и совести, равенство всех граждан перед законом, независимые и открытые суды, освобождение всех политических заключенных. Генерал Власов также обещал освободить от преследований всех, кто воевал на стороне Сталина и большевизма. Манифест стал программным документом. Он мог стать сильной альтернативой сталинскому режиму в случае своей полной реализации.

В Праге присутствовали и представители немецкого правительства и армии. Но всего лишь двое: Протектор Богемии и Моравии Карл Герман Франк (1898—1946) и малоизвестный представитель Министерства иностранных дел Германии. Немцы скептически относились к власовскому Комитету. «Кестринг сравнил учреждение КОНР в Праге с пародией на созыв Всероссийского Учредительного собрания или созданием «опереточного государства» Гетмана П. П. Скоропадского в Киеве, при котором он присутствовал весной 1918 года. Постфактум Кестринг, Герварт фон Биттенфельд и Штри-Штрикфедт полагали, что Власову после провозглашения манифеста, следовало с достоинством уйти с политической сцены и вернуться в лагерь военнопленных, чтобы сохранить принципиальность и лицо».³⁷⁷ После провозглашения манифеста, в Праге состоялся торжественный банкет для солдат и офицеров РОА (Русской Освободительной Армии, которая стала официальными вооруженными силами КОНР). После этого все основные представители Комитета возвратились в Берлин. Из-за тяжелого положения на всех фронтах, немецкое правительство все же возлагало на свои русские войска большие надежды. Так, 18 января 1945 года, Третий Рейх заключил с КОНР финансовое соглашение. Немцы предоставили власовскому Комитету денежные средства для борьбы против большевизма. Эти деньги выдавались власовцам в виде кредита, который нужно было вернуть Германии после победы в войне против СССР.

Власову требовались войска. С декабря 1944 по март 1945 гг. его сторонники пытались объединить войска РОА с казачьим кавалерийским корпусом. Однако переговоры с П. Н. Красновым не принесли власовцам никаких результатов, из-за его неприязни к генералу

Власову. Тем не менее, руководство КОНР с большим оптимизмом воспринимало поставленную перед ним задачу по формированию объединенной русской армии. Вот как описывал восторженные обещания и надежды генерала Власова и подчиненных ему офицеров в тот период Андрей Георгиевич Нерянин (он же Михаил Андреевич Алдан (1904—1957)), начальник Оперативного отдела штаба вооруженных сил КОНР: «... Через 6-7 месяцев, т. е. к маю-июню 1945 г., мы будем иметь минимум десять линейных дивизий, несколько запасных бригад или полков, офицерское училище, вспомогательные части и т. д. Сейчас идет формирование 1-ой дивизии, пока еще очень медленно, затем будем формировать 2-ую дивизию, в январе приступим к формированию 3-ей дивизии, после чего это дело пойдет гораздо быстрее...

... людских ресурсов вполне достаточно, чтобы сформировать 30 дивизий. Десять дивизий не смогут вобрать в себя весь наличный людской состав. Будем строго отбирать».³⁷⁸ Формирование 1-ой дивизии РОА началось в немецком городе Мюнзинген (Münsingen) в ноябре 1944 года. Несмотря на все обещания немцев, эта дивизия с трудом получала положенные ей боеприпасы и технику, а командиры КОНР жаловались друг другу на нерасторопность немцев и их равнодушие к своим русским союзникам.³⁷⁹ Несмотря на все преграды, Власову и его офицерам все же удалось сформировать первую дивизию РОА. Ее командиром был назначен генерал-майор войск КОНР, бывший офицер красной армии, Сергей Кузьмич Буняченко (1902—1946). К весне 1945 года, численность дивизии, по подсчетам современных российских историков, составляла 18 тыс. человек.³⁸⁰ Немцы требовали от Власова доказать им, что они не зря тратили свои силы на создание русской антибольшевистской армии. Поэтому они потребовали ввести как можно скорее эту дивизию в бой. 6 апреля 1945 года командир 1-й дивизии РОА Буняченко получил приказ от 9-й армии Вермахта: выдвигаться к реке Одер, и попытаться ликвидировать там небольшой плацдарм советских войск, расположенный на западном берегу реки. Выполняя этот приказ, дивизия Буняченко приняла участие в полномасштабной наступательной операции против советских войск 1-го Белорусского фронта 13-14 апреля 1945 года. Несмотря на то, что власовцы проявили храбрость в этом сражении, и даже сумели захватить советские укрепления, битва на Одере наглядно показала, что немецкое командование относится к ним как к «пушечному мясу». «Как предвидел Власов, батальоны остались лежать перед проволочными заграждениями, на которых разбилась атака немцев. В течение четырех часов они пытались, несмотря на фланговый огонь с противоположного берега, преодолеть препятствия, но потом Буняченко убедился, что задача невыполнима. Он просил ... о разрешении прекратить атаку. Ему было отказано. Позиция должна удерживаться, так как дивизия переняла этот участок фронта у немцев».³⁸¹ Дивизия Буняченко не могла получить от немецкого командования отступить с занятого плацдарма, даже когда ее положение стало критическим. В этой ситуации Сергей Буняченко, не пожелавший бессмысленной гибели для своих солдат, отдал приказ об отступлении самостоятельно, вопреки директивам немецких офицеров. В ответ за этот поступок немцы пригрозили расстрелять Буняченко и генерала Власова. 14 апреля 1945 года 1-я дивизия РОА перестала получать провизию от 9-й армии Вермахта. После этого командование русской дивизии заявило своим немецким союзникам, что оно не будет выполнять их приказы, так как подчиняется исключительно генералу Власову. Похоже, что в этот момент командование 9-й армии разрешило 1-й дивизии РОА отступить с линии фронта на юг, так как больше не желало вступать в препирательства с ее непокорными командирами: «Каждый час можно было ожидать советского наступления. Штаб был в сущности рад избавиться от неудобной части».³⁸²

С момента отхода первой дивизии РОА с Одерского фронта, началась самая трагическая страница власовского движения. После своего отхода с линии фронта, насчитывала уже более 20 000 человек. Вскоре она достигла Дрездена, где поступила под командование фельдмаршала Фердинанда Шернера (1892—1973), командовавшего группой армий «Центр». К тому моменту цели власовцев и немецкой армии кардинально разошлись. Шернер требовал от Буняченко, чтобы его дивизия вернулась на фронт. Сам же руководитель русской дивизии, вероятно прекрасно понимая, что в случае продолжения боевых действий не стороне Вермахта, его солдаты либо будут полностью истреблены, либо попадут в плен к

Генерал Власов в Праге, перед провозглашением манифеста Комитета Освобождения Народов России. Ноябрь 1944 года.

Красной армии, решил игнорировать все приказы немецкого фельдмаршала и двинулся дальше, на юг Германии, чтобы соединится там с остальными войсками РОА. Действия Буняченко противоречили приказу генерала Власова от 16 апреля 1945 г., в котором главнокомандующий КОНР приказывал командиру 1-й дивизии РОА отступать на юг, согласуя свои действия с немецкой армией.³⁸³ 28 апреля 1945 года в штаб группы армий «Центр», располагавшийся на тот момент в чешском городе Лазне Велиховки (Lázně Velichovki), прибыл Андрей Власов. Он не желал усугублять ситуацию, провоцируя немцев и русских на дальнейший конфликт. Поэтому Андрей Андреевич заявил Шернеру, что его

солдаты не будут предпринимать никаких агрессивных действий против Вермахта, если немецкие войска их не тронут.³⁸⁴

Русские были в раздумьях. Они понимали, что война вот-вот может закончиться, причем закончиться поражением их главного союзника – Германии. Что в таком случае будет с ними, как с солдатами РОА и русскими коллаборационистами, они не знали. Это их и пугало. Тем временем, немецкое командование в Чехословакии, где на тот момент располагалась 1-я дивизия РОА, требовало, чтобы Буняченко повел своих солдат в бой. В противном случае немцы угрожали своим русским союзникам террором.³⁸⁵ К большому несчастью власовцев, в конце апреля – начале мая 1945 года в Праге, недалеко от которой остановилась 1-я дивизия РОА, готовилось восстание чешских партизан против немецких оккупационных войск. Чехи хотели самостоятельно освободить свою столицу от оккупантов, но для этого им не хватало солдат и вооружения. Обратиться за помощью к американцам или советским войскам они не могли из-за их отдаленности от чешской столицы. Узнав о существовании неподконтрольной немцам русской дивизии Вермахта (в немецкой штабной документации она именовалась именно так), чехи решили попросить помощи у этих русских. «2 мая Первая дивизия остановилась в 50 километрах к юго-западу от Праги, куда прибыла делегация офицеров чехословацкой армии из чешской столицы. Они представились как штаб Пражского восстания и прибыли просить о поддержке».³⁸⁶

Историк К. М. Александров отмечал, что русским в тот момент было гораздо безопаснее не участвовать в кровавых событиях Пражского восстания, отправившись дальше на юг, и попытаться прорваться в американскую зону оккупации.³⁸⁷ Но у власовцев в тот момент была твердая уверенность, что чехи, в благодарность за помощь в освобождении Праги, помогут им и предоставят всем коллаборационистам политическое убежище в своей освобожденной стране. К тому же сами чехи им это обещали. Руководствуясь этими надеждами, Буняченко принял роковое решение развернуть свою дивизию и выступить на стороне чехословацкой армии против Вермахта.

За то, что Власов якобы изменил своим немецким союзникам, его неоднократно критиковали советские и современные, российские, исследователи данной темы. Из-за выступления власовцев на стороне пражских повстанцев, руководителя КОНР именовали беспринципным негодяем. Однако на самом деле, генерал Власов был против решения Буняченко о поддержке Пражского восстания: «Поздно вечером 4 или в ночь на 5 мая в Сухомастах произошло последнее совещание командиров частей 1-й дивизии... Власов не смог повлиять на Буняченко, так как сам предоставил ему свободу действий, и в знак протеста покинул совещание».³⁸⁸ Само участие власовцев в Пражском восстании некоторые историки, которые недолюбливают Андрея Власова за его антисталинское движение, пытаются если и не унизить, то, по крайней мере, высмеять. Пишут, к примеру, что власовцы, захватив пражский аэродром Рузыне, хотели воспользоваться стоявшими там самолетами, чтобы улететь к американцам, а обнаружив на летном поле бочки со спиртом, напились и отравились им.³⁸⁹ Однако эти незамысловатые выдумки несколько не похожи на правду. На самом деле войска Сергея Буняченко не только отважно участвовали в уличных боях с профессиональными немецкими военными и эсэсовцами, но и понесли большие потери в этих боях. «В разгар боев 6-7 мая своими активными действиями дивизия Буняченко отвлекла на себя большую часть сил немецкого гарнизона и рассекла город на северную и южную части, воспрепятствовав прибытию в Прагу частей Вермахта и СС,

находившихся за пределами немецкой столицы. Объективно власовцы минимизировали потери чехов, а захватом Рузинского аэродрома не допустили бомбардировщики к Праге».³⁹⁰ В этих пражских боях дивизия Буняченко потеряла 300 человек убитыми и несколько сот ранеными.³⁹¹ Тем не менее, желанной награды власовцы не получили. 7 мая 1945 года генерал Власов направил на заседание Чехословацкого национального совета своего представителя Ростислава Антонова (1920-1977). Однако из-за преобладания в этом совете коммунистов, он отказался предоставлять Власову и его армии политическое убежище. Вместо этого чехи предложили Антонову подписать документ под названием: «Позиция Чешского Национального совета по отношению к военным действиям генерала Власова и его войск против немецких вооруженных сил в пражском районе». Этот документ не предоставлял власовской армии никаких гарантий помощи. По факту – это было простое благодарственное письмо генералу Власову, а также положительные рекомендации армии РОА. По замыслу авторов этого письма, оно должно было реабилитировать Власова и его людей в глазах советского руководства. Разочарование офицеров РОА было огромным. Все надежды русских коллаборационистов на убежище в Чехословакии и защиту от советских карателей – рухнули.

Власовцы покинули Прагу 8 мая 1945 г., за сутки до прихода туда советских войск. Теперь они держали путь в американскую зону оккупации. Власов надеялся вступить в переговоры с американскими военными и попросить у них возможности капитулировать его армии перед американским военным командованием. Пока командующий КОНР(а) пытался договориться с американцами, его армия остановилась возле города Лнаржи (Lharze). К РОА приближались советские военные соединения, время было на исходе. Однако надежды русских коллаборационистов на лояльность к ним американцев также не оправдались. Американские военные ничего не знали о РОА и власовском движении. Им также были неизвестны цели создания Комитета Освобождения Народов России. Они собирались передать русских служащих этой протестной организации советскому правительству. Ничего не подозревавшие солдаты и офицеры РОА, 11 мая 1945 года начали сдавать свое оружие американским военным. Им оставалось надеяться только на благосклонность и гуманность американских военачальников. В этот же день, высшие офицеры русской армии написали свое обращение к американо-британскому командованию. В этом документе они рассказали, что были вынуждены сражаться в войне на стороне Германии, потому что именно эта страна объявила войну большевистскому режиму. Обосновывая свою позицию, власовцы просили американские и британские власти предоставить им политическое убежище или разрешить им пройти в любую нейтральную страну. В отчаянии власовцы также просили предоставить им право выступить на международном суде, чтобы они могли доказать свою непричастность к преступлениям национал-социалистической Германии. В заключении своего письма участники власовского протестного движения сообщали, что они, как самостоятельная армия, никогда не находились в состоянии войны с Соединенными Штатами Америки или с Великобританией, и поэтому обращаются к этим странам за помощью. Власовцы также напомнили Союзникам об опасности большевизма, который «... стучится в двери Европы, чтобы затем начать стучаться и в другие страны».³⁹²

«Спасение антибольшевистских сил – это защита человечества от дальнейшего распространения большевизма»,³⁹³ – говорилось в конце письма. Однако они так и не получили никакого ответа.

Утром, 12 мая 1945 г., американцы сообщили генералу Власову и остальным офицерам РОА, что к обеду этого же дня вся территория, где оставалась дивизия власовцев (возле города Лнарже), перейдет под контроль советских войск. При этом вышестоящее американское военное командование запрещало своим подчиненным пропускать русских коллаборационистов вглубь своей оккупационной зоны. В такой ситуации Власову и Буняченко оставалось только одно – распустить дивизию и призвать всех участников движения прорываться вглубь американского тыла поодиночке. «В течение этого рокового часа 1-я пехотная дивизия войск КОНР прекратила свое существование. К 13.30 были сожжены штабные документы, стоянки частей опустели. Дисциплинированный военный организм распался. Разыгрывались тысячи личных драм и трагедий».³⁹⁴ Кому-то из участников власовского движения удалось прорваться на запад и спастись. Многие из них попали в руки советских карательных органов. Большинство из этих людей не дожили до суда и стали жертвами самосуда советских офицеров. Выжившие пережили унижительные суды на родине, концентрационные лагеря, последующее поражение в правах, а также бесславную и голодную смерть в послевоенном СССР. Жизнь генерала Власова также закончилась трагически. Он поступил как добропорядочный офицер, когда отказался принять помощь от испанских дипломатов, предлагавших переправить его в Испанию. В таком случае ему пришлось бы оставить свою армию на произвол судьбы. В свои последние дни на свободе Власов также отказался выехать в одиночку с американским офицером вглубь американской зоны оккупации.

Днем 12 мая 1945 г., его обещали переправить для дальнейших переговоров в штаб 3-й американской армии. Власов выехал в одной из семи машин из крепости Шлюссельбург в направлении города Пльезень. Во время движения автоколонны, на расстоянии 2-3 километров от Лнарже на автоколонну напал советский диверсант. Американцы, сопровождавшие генерала Власова, ничем не смогли ему помочь из-за приказа полковника П. М. Мартина об аресте мятежного русского генерала. Под угрозой расстрела генерала Власова заставили сесть в машину вместе с советским диверсантом М. И. Якушевым (1922-2005). Он доставил пленного генерала в штаб 25-го танкового корпуса. Здесь, с применением морального давления и угроз, Андрея Андреевича заставили подписать приказ к военнослужащим РОА с требованием их сдачи советским войскам. Некоторые исследователи усматривали в этом приказе предательство Андрея Власова по отношению к своим солдатам и офицерам из армии РОА. Но, как отмечал историк К. М. Александров, этот приказ Андрей Андреевич подписал лишь потому, что он не имел никакой фактической силы. Армии РОА уже не существовало на тот момент, а сам генерал Власов уже не имел никакого права никому ничего приказывать.³⁹⁵ 15 мая главнокомандующего КОНР доставили в Москву, где представители сталинского режима были намерены устроить показательный судебный процесс над бунтовщиком-генералом.

Всего в руки советских военных попало 8 012 участников власовского движения. По мнению К. М. Александрова, это составляло до 45% личного состава РОА.³⁹⁶ В руки советских военных попало большое количество оружия и несколько десятков автомобилей власовцев. После кончины власовской армии советское командование понимало, какая серьезная сила восстала против него. Оно желало, чтобы никто из советских граждан никогда не узнал правды о движении Власова и о его личности. Именно поэтому советские правители вскоре изменили своему намерению провести открытый судебный процесс над руководителями КОНР(а). Они, как писал К. М. Александров, попросту испугались, что главные власовцы будут вести себя на этом суде не так, как задумывали карательные органы Советского Союза.³⁹⁷ Власов и его соратники прекрасно понимали, что их приговорят к

смертной казни в любом случае (в этом они не ошиблись, т. к. смертный приговор командирам КОНР советские силовики вынесли еще до суда), поэтому они могли использовать данную им возможность выступить на открытом суде для публичного обличения преступлений сталинского режима. Во время следствия к подсудимым могли применяться пытки и истязания. На это также обращал внимание К. М. Александров, заметив несоответствие времени, которое было уделено на допросы Власова и его сторонников, со слишком кратким стенограммами этих же допросов.³⁹⁸ Из-за крайней закрытости того следствия и судебного процесса, мы не можем сегодня считать протоколы допросов генерала Власова и других офицеров РОА объективными и беспристрастными. 8 апреля 1946 года был составлен протокол допроса генерала Власова, в котором плененный военачальник РОА всячески обличал и компрометировал себя.³⁹⁹ Данный допрос проводил подполковник В. А. Соколов (1901-?). Этот следователь неоднократно участвовал в пытках подследственных. В 1954 году он был отправлен в отставку, вместе с остальными многочисленными сталинскими служащими органов госбезопасности. Возможно, подпись генерала Власова под столь сомнительным и неоднозначным протоколом была поставлена именно под воздействием пыток и иных методов давления со стороны Соколова.

Театрализованный судебный процесс над генералом Власовым, Василием Федоровичем Малышкиным (начальником главного организационного управления Комитета освобождения народов России), Федором Ивановичем Трухиным

Власовцы во время уличных боев в Праге в мае 1945 года.

льником штаба ВС КОНР), Георгием Николаевичем Жиленковым (начальником отдела пропаганды КОНР), Благовещенским Иваном Алексеевичем (генерал-майором РОА), Дмитрием Ефимовичем Закутным (начальником Гражданского управления КОНР), Михаилом Алексеевичем Меандровым (генерал-майором РОА), Виктором Ивановичем Мальцевым (командующим ВВС КОНР), Сергеем Кузьмичом Буняченко (командующим 1-й дивизией КОНР), Григорием Александровичем Зверевым (генерал-майором КОНР), Владимиром Денисовичем Корбуковым (подполковником КОНР), Николаем Степановичем Шатовым (инспектором пропагандистского отдела КОНР) состоялся 30-31 июля 1946 года. Всех этих офицеров советский суд приговорил к казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение 1 августа того же года. Их останки были кремированы и захоронены на Донском кладбище Москвы.

Эпопея генерала Андрея Власова давно закончилась, но и сегодня его имя не дает покоя многим людям в нашей стране. Одни считают его предателем, другие превозносят как героя, возглавлявшего повстанческое движение против диктатуры И. Сталина. Конечно, генерала

Власова нельзя ставить в один ряд с такими борцами за свободу, как Клауса Шенка фон Штауффенберга (1907-1944) или генерала Шарля Де Голля (1890-1970). У Власова был свой исторический путь, несмотря на то, что он также пытался бороться против тоталитарного режима. Власов стал идейным борцом с большевизмом только после своего пленения в 1942 году, и последующего переосмысления всей своей предыдущей жизни. Пленение Андрея Власова немецкой армией и содержание его в лагере военнопленных, где русские офицеры могли высказывать свое мнение относительно сталинского режима и советской системы вообще, кардинально изменили его мировоззрение. Возможно, осознав всю ненормальность и преступность политического режима у себя на родине, Власов понял, что в его стране нужно что-то менять. Дальнейшие заключения по этому поводу его помогли сделать немцы, в частности Вильфрид Штрик-Штрикфельдт со своими сторонниками. Выслушав их доводы, Андрей Власов твердо решил взять на себя дело изменения политического строя в СССР. При реализации этой цели, Власов был вынужден сотрудничать с нацистской Германией, потому как именно это государство вело войну против СССР и сталинского режима, и именно немцы могли оказать ему и его армии действенную помощь.

При развертывании своего протестного движения и повстанческой армии, Власов столкнулся с противодействием нацистов, которые вовсе не желали создания независимой русской армии. Власову до самого конца II мировой войны приходилось преодолевать негативный настрой высшего нацистского правительства при создании своего протестного движения. Тем не менее, во время событий в Праге, Андрей Андреевич был против участия своего войска в сражении против остатков немецкой армии. Его армия физически не могла выполнить поставленных перед ней немецким командованием задач. И все потому, что она была сформирована слишком поздно. А само немецкое командование хотело использовать РОА для отражения атак советских войск на самых опасных и обреченных участках фронта. Именно это обстоятельство, вместе с общей усталостью русских коллаборационистов от произвола со стороны немецкого военного руководства, вынудило власовцев развернуть свое оружие в сторону немецких войск и выступить против них на стороне повстанцев во время Пражского восстания. Власовцы всю историю существования их движения были вынуждены выживать и приспосабливаться, находясь между двумя страшными тоталитарными режимами: советским и нацистским.

Личность Андрея Андреевича Власова еще во время войны вызывала много споров. Его недолюбливали некоторые русские эмигранты, к нему с подозрением относились немецкие военные и политики, за ним, как за главой Русского освободительного движения, охотились советские спецслужбы. Но во время его поездок по оккупированным советским территориям в 1943 году Власова с восторгом встречали простые люди, простые граждане СССР. Они устали от террора со стороны советского правительства, им также тяжело жилось под немецкой оккупацией. Многие советские люди хотели мира, спокойствия, а также хорошего к себе обращения. Генерал Власов в их лице стал единственной альтернативой большевистскому и нацистскому режимам. Он призывал их бороться против возвращения старых, советских, порядков, а также обещал им свободу от немцев после окончания войны. Он говорил о создании независимой России с социально-демократическим политическим устройством. Именно поэтому он приобрел большую популярность среди русского населения в немецком тылу. Идеи генерала Власова нашли широкий отклик еще при его жизни. Поэтому Е. Н. Андреева справедливо отмечала, что власовское движение стало частью истории русской общественной мысли послереволюционной эпохи.⁴⁰⁰

Что же касается юридической вины Власова перед советской армией, которой он присягал, и политическим строем СССР, то этот вопрос подробно разбирал К. М. Александров. Историк указывал на следующие факты:

1. Андрей Власов сдался в плен врагу не добровольно, а был сдан немецкой армии обманным путем гражданскими людьми;

2. его антисталинские высказывания и пропаганда согласно сегодняшним юридическим нормам – не являются преступлением;

3. нацистской политики генерал Власов не разделял;

4. борьба Власова против сталинского режима являлась самозащитой Власова и его сторонников от преступной системы у них на родине.

Историк делает вывод, что «У Власова отсутствовала иная возможность устранить опасность в лице сталинского государства другими средствами, кроме как нарушить охраняемые «законом» советские уголовные интересы, воспользовавшись материально-техническими ресурсами Германии».⁴⁰¹

В связи с вышеизложенными выводами, хочется вспомнить слова из документального фильма Льва Стефановича Данилова «Досье на генерала Власова» (1990), о том, что советская система сама «долго и упорно» готовила «власовщину».

Мы же можем сделать вывод о том, что генерал Власов был вынужденным, и очень ненадежным союзником Вермахта во время Второй мировой войны.

Заключение

Многие русские участвовали на стороне Вермахта во Второй мировой войне не по своей воле. Одних в ряды коллаборационистов привела нужда и ужасы немецкого плена, другие поддались немецкой пропаганде. В любом случае, огромные масштабы сотрудничества советских граждан с противником в годы войны были predeterminedены политикой их собственного правительства. Советское правительство наплевательски относилось к своим военнослужащим: и к тем, которые находились на фронте, и к тем, которые пребывали в немецком плену.

Брошенные своим правительством, полностью в нем разочаровавшись и возненавидев его, советские граждане вставали на сторону врага и, принимая от него помощь, стреляли в своих собственных сограждан. Многие из них вскоре разочаровались и в нацистском

режиме, осознав, что он так же чудовищен, как и большевизм. Однако иного выхода у них не было, им приходилось сражаться бок о бок со своим вчерашним врагом против своего же преступного режима. Эти люди оказали немецкой армии значительную поддержку на Западном фронте, помогая Вермахту сдерживать наступление армий союзников: Великобритании и США. Они сражались как обреченные. По сути, они и были обреченными людьми.

Власовское движение на короткое время вселило надежду в сердца тысяч русских коллаборационистов. Но это движение заранее было обречено на провал. Ведь генералу Власову и его офицерам приходилось создавать свою армию, находясь при этом между двумя страшными врагами: нацистским и большевистским режимами. Цели власовского движения были многообещающими, но сама их реализация в условиях крупнейшей человеческой драмы оказалась невыполнима. Это привело к провалу всех надежд и страшной гибели всей армии генерала Андрея Власова. Служа нацистской Германии, многие участники данного движения успели сотворить по приказу нацистов большое количество преступлений, которые сильно омрачили память о них.

Русские эмигранты с началом войны Германии против Советского Союза желали только одного: чтобы Вермахт в буквальном смысле снес большевистский строй в России. Желая приблизить победу немецкой армии, они самозабвенно служили в боевых рядах Вермахта. Однако их цели об освобождении родной страны не совпадали с планами нацистского правительства в Германии. Именно поэтому участие русских эмигрантов в этом конфликте, за редким исключением, часто сводилось лишь к пропагандистским акциям.

Бесчеловечность и свирепость, с которыми велась война на Востоке, предуготовили большие масштабы и трагичность русского коллаборационизма в годы Второй мировой войны.

Источники и литература

Источники

Коллекция документов по истории советско-финляндской войны. РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 1187. Л. 4,6

Общеказачье объединение в германской армии. ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 21.

Канцелярия Донского Атамана. ГАРФ. Ф. 6461. ОП. 2. Д. 34. Л. 73.

Нацистский проект «Action Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т.1, 2. [сборник документов]. Отв. редактор. Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015.

Осужденные по религиозным делам. ГАРФ. Ф. 8419. ОП. 1. Д. 224. Л. 35-36.

Заклейменные властью. Пострадавшие за веру. Материалы с сайта «Мемориал». [<http://pkk.memo.ru/page%202/dukr.html>].

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. IV. Сборник документов. М.: Издательство политической литературы. 1984.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. М.: Юридическая литература. 1987-1999.

Areport by P. N. Budzilovich presented at the Sobor of Bishops of the Russian orthodox Church Abroad (ROCA) 20 October in the City of The New York. USA.

Ты у меня одна... Письма генерала Власова женам. 1941-1942. Журнал «Источник». №4. 1998.

Иностранная литература

Alex Alexiev. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy. Santa Monica, Calif.: Rand Corporation. 1982.

Beevor A. The fall of Berlin 1945. N.Y.: Viking. 2002.

Jeffrey W. Every Family has its Freak. Perception of collaboration in occupied Soviet Russia. 1943-1948. Cambridge university press. 2005.

Overy R. Russia's War: A history of the Soviet War Effort, 1941-1945. N.Y. Penguin. 1997.

Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. San Jose.: R. James Bender Publishing. 1994.

Хоффманн Йоахим. Hoffman Joachim. История власовской армии. Перевод с немецкого Е. Гессен. Paris.: YMCA-PRESS. 1990.

Литература на русском языке

Атеистический словарь. Издание 2-е. Исправленное и дополненное. М.: Издательство политической литературы. 1985.

Андреева Е. Генерал Власов и русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987.

Алдан А. Г. Армия обреченных. Нью-Йорк. All-slavic publishing house. 1969.

Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М.: Язуа. Эксмо. 2005.

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010.

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры Комитета освобождения народов России 1943-1946 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб. СПбИИ. 2015.

Алехин Г. В. Генерал Хольмстон-Смысловский и Русское освободительное движение. Газета «Наши вести». №436/2737. 1994.

Борис Хольмстон-Смысловский. Первая Русская национальная армия против СССР. Война и политика. М.: Вече. 2011.

Бычков С. С. Большевики против Русской церкви. Очерки по истории Русской церкви (1917-1941). М.: Москва. 2006.

Булгаков С. Христианство и еврейский вопрос. Париж.: Ymca-press. 1991.

Гессен И. В. Архив Русской революции. Т. 1. Берлин.: Слово. 1921.

Гусак А. В. Дезертирство из Красной армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны (1941-1945). Челябинск.: Вестник ЮУрГУ. №8. 2008.

Донская армия в борьбе с большевиками. Благово В. А. Сапожников С. А. М.: Центрполиграф. 2004.

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского освободительного движения. Под ред. Огорокова А. В. №4. М.: «Архив РОА». 1999.

Журнал «Часовой». Орган русского воинства и национального движения за рубежом. Редактор. Орехов В. В. Номера с 1937 по 1940 гг.

Журнал «Нива». №31. СПб. 2 августа 1914.

История Второй мировой войны в 12-ти томах. Т. 10. М.: Воениздат. 1979.

Иностранные формирования Третьего Рейха. Под редакцией Семенова К. К. М.: Астрель. 2011.

История гражданской войны в СССР 1917-1922 в 5 томах. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы. 1959.

Краснов П. Н. Казаки в Абиссинии. Дневник начальника конвоя Российской императорской миссии в Абиссинии в 1897-98 году. СПб. Издание Типографии Исидора Гольдберга. 1900.

Краснов П. Н. Воспоминания о Русской императорской армии. М.: АЙРИС-ПРЕСС. 2006.

Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М.: Эксмо. 2005.

Краснов П. Н. Ложь. Париж.: Изд. Е. Сияльского. 1939.

Ковалев Б. Рецензия на книгу: Приказ: Архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации, 1941—1944. / Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. №3. М.: Фонд «Историческая память». 2017.

Красавин В. А. Генерал Власов. История и археология: Материалы II Международной научной конференции. Пермь.: Зебра. 2014.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. СП. РUICO. М.: 1990.

Митрополит Антоний (Храповицкий). Избранные труды. Письма. Материалы. М.: ПСТГУ. 2007

Митрофанов Г. Н. Трагедия России и «Запретные» темы истории XX века. СПб.: Моби и Дик. 2009.

На службе России и Абвера. Жуков Д. А. Ковтун И. И. Газета «Совершенно секретно». №7. (302). 2014.

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М. М.: Вече. 2011.

Пеньковский Д. Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия. Журнал «Знание, Понимание, Умение». №3. 2012.

Покровский Н. П. Политбюро и церковь. 1922—1923. Три архивных дела. Журнал «Новый мир». №8. 1994.

Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь. 2002.

Рабоче-крестьянская Красная Армия. Серия пособий политрукам к политуставу. Выпуск 1. М.: Высший военный редакционный совет Москва. 1922.

Стеенберг Свен. Генерал Власов. Русский дом в Мельбурне. Австралия. 1974.

Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники родины на службе у Гитлера. Военный тайны XX века. М.: Вече. 2002.

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002.

Стуржик Д. В. Факторы боеготовности Красной армии: «чистки и болезни роста» в новых военно-исторических трудах. Военно-исторический журнал. №8. 2016.

Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Новая и новейшая история. №2. 1996.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН. 2008.

Фицпатрик Ш. Русская революция. М.: Издательство Института Гайдара. 2018.

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006.

Хоффманн И. История власовской армии. Paris.: Умска-press. 1990.

Церковно-исторический вестник №2-3. 1999. С. 192-196.

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007.

Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное движение. М.: Посев. 1993.

Энциклопедия Третьего Рейха. Составитель Сергей Воропаев. М.: Локид-Миф. 2009.

Электронные ресурсы

Донской временник. Краеведение Ростовской области. Сайт. Адрес: www.donvrem.dspl.ru

Nazi crimes taint Liechtenstein. BBC News. [Электронный ресурс] // Last Updated: 14 April, 2005, 10:03 GMT 11:03 UK. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4443809.stm>

Примечания

1

Overy R. Russia's War: A History of the Soviet War Effort, 1941—1945. N. Y.: Penguin, 1997. P. 287; Beevor A. The Fall of Berlin 1945. N. Y.: Viking, 2002.

2

История Второй мировой войны. Т 10. М.: Воениздат. 1979. С. 504

3

Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Новая и новейшая история. №2. 1996. С. 92

4

Там же. С. 94

5

Заметки для доклада Адмирала Канариса относительно распоряжения об обращении с советскими военнопленными от 15 сентября 1941 г. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 4. М.: Юридическая литература С. 210

6

Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание № 1, 2006. С. 8

7

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.:СПБНИИ. 2015. С. 186

8

Там же. С. 189

9

Там же. С. 190

10

Будет ли воевать Германия? Часовой. Орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. № 190. 25 мая 1937. С. 6—7

11

Alex Alexiev. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy. Rand.1982. С. 6

12

Там же. С. 6

13

Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М.: Эксмо. 2005. С. 9

14

Там же. С. 88

15

Рабоче-крестьянская Красная Армия. Серия пособий политрукам к политуставу. Выпуск 1. М.: Высший военный редакционный совет Москва. С. 37

16

Александров К. М . Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. Александров К. М. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 130

17

Александров К. М . Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. Александров К. М. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 155

18

Суржик Д. В. К старому соперничеству военных лет добавлялось новое, связанное с современным противостоянием групп военачальников. Факторы боеготовности Красной армии: «чистки» и «болезни роста» в новых военно-исторических трудах. Военно-исторический журнал. № 8. 2016. С. 69 – 77

19

Там же. С. 69-70

20

Александров К. М . Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. Александров К. М. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 166

21

Хью Т. Гражданская война в Испании. 1931 – 1939 гг. М.: Центрполиграф. 2003. С. 310

22

Коллекция документов по истории советско-финляндской войны. РГВА Ф. 34980. Оп. 9 Д. 1187 Лл. 4,6

23

Александров К. М . Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 145

24

Александров К. М . Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 146

25

Гусак А. В. Дезертирство из Красной армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Вестник ЮУрГУ, №8. 2008. С. 9

26

Там же. С. 9

27

Александров К. М . Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. С. 186

28

Там же. С. 186

29

Будем правдивы. Часовой. Орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. № 182—183. январь 1937. С. 2

30

Александров К. М . Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 188

31

Там же. С. 188

32

Будем правдивы. Часовой. Орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. № 182—183. январь 1937. С. 2

33

В эти дни. Часовой. №243. 10-го сентября 1939. С. 2

34

Александров К. М . Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 205

35

Там же. С. 206—207

36

Там же. С. 206

37

Иностранные формирования Третьего рейха. Под. ред. Семенова К. К. М.: Астрель. 2011. С. 512

38

Там же. С. 512

39

Там же. С. 515

40

Там же. С. 516

41

Там же. С. 516

42

Там же. С. 518

43

Там же. С. 520

44

Алехин Г. В. Генерал Хольмстон-Смысловский и Русское Освободительное движение. // Наши вести. № 436/2737. 1994. С. 10

45

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского Освободительного движения. Под ред. Окорочова А. В. №4. М.: Архив РОА. 1999. С. 117

46

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского Освободительного движения. Под ред. Окорочова А. В. №4. М.: Архив РОА. 1999. С. 118

47

На службе России и Абвера. Жуков Д. А. Ковтун И. И. Газета «Совершенно секретно». № 7 (302). Июнь 2014. С. 19

48

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского Освободительного движения. Под ред. Окорочова А. В. №4. М.: Архив РОА. 1999. С. 118

49

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 51

50

Дядя Бориса Смысловского Е. К. Смысловский несколько раз арестовывался советскими карательными органами. В 1933 году он умер после унижительных допросов советскими чекистами и издевательств с их стороны. Нескольким арестам и преследованиям со стороны большевистской власти подвергся и отец Бориса Алексеевича.

51

Цитата по: Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 64

52

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского Освободительного движения. Под ред. Окорочкова А. В. №4. М.: Архив РОА. 1999. С. 118

53

Цитата по: Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 78

54

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского Освободительного движения. Под ред. Окорочкова А. В. №4. М.: Архив РОА. 1999. С. 119

55

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 111

56

Там же. С. 111

57

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 113

58

На службе России и Абвера. Жуков Д. А. Ковтун И. И. Газета «Совершенно секретно». № 7 (302). Июнь 2014. С. 19

59

Иностранные формирования Третьего рейха. Под ред. Семенова К. К. М.: Астрель. 2011. С. 438

60

Там же. С. 439

61

На службе России и Абвера. Жуков Д. А. Ковтун И. И. Газета «Совершенно секретно». № 7 (302). Июнь 2014. С. 20

62

Там же. С. 20

63

Цитата там же. С. 20

64

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 121

65

Иностранские формирования Третьего рейха. Под ред. Семенова К. К. М.: Астрель. 2011. С. 440

66

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 125

67

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского Освободительного движения. Под ред. Огорокова А. В. №4. М.: Архив РОА. 1999. С. 124

68

Борис Хольмстон-Смысловский. Первая Русская национальная армия против СССР. Война и политика. М.: Вече. 2011. С. 11

69

На службе России и Абвера. Жуков Д. А. Ковтун И. И. Газета «Совершенно секретно». № 7 (302). Июнь 2014. С. 20

70

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 256

71

Цитата там же. С. 257

72

На службе России и Абвера. Жуков Д. А. Ковтун И. И. Газета «Совершенно секретно». № 7 (302). Июнь 2014. С. 21

73

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 263

74

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского Освободительного движения. Под ред. Окорочова А. В. №4. М.: 1999. С. 125

75

Борис Хольмстон-Смысловский. Первая Русская национальная армия против СССР. Война и политика. М.: Вече. 2011. С. 131

76

Иностранные формирования Третьего рейха. Под ред. Семенова К. К. М., Астрель. 2011. С. 441

77

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 283

78

Там же. С. 283

79

Там же. С. 284

80

Там же. С. 286 – 287

81

Там же. С. 286

82

Генерал Хольмстон-Смысловский и русское освободительное движение. Наши вести. № 435/2736. Июнь 1994. С. 10

83

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 305 – 306

84

Генерал Хольмстон-Смысловский и русское освободительное движение. Наши вести. № 435/2736. Июнь 1994. С. 9

85

Nazi crimes taint Liechtenstein. BBC News. [Электронный ресурс] // Last Updated: 14 April, 2005, 10:03 GMT 11:03 UK. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4443809.stm> (дата обращения: 16. 02. 2018)

86

Генерал Хольмстон-Смысловский и русское освободительное движение. Наши вести. № 435/2736. Июнь 1994. С. 9

87

Там же. С. 9

88

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 343–344

89

Там же С. 345

90

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 351

91

Там же. С. 355

92

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 356—357

93

Там же. С. 358

94

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского Освободительного движения. Под ред. Огорокова А. В. №4. М.: 1999. С. 130

95

Там же. С 131

96

Генерал Хольмстон-Смысловский и русское освободительное движение. Наши вести. № 435/2736. Июнь 1994. С. 10

97

Особый штаб «Россия». Грибков И. Жуков Д. М.: Вече. С. 367

98

На службе России и Абвера. Жуков Д. А. Ковтун И. И. Газета «Совершенно секретно». № 7 (302). Июнь 2014. С. 21

99

Генерал Хольмстон-Смысловский и русское освободительное движение. Наши вести. № 435/2736. Июнь 1994. С. 10

100

На службе России и Абвера. Жуков Д. А. Ковтун И. И. Газета «Совершенно секретно». № 7 (302). Июнь 2014. С. 21

101

Борис Хольмстон-Смысловский. Первая Русская национальная армия против СССР. Война и политика. М.: Вече. 2011. С. 192

102

Там же С. 196

103

Борис Хольмстон-Смысловский. Первая Русская национальная армия против СССР. Война и политика. М.: Вече. 2011. С. 200—201

104

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского. Материалы по истории Русского

Освободительного движения. Под ред. Огорокова А. В. №4. М.: Архив РОА. 1999. С. 132

105

Герэн А. Серый генерал. М.: Прогресс. 1970. С. 78

106

Хоффманн И. Hoffmann Joachim. История власовской армии. Пер. с нем. Е. Гессен. Paris. YMCA-PRESS, 1990. / <http://militera.lib.ru/research/hoffmann/03.html> (время обращения: 23. 02. 2018)

107

Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol 4. San Jose: R. James Benoer Publishing, 1994

108

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 295

109

Там же. С. 302

110

Там же. С. 304

111

Там же. С. 305

112

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 305

113

Там же. С. 306

114

Краснов П. Н. Казаки в Абиссинии. Дневник Начальника конвоя Российской Императорской Миссии в Абиссинии в 1897—98 году. Г. XXIV. / http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0260.shtml[электронный ресурс] (время обращения: 04. 03. 2018)

115

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 309

116

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 314

117

Там же. С. 317

118

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 315

119

Там же. С. 318

120

Там же. С. 318

121

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 319

122

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 319

123

Газета «Нива». №31. 2 августа 1914 г. С. 620б

124

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 322

125

Краснов П. Н. Воспоминания о Русской императорской армии. М.: АЙРИС-ПРЕСС. 2006.
С. 11

126

Там же. С. 11

127

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 325

128

Там же. С. 325

129

Там же. С. 326

130

Там же. С. 328

131

Там же. С. 326

132

Донские генералы в Первой мировой войне. Краснов Петр Николаевич. Донской временник. / <http://www.donvrem.dspl.ru/archPersonaliiArtText.aspx?pid=28&id=613> [электронный ресурс] (время обращения 28.03.18)

133

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 331

134

Там же. С. 332

135

Там же. С. 331

136

Краснов П. Н. Воспоминания о Русской императорской армии. М.: АЙРИС-ПРЕСС. 2006. С. 11

137

Там же. С. 11

138

Гессен Г. В. Архив русской революции. Т. 1. Берлин.: Слово. 1921. С. 155

139

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 340

140

Архив русской революции. Гессен Г. В. Т. 1. Берлин.: Слово. 1921. С. 173

141

Там же. С. 177

142

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 346

143

Гессен Г. В. Архив русской революции. Т. 1. Берлин.: 1921. С. 182

144

Краткий курс ВКПб. М.: Правда. 1938. С. 201

145

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 349

146

Гессен Г. В. Архив русской революции. Т. 1. Берлин.: Слово. 1921. С. 185—186

147

Там же. С. 186

148

Донская армия в борьбе с большевиками. Благово В. А. Сапожников С. А. М.: Центрполиграф. 2004. С. 16

149

Гессен Г. В. Архив русской революции. Т. 1. Берлин.: Слово. 1921. С. 188

150

Там же. С. 189

151

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 358

152

Там же. С. 358

153

Мельгунов С. П. Красный террор в России. СП «РУССО». М.: 1990. С. 88 – 89

154

Донская армия в борьбе с большевиками. Благово В. А. Сапожников С. А. М.: Центрполиграф. 2004. С. 32

155

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 363

156

Терещенко А. Г. Конституционные акты Всевеликого войска Донского. [Электронный ресурс]: // Краеведение Ростовской области. Донской временник. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=96 (Дата обращения: 21. 04. 2018)

157

Там же.

158

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 365

159

Там же. С. 368

160

Там же. С. 369

161

Там же. С. 374

162

Там же. С. 376

163

Там же. С. 376

164

Донская армия в борьбе с большевиками. Благово В. А. Сапожников С. А. М.: Центрполиграф. 2004. С. 37

165

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 377

166

Донская армия в борьбе с большевиками. Благово В. А. Сапожников С. А. М.: Центрполиграф. 2004. С. 35

167

Там же. С. 37

168

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 383

169

Там же. С. 388

170

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 392

171

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 392

172

Там же. С. 396

173

Там же. С. 401

174

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 409

175

Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь. 2002. С. 83—84

176

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 420

177

Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь. 2002. С. 96

178

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 422

179

История Гражданской войны в СССР. 1917 – 1922. Т 4. М.: Государственное издание политической литературы. 1959. С. 296

180

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 423

181

Пеньковский Д. Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия // Знание. Понимание. Умение. 2012, №3, С. 172

182

Там же. С. 173

183

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 431

184

Там же. С. 432

185

Там же. С. 432

186

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 432

187

Краснов П. Н. Ложь. С. 87. [Электронный ресурс]
// <http://rpczmoskva.org.ru/wp-content/uploads/kr-losh.pdf> (Дата обращения: 16.05.18)

188

Там же. С. 8

189

ГАРФ. Ф. 6461. ОП. 2. Д. 34. Л. 73

190

ГАРФ. Ф. 5761. ОП. 1. Д. 16. Л. 21

191

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 465

192

Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М.: Эксмо. 2005. С. 122

193

Там же. С. 122

194

Там же. С. 122

195

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 469

196

Там же. С. 469

197

Там же. С. 470

198

Там же. С. 471

199

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006. С. 17

200

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 474

201

Там же. С. 475

202

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006. С. 17

203

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 475

204

Там же. С. 475

205

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006. С. 21

206

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 476

207

Там же. С. 476

208

Там же. С. 477

209

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006. С. 54

210

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 479

211

Jeffrey W. Every Family Has ist Freak. Perception of collaboration in Occupied Soviet Russia. 1943—1948. С. 753

212

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 485

213

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 499

214

Там же. С. 499

215

Там же. С. 499

216

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 500

217

Там же. С. 506

218

Там же. С. 507

219

Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М.: Эксмо. 2005. С. 515

220

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 507

221

Там же. С. 508

222

Там же. С. 508

223

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб. Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 509

224

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том IV. Сборник документов. М.: Издательство политической литературы. 1984. С. 263

225

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006. С. 173

226

Там же. С. 175

227

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006. С. 173

228

Там же. С. 175

229

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006. С. 177

230

Там же. С. 180

231

Там же. С. 184

232

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 523

233

Там же. С. 521

234

Там же. С. 523

235

Там же. С. 523

236

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 529

237

Франсуа де Ланнуа. Казаки Паннвица. 1942—1945. М.: Москва. 2006. С. 185

238

Там же. С. 185

239

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: Нева. М.: Олма-Пресс. 2002. С. 530

240

Убийство генерал Краснова. Часовой. №263(1). Май 1947 г. С. 19

241

Там же. С. 19

242

Бычков С. С. Большевики против русской церкви. Очерки по истории Русской Церкви. (1917—1941 гг.) Т. II. М.: Москва. 2006. С. 37—38

243

Там же. С. 79

244

Заклейменные властью. Пострадавшие за веру. По документам фонда Государственного Архива Российской Федерации. [<http://pkk.memo.ru/page%202/dukh.html>] [электронный ресурс]. (Время обращения 18.06.18)

245

Там же.

246

ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 224. Л. 35-36 оборот. Автограф

247

Список священнослужителей и мирян, подвергшихся репрессиям, составленный по документам Архива ПКК 1918—1934. Церковно-исторический вестник. №2—3. 1999. Стр. 192—196

248

Покровский Н. Н. Политбюро и церковь. 1922—1923. Три архивных дела. Журнал «Новый мир». 1994. №8

249

Бычков С. С. Большевики против русской церкви. Очерки по истории Русской Церкви. (1917—1941 гг.) Т. II. М.: Москвы. 2006. С. 367

250

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 26

251

A report by P.N. Budzilovich, presented at the Sobor Of Bishops of the Russian Orthodox Church Abroad (ROCA) 20 October in the City of The New York, USA / [Электронный ресурс] <http://www.monasterypress.com/previous.html> (Дата обращения 24.06.2018)

252

Митрополит Антоний (Храповицкий). Избранные труды. Письма. Материалы. М.: ПСТГУ. 2007. С. 786

253

Атеистический словарь. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Издательство политической литературы. 1985. С. 195

254

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 63

255

Там же. С. 63

256

Там же. С. 64

257

Энциклопедия Третьего Рейха. М.: Локид-Миф. 1996. С. 405

258

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 35

	259
Там же. С. 38—39	
	260
Там же. С. 56	
	261
Там же. С. 57	
	262
Там же. С. 57	
	263
Там же. С. 41	
	264
Там же. С. 42	
	265
Там же. С. 66	
	266
Там же. С. 68	
	267
Там же. С. 71	
	268
Там же. С. 83	
	269
Там же. С. 86	
	270
Там же. С. 133	

271

Там же. С. 134

272

Митрофанов Г. Н. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб.: Моби Дик. 2009. С. 101

273

Там же. С. 101

274

Митрофанов Г. Н. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб.: Моби Дик. 2009. С. 101

275

Там же. С. 102—103

276

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 15

277

Митрофанов Г. Н. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб.: Моби Дик. 2009. С. 104

278

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 143

279

Там же. С. 143

280

Булгаков С. Христианство и еврейский вопрос. Париж.: 1991. 156. 161

281

Ковалев Б. Рецензия на книгу: Приказ: Архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой оккупации, 1941—1944. / Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. №3 (10). 2017. С. 250

282

Там же. С. 248

283

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 305

284

Там же. С. 501

285

Там же. С. 320

286

Митрофанов Г. Н. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб.: Моби Дик. 2009. С. 106

287

Там же. С. 107

288

Там же. С. 107

289

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 160

290

Там же. С. 271

291

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 273—274

292

Митрофанов Г. Н. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб.: Моби Дик. 2009. С. 108

293

Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече. 2007. С. 275

294

Там же. С. 296

295

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. Т. 4. М.: Юридическая литература. 1990. С. 252

296

Бычков С. С. Большевики против русской церкви. Очерки по истории Русской Церкви. (1917—1941 гг.) Т. II. М.: Москва. 2006. С. 388

297

Там же. С. 389

298

Там же. С. 389

299

Бычков С. С. Большевики против русской церкви. Очерки по истории Русской Церкви. (1917—1941 гг.) Т. II. М.: Москва. 2006. С. 389

300

Иностранные формирования Третьего рейха. Под ред. Семенова К. К. М.: Астрель. 2011. С. 487

301

Красавин В. А. Генерал Власов. II Международная научная конференция. История и

Археология. Пермь. 2014. С. 52

302

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 23

303

Указ. соч. Красавин В. А. С. 25

304

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 24

305

Красавин В. А. Генерал Власов. II Международная научная конференция. История и Археология. Пермь. 2014. С. 53

306

Указ. соч. Андреева Е. Г. С. 25

307

Хоффманн И. История власовской армии. Paris.: Умса-press. 1990. С. 298

308

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 91

309

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 26

310

Красавин В. А. Генерал Власов. II Международная научная конференция. История и Археология. Пермь. 2014. С. 52

311

Волховский фронт был левым крылом Ленинградского фронта

312

Указ. соч. Андреева Е. С. 28

313

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 104

314

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 107

315

Там же. С. 110

316

Там же. С. 120—124

317

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 126

318

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 127

319

Там же. С. 122

320

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 85

321

Там же. С. 91

322

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 40

323

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев. 1993. С. 107

324

Там же. С. 110

325

Там же. С. 113

326

Там же. С. 113

327

Фицпатрик Ш. Русская революция. М.: Издательство Института Гайдара. 2018. С. 173

328

Там же. С. 196

329

Там же. С. 219

330

Там же. С. 222

331

Там же. С. 226

332

Шейла Фицпатрик. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН. 2008. С. 51

333

Фицпатрик Ш. Русская революция. М.: Издательство Института Гайдара. 2018. С. 144

334

Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. Александров К. М. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб. СПбИИ. 2015. С. 137

335

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 63

336

Там же. С. 64

337

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 70

338

Ты у меня одна... Письма генерала Власова женам. 1941—1942. Журнал Источник. №4. 1998. С. 96

339

Там же. С. 106

340

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 105

341

Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. Александров К. М. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 227

342

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 45

343

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев. 1993. С. 112

344

Там же. С. 120

345

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев. 1993. С. 127

346

Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. Александров К. М. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 242

347

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 159—160

348

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев. 1993. С. 168

349

Там же. С. 169

350

Там же. С. 169

351

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 50

352

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 267—268

353

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 53

354

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 268

355

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 352

356

Стеенберг Свен. Власов. Русский дом в Мельбурне. Австралия. 1974. С. 94

357

Там же. С. 96

358

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 326

359

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 54

360

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 349

361

Там же. С. 335, 341

362

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 58

363

Там же. С. 59

364

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 366

365

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 60

366

Стеенберг Свен. Власов. Русский дом в Мельбурне. Австралия. 1974. С. 121

367

Там же. С. 131

368

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 379

369

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев. 1993. С. 335

370

Стеенберг Свен. Власов. Русский дом в Мельбурне. Австралия. 1974. С. 148

371

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 18

372

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 64

373

Там же. С. 64

374

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 431

375

Там же. С. 433

376

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб. СПбИИ. 2015. С. 443

377

Там же. С. 448

378

Алдан А. Г. Армия обреченных. Нью-Йорк. All-slavic publishing house. 1969. С. 7-6

379

Там же. С. 9

380

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 473

381

Стеенберг Свен. Власов. Русский дом в Мельбурне. Австралия. 1974. С. 207

382

Там же. С. 208

383

Нацистский проект. «Аktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 949

384

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 185

385

Там же. С. 186

386

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 77

387

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 186

388

Там же. С. 187

389

Смыслов. О. С. Проклятые легионы. Изменники родины на службе у Гитлера. Военные тайны XX века. М.: Вече. 2015. С. 287

390

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 193

391

Там же. С. 193

392

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 1. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 963

393

Там же. С. 963

394

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев. 2010. С. 195

395

Там же. С. 200

396

Там же. С. 202

397

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943—1946 гг. СПб.: СПбИИ. 2015. С. 816

398

Там же. С. 817

399

Нацистский проект. «Aktion Wlassow». Генерал Власов. История предательства. Т. 2. Отв. Редактор Артизов А. Н. М.: РОССПЭН. 2015. С. 963

400

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Cambridge University Press. 1987. С. 186

401

Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза. Эксмо. 2005. С. 412